

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М. В. ЛОМОНОСОВА  
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*На правах рукописи*

**Преснова Наталия Владимировна**

**Рецепция трагедии Софокла в эпоху Возрождения  
(на материале латинских переводов трагедий Фиванского цикла)**

Специальность 5.9.7 —  
Классическая, византийская и новогреческая филология

**ДИССЕРТАЦИЯ**  
на соискание учёной степени  
кандидата филологических наук

Научный руководитель:  
доктор филологических наук  
Т.Ф. Теперик

Москва — 2024

## Оглавление

|                                                                                                                                                        |           |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------|
| <b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>                                                                                                                                   | <b>4</b>  |
| Общая характеристика работы .....                                                                                                                      | 4         |
| Актуальность темы исследования .....                                                                                                                   | 4         |
| Степень разработанности темы .....                                                                                                                     | 5         |
| Материал исследования.....                                                                                                                             | 22        |
| Цель и задачи работы.....                                                                                                                              | 23        |
| Научная новизна.....                                                                                                                                   | 23        |
| Теоретическая и практическая значимость работы.....                                                                                                    | 23        |
| Методология и методы исследования.....                                                                                                                 | 24        |
| Положения, выносимые на защиту .....                                                                                                                   | 25        |
| Структура исследования.....                                                                                                                            | 26        |
| Апробация работы.....                                                                                                                                  | 26        |
| <b>Глава I. ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНСКИХ ПЕРЕВОДОВ ЭПОХИ</b>                                                                                                  |           |
| <b>ВОЗРОЖДЕНИЯ .....</b>                                                                                                                               | <b>27</b> |
| 1.1. Латинские переводы в контексте литературного процесса эпохи.....                                                                                  | 27        |
| 1.2. Тенденции в книгопечатании XVI в. Книга как «филологическое пространство».....                                                                    | 39        |
| 1.3. Материалы, находившиеся в распоряжении переводчиков (рукописные и печатные тексты трагедий, латинско-греческие и греческо-латинские словари)..... | 44        |
| Итоги.....                                                                                                                                             | 51        |
| <b>Глава II. ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЯ ЛАТИНСКИХ ПЕРЕВОДОВ</b>                                                                                               |           |
| <b>ТРАГЕДИЙ СОФОКЛА В XVI В.: ПРИНЦИПЫ КОММЕНТАРИЯ .....</b>                                                                                           | <b>53</b> |
| 2.1. Виды комментариев к изданиям.....                                                                                                                 | 53        |
| 2.2. Комментарий к переводу «Антигоны» Жантьена Эрве (Лион, 1541 г.).....                                                                              | 54        |
| 2.3. Комментарий к переводу Джованни Баттисты Габио (Венеция, 1543 г. ....                                                                             | 57        |
| 2.4. Комментарий к переводу Файта Винсхейма (Вита Винсхемия; Франкфурт, 1549 г.).....                                                                  | 60        |
| 2.5. Комментарий к переводу Жана Лалемана (Иоганна Лаламанция; Париж, 1557 г.).....                                                                    | 69        |

|                                                                                              |            |
|----------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| 2.6. Комментарий к переводу Томаса Наогеорга (Томаса Кирхмейера; Базель, 1558 г.).....       | 78         |
| 2.7. Комментарий к переводу Георга Раталлера (Антверпен, 1576 г.) .....                      | 82         |
| 2.8. Комментарий к переводу «Антигоны», выполненному Томасом Уотсоном (Лондон, 1581 г.)..... | 92         |
| Итоги.....                                                                                   | 96         |
| <b>Глава III. ЛАТИНСКИЕ ИЗДАНИЯ ТРАГЕДИЙ СОФОКЛА В XVI В.:</b>                               |            |
| <b>ПОЭТИКА ПЕРЕВОДА .....</b>                                                                | <b>98</b>  |
| 3.1. Переводы Георга Раталлера и Жана Лалемана: вопрос о плагиате .....                      | 98         |
| 3.2. Особенности изучаемых переводов. ....                                                   | 102        |
| 3.2.1. Эквиритмичность и эквилинеарность. ....                                               | 102        |
| 3.2.2. Лексические особенности. Проблемы буквалистского подхода к переводу .....             | 106        |
| а) Перевод названий глав государств.....                                                     | 113        |
| б) Перевод теонимов и эпитетов богов.....                                                    | 121        |
| с) Перевод лексики, отражающей мифологему судьбы.....                                        | 126        |
| 3.2.3. Грамматические особенности.....                                                       | 128        |
| а) Перевод конструкции Genetivus absolutus. ....                                             | 128        |
| б) Перевод причастий .....                                                                   | 128        |
| с) Способы выражения цели .....                                                              | 130        |
| 3.2.4. Перевод сентенций и соблюдение границ сентенции. ....                                 | 131        |
| 3.2.5. Перевод партий хора.....                                                              | 144        |
| 3.2.6. Расширение и дополнение оригинала .....                                               | 148        |
| 3.2.7. Примечания переводчиков .....                                                         | 153        |
| Итоги.....                                                                                   | 163        |
| <b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>                                                                      | <b>165</b> |
| <b>ПРИЛОЖЕНИЕ.....</b>                                                                       | <b>171</b> |
| <b>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ .....</b>                                                               | <b>196</b> |
| <b>ЛИТЕРАТУРА .....</b>                                                                      | <b>197</b> |

## **ВВЕДЕНИЕ**

### **Общая характеристика работы.**

Деятели Возрождения, обращаясь к античному наследию, должны были провести серьёзную текстологическую и переводческую работу. Во-первых, необходимо было проанализировать рукописи и подготовить для печати выверенный вариант текста. Во-вторых, для древнегреческих текстов необходимо было решить ещё одну проблему: как сделать их доступными для всех образованных людей, а не только для тех, кто знает древнегреческий язык настолько хорошо, чтобы читать произведения в оригинале. Самым очевидным решением стал перевод текстов на международный и более доступный язык – латинский.

Данная работа посвящена анализу латинских переводов трагедий Софокла, относящихся к Фиванскому циклу («Антигона», «Царь Эдип», «Эдип в Колоне»), их сопоставлению, эволюции и выявлению тенденций в переводческой деятельности гуманистов в XVI в. Также уделяется внимание комментариям и примечаниям переводчиков и их роли в ренессансных изданиях античных авторов.

### **Актуальность темы исследования.**

Значительную долю исследований, посвящённых рецепции, традиционно составляют работы, в которых рассматривается рецепция античных языческих и христианских текстов<sup>1</sup>. Однако в настоящее время на материале ренессансных латинских переводов рецепция Античности исследуется редко, особенно в отечественной филологии. Отчасти это связано с тем, что изучение латинских переводов, выполненных в XVI в., имеет междисциплинарную природу, поскольку связано и с классической филологией, и с историей зарубежной литературы. В зарубежной филологии новолатинской литературе и новолатинским переводам

---

<sup>1</sup> Любжин, А.И. Рецепция римской литературы в России XVIII – начала XX века. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. – М., 2012. – С. 3-4).

посвящается довольно много статей и монографий, а также существуют целые журналы и научные семинары, посвящённые этой тематике<sup>2</sup>. Однако полного и подробного анализа всех известных печатных переводов Софокла XVI в. по-прежнему не представлено: существуют лишь отдельные статьи, посвящённые некоторым переводчикам. Тем не менее, данная тема имеет значение не только для изучения рецепции Античности в эпоху Возрождения, но и для истории классической филологии, а также для истории зарубежной литературы.

Анализ латинских переводов XVI в. позволяет определить, как трактовали древнегреческую трагедию деятели Возрождения, как они относились к тем или иным её персонажам и почему считали важным издание этих текстов на латинском языке. Также можно отметить различные подходы к переводу в рамках двух основных переводческих школ – *ad verbum* (дословный перевод) и *ad sensum* (перевод по смыслу). В работе представлен и подробный обзор переводов поэтических произведений древнегреческой литературы в XVI в., что позволяет проанализировать латинские версии трагедий Софокла в контексте схожих изданий.

### **Степень разработанности темы.**

Особенностью новолатинской литературы является то, что история её изучения – почти ровесница ей самой: первые попытки зафиксировать основные произведения, написанные на новой латыни (в том числе переводы античных произведений), относятся ещё к эпохе Возрождения. Гуманисты стремятся каталогизировать деятельность своих великих современников и предшественников, составлять списки их трудов, в том числе переводов, рассказывать об их жизни и деятельности. Так, уже в 1425-1437 гг. появляется

---

<sup>2</sup> Среди журналов стоит отметить 'Neulateinische Jahrbuch' (с 1999 г.), 'Rinascimento' (с 1950 г.), 'Italia Medievale e Umanistica' (с 1958 г.), 'Interpres' (с 1978 г.), 'The International Journal of the Classical Tradition' (с 1994 г.), 'Studi Medievali e Umanistici' (с 2003 г.).

список, составленный Сикко Полентоном и носящий заголовок «Выдающиеся латиноязычные писатели», куда входят не только классические, но и современные авторы<sup>3</sup>. При этом часто гуманисты в автобиографиях упоминают о своих произведениях и переводах, иногда ссылаясь на предшественников. Таким образом, каталоги, биографии и автобиографии служат ценным материалом при исследовании переводов на латынь и сами по себе являются чем-то вроде такого исследования.

В XV в. гуманисты рассуждают и о том, каким же должен быть правильный перевод на латинский язык, и создают ряд трактатов, посвящённых теории перевода. В XVI в. деятели Возрождения не оставляют попыток составить полный список новолатинских авторов, своеобразным видом исследования новолатинской литературы становится публикация собраний сочинений. В такие собрания нередко включались не только оригинальные произведения, но и переводы на латынь, особенно если это были *opera omnia* (полные собрания сочинений). Например, в собрание сочинений французского гуманиста Жантьена Эрве (1541 г.) вошли не только латинские трактаты его авторства, но и перевод на латынь трагедии «Антигона» Софокла<sup>4</sup>. Также в 1540-1580 гг. были составлены и опубликованы собрания сочинений выдающихся предгуманистов и гуманистов, которые писали не только на национальном языке, но и на латыни (или же исключительно на латыни): труды Франческо Петрарки, Джанфранческо Поджо Браччолини, Флавио Бьондо, Лоренцо Валлы, Пия II, Густаво Мантуана, Анджело Полициано, Марка Антония Сабеллика, Якопо Саннадзаро, Марка Иеронима Види, Джироламо Фракасторо, Пьетро Бембо, Марсилио Фичино, Джованни Пико делла Мирандола, Иоанна Секунда, Хуана Луиса Вивеса, Эразма Роттердамского

---

<sup>3</sup> Hawkins, J. Charles Fantazzi and the Study of Neo-Latin Literature / T. Kircher, L. Deitz, J.A. Reid, ed. // Neo-Latin and the Humanities: Essays in Honour of Charles E. Fantazzi. – Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2014. Pp. 33-45.

<sup>4</sup> Hervet, G. Gentiani Herveti Aurelii quaedam opuscula. – Lugduni (Lyon): Apud Stephanum Doletum, 1541. – 190 p.

и многих других<sup>5</sup>. Такие издания включали в себя и произведения, ни разу не издававшиеся, поэтому предполагали серьёзное исследование материала (иногда они даже включали комментарии и глоссы, как издания античных авторов), а впоследствии сами стали важным источником, сохранившим первые публикации латинских переводов.

В конце XVII – середине XVIII вв. вопрос о переводах на латынь, сделанных в Новое время, снова начинает более активно исследоваться, хотя пока по-прежнему только косвенно: в контексте исследований сочинений Петрарки или итальянской литературы в целом, издания сочинений гуманистов и составления предисловий и комментариев к ним. Например, в 1703-1708 гг. Жан де Клер осуществил 10-томное издание трудов Эразма Роттердамского (*Desiderii Erasmi Rotterodami Opera Omnia*), в которое также включены его переводы на латинский язык произведений Еврипида, Лукиана, Исократа и др..

Стоит также отметить деятельность Александра Поупа (1688-1744), который существенную часть своих трудов посвятил изучению античной литературы и её рецепции, а также сам перевёл на английский язык «Илиаду» и «Одиссею», снабдив издания подробными предисловиями и комментариями.

Однако в XVIII в. ещё не существовало отдельных исследований, посвящённых непосредственно переводам с древнегреческого на латынь в эпоху Возрождения. Такие переводы лишь упоминались в контексте изучения деятельности гуманистов.

В XIX в. ситуация кардинально изменилась: в конце столетия снова происходит рост интереса к неолатинским произведениям и переводам, более того, теперь изучение новой латыни и перевода на неё древнегреческой литературы видится как отрасль именно классической филологии. Так, в предисловия к новым изданиям античных писателей или в рецензии на эти издания, как правило,

---

<sup>5</sup> Hawkins, J. Указ. соч. С. 33-45.

включается информация о латинских переводах и других способах рецепции: в 1827 году в статье, посвящённой оксфордскому изданию Софокла 1826 г., в списке всех предшествующих изданий, начиная с *editio princeps* (первого печатного издания) 1502 г., перечислены также издания латинских переводов, но пока упоминаются только три из пяти известных в настоящее время публикаций латинских версий сохранившихся трагедий Софокла – это переводы Джованни Баттисты Габбио (1543 г.), Жана Лалемана (1557 г.) и Георга Раталлера (1550 г. – три трагедии, 1576 г. – все сохранившиеся трагедии)<sup>6</sup>.

Часто изучение переводческой деятельности тесно связано с историей гуманистического образования и воспитания, поскольку перевод считался одним из лучших школьных упражнений, которое позволяет развивать знания на всех языковых уровнях (грамматическом, лексическом и стилистическом). Филолог-классик конца XIX – начала XX вв. Ремиджо Саббадини занимался в том числе изучением рецепции античных произведений, а также исследовал деятельность гуманистов и вопрос об устройстве школьного образования в эпоху Возрождения. В частности, он написал монографию «*La scuola e gli studi di Guarino Guarini Veronese*» («Школа и занятия Гварино Гварини из Вероны»), в которой есть особый раздел, посвящённый переводу и адаптации античных произведений («*Traduzioni, riduzioni, imitazioni*» – «Переводы, сокращения, «подражания»»)<sup>7</sup>. В ней приведены свидетельства о том, что часто педагоги-гуманисты давали своим ученикам задание перевести тот или иной фрагмент из античного текста с одного классического языка на другой.

Франческо Новати (1859-1915) тоже изучал античную и ренессансную литературу на латинском языке, но с точки зрения её влияния на итальянскую культуру и формирование национального литературного процесса. В 1897 г.

---

<sup>6</sup> Oxford Edition of Sophocles // *The British Critic, and Quarterly Theological Review*. – 1827. – Vol. 1. – Pp. 281-320.

<sup>7</sup> Sabbadini, R. *La scuola e gli studi di Guarino Guarini Veronese (con 44 documenti)*. – Catania: Tip. Francesco Galati, 1896. – 240 p.



вышла его монография «L'influsso del pensiero latino sopra la civiltà italiana Medio Evo» («Влияние латинской мысли на итальянскую цивилизацию Средневековья»), которая, хоть и посвящена Средним векам, а не Возрождению, содержит много полезной информации о рецепции античного наследия. Также Новати занимался изучением творчества Колуччо Салютати, одного из первых итальянских гуманистов, который заложил основы новой латыни, взяв за образец язык Вергилия и Цицерона.

В первой половине XX века возникает мысль о том, что новолатинская литература (особенно итальянская) должна рассматриваться как часть богатой католической культуры<sup>8</sup>. Учёные начинают исследовать ренессансные произведения и переводы с точки зрения влияния на них католического мировоззрения: например, Джузеппе Билланович посвятил основную часть своих работ анализу наследия Петрарки. Он много писал также о рецепции Античности в гуманизме, например, обсуждал влияние на итальянский гуманизм Тита Ливия<sup>9</sup>, которому Петрарка в своё время даже адресовал письмо, поскольку воспринимал историка, жившего за много веков до него, как своего современника, ведь и Тит Ливий, и Петрарка могли говорить и писать на одном языке – латинском.

В 1933–1939 гг. Католический университет Америки выпускал научный журнал, целиком посвящённый изучению средневековой и ренессансной латыни («Studies in Medieval and Renaissance Latin»). Статьи в журнале в основном были посвящены оригинальным произведениям, а не переводным, но содержали важные сведения о деятельности гуманистов.

Во второй половине XX в. и XXI вв. «католическая» линия продолжила своё существование: изучением влияния католицизма (а особенно – иезуитских школ) на культуру Возрождения занимался и американский историк Джон Уильям

---

<sup>8</sup> Hawkins J. Указ. соч. С. 33-45.

<sup>9</sup> Billanovich, G. La tradizione del testo di Livio e le origini dell'Umanesimo. – Padova (Padua): Editrice Antenore, 1981. – 638 p.

О'Мэллей, который сам совмещал деятельность профессора и учёного с деятельностью проповедника-иезуита. Эти исследования крайне важны для изучения переводов на латынь, поскольку многие переводчики получили образование в иезуитских школах, поэтому знакомство с программами и деятельностью таких школ позволяет определить более точно уровень знаний гуманистов и круг известных им текстов.

В XX–XXI в. латинские переводы часто обсуждаются в монографиях, посвящённых гуманистическому образованию, различным школам и университетам. Например, Уильям Харриосон Вудворд упоминает о том, что перевод древнегреческих текстов на латынь считался лучшим упражнением для достижения хорошего латинского стиля, а также о том, что при обучении могли использоваться параллельные греко-латинские тексты, специально составленные преподавателями<sup>10</sup>.

Нередко упоминание о новолатинских переводах встречается также в исследованиях по истории драматургии: так, Г.К. Хантер пишет о некоторых графических особенностях изданий (в первую очередь Елизаветинской эпохи): в изданиях драм (как переводных – на латынь или национальные языки, так и оригинальных), публикуемых в 1500-1660 гг., *sententiae* (сентенции – краткие высказывания общего содержания) маркируются знаком кавычек на полях. Это очень важная деталь, которая позволяет предположить, что новолатинские переводы древнегреческих драм могли делаться в том числе для того, чтобы пополнить запас крылатых латинских выражений.

Для изучения ренессансных латинских переводов также весьма полезны работы, посвящённые гуманизму и гуманистам. Множество таких работ появилось в XX–XXI вв.; особенно стоит отметить монографии, посвящённые влиянию

---

<sup>10</sup> O'Malley, J.W. *Religious Culture in the Sixteenth Century: Preaching, Rhetoric, Spirituality, and Reform*. – Aldershot: Variorum Publishing, 1993. – 294 p. (издание представляет собой сборник статей, посвящённых влиянию религии на культуру Возрождения); O'Malley, J. W. *The Jesuits: a history from Ignatius to the Present*. – New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. – 488 p.

византийской учёности на итальянское Возрождение: так, И.П. Медведев в книге «Византийский гуманизм XIV-XV вв.»<sup>11</sup> подробно описывает деятельность греческих учёных в Италии (в том числе преподавательскую). Во многом благодаря приглашению таких учёных в школы и университеты увеличилось количество людей, владеющих не только латынью, но и древнегреческим.

Существует немало других отечественных работ, посвящённых гуманистам, гуманистическому образованию и воспитанию. Например, в трудах Н.В. Ревякиной подробно изучается устройство гуманистических школ и гуманистической картины мира<sup>12</sup>. Также следует отметить отечественные исследования, посвящённые Эразму Роттердамскому<sup>13</sup> и двухтомную энциклопедию «Культура Возрождения»<sup>14</sup>.

Важной сферой исследования является составление и изучение словарей ренессансной латыни. Так, в 1954 г. вышла монография, посвящённая англо-латинским и латинско-английским словарям<sup>15</sup>. Следует отметить, что, хотя новолатинские писатели опираются прежде всего на латынь классического периода, ренессансная латынь всё же имеет свои особенности и неологизмы, поэтому должна фиксироваться в специализированных словарях.

---

<sup>11</sup> Медведев, И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. – 255 с.

<sup>12</sup> Ревякина, Н.В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV-XV веков. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. – 255 с.; Ревякина, Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения (XIV – первая половина XV в.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Нина Викторовна Ревякина. – Новосибирск, 1979. – 413 с.

<sup>13</sup> Смирин, М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли. – М.: Наука, 1978. – 236 с.; Осинковский, И.Н. Эразм Роттердамский и Томас Мор: из истории ренессансного христианского гуманизма. – М.: МГПУ, 2006. – 217 с.

<sup>14</sup> Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. В 3-х кн. / Отв. ред. Н.В. Ревякина. М.: РОССПЭН, 2007-2011. Т. 1. А — К; Т. 2. Кн. 1. Л — П; Т. 2. Кн. 2. Р — Я, А, S.

<sup>15</sup> Starnes, D.T. Renaissance Dictionaries: English-Latin and Latin-English. – Austin: University of Texas Press, 1954. – 427 p. В монографии приводятся сведения об эволюции английско-латинской и латинско-английской лексикографии в Новое время, начиная с *Promptorium parvulorum* (ок. 1440 г.) и заканчивая «Тезаурусом» Роберта Эйнсворта (1736 г.).

Таким образом, можно перечислить немало исследований, которые косвенно имеют отношение к исследованию новолатинских переводов. Однако работы, посвящённые непосредственно изучению перевода с древнегреческого на латынь как одного из видов рецепции античного наследия, впервые появляются только в XX в. и довольно редки. Гораздо чаще эти переводы рассматриваются в контексте какой-либо национальной традиции. Например, Рене Стурель (1885–1914) исследовал французскую переводческую традицию и, говоря об её формировании, нередко обращался и к латинским переводам эпохи Возрождения, выполненным французскими гуманистами. Особое внимание он уделял рецепции античных произведений: например, ему принадлежит монография, посвящённая переводам сочинений Плутарха, выполненным Жаком Амио<sup>16</sup> (Амио перевёл Плутарха на французский язык, однако он был также известен как переводчик на латынь – перевёл «Эфиопику» Гелиодора, а также преподавал в университетах латынь и древнегреческий). Стурель написал и статью о рецепции древнегреческой трагедии во французской литературе<sup>17</sup>. Обзор он начинает именно с первых латинских переводов трагиков в XVI в. Исследователь приходит к важному выводу о том, что для французской переводческой традиции XVI в. было свойственно увеличивать количество строк оригинала при переложении как на латынь, так и на национальный язык. Также Стурель изучал творчество Маттео Банделло, итальянского гуманиста XVI в., которому принадлежит адаптированная итальянская версия трагедии Еврипида «Гекуба»<sup>18</sup>. Таким образом, несмотря на свою короткую жизнь, Рене Стурель сделал немало важных для изучения новолатинских переводов наблюдений и стал одним из первых учёных, специализирующихся на рецепции античного наследия в эпоху Возрождения.

---

<sup>16</sup> Sturel, R. Jack Amyot, traducteur des Vies paralleles de Plutarque. – Paris: Honoré Champion, 1908. – 646 p.

<sup>17</sup> Sturel, R. Essai sur les traductions du théâtre grec en français avant 1550 // Revue d' Histoire littéraire de la France. – 1913 – №3. – Pp. 637-666.

<sup>18</sup> Sturel, R. Bandello en France au XVIe siècle. – Bordeaux: Feret & Fils, 1918 – 204 p.

Современником Стуреля, занимавшимся рецепцией античности, был Дин Путнем Локвуд. В 1918 г. вышла его статья, рассматривающая переводы с древнегреческого на латынь: это краткий обзор, который начинается с Античности и заканчивается замечанием о том, что латынь и в современную автору эпоху (в начале XX в.) остаётся языком научного комментария к изданиям античных классиков (так, Локвуд приводит в качестве примера берлинское издание комментариев к Аристотелю, которое печатается с параллельным переводом на латынь<sup>19</sup>. Таким образом, в эпоху Локвуда переводы на латинский язык ещё не кажутся чем-то редким и удивительным; более того, издания античных авторов с комментариями на латинском языке продолжают появляться и сейчас<sup>20</sup>.

Латинские переводы, выполненные в эпоху Возрождения, Локвуд оценивает особенно высоко, при этом указывая на существенный рост переводческого мастерства от Средних веков к XV в. и затем от XV к XVI в.: средневековые латинские переводы были далеко не столь успешны с точки зрения стилистики, как ренессансные. Что касается XVI в., именно тогда новолатинская переводческая традиция достигает своего расцвета: ведь к этому времени книгопечатание уже довольно широко распространено, в отличие от XV в., и в распоряжении переводчиков находится множество печатных словарей и грамматик, которые могли быть полезны при переводе с древнегреческого на латынь. Также в XVI в. переводятся с древнегреческого прежде всего поэтические тексты, тогда как в XV в. переводились прозаические (в основном, исторические и философские сочинения). Поэтический перевод требует гораздо большего мастерства; особенно гуманистов интересовала древнегреческая трагедия, перевод которой во многом стал возможен благодаря публикации *editiones principes* (первых печатных изданий) греческих трагиков, которая была осуществлена в начале XVI в.; кроме

---

<sup>19</sup> Lockwood, D.P. Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. – 1918. – Vol. 49. – Pp. 115-129.

<sup>20</sup> Примером такого издания является: Sophocles. Sophoclis Oedipus Rex. Recognovit Maurus Augustus. – М.: Typ. acad. Moscoviensis, 2016. – 75 p.

того, в XV в. была переведена на латынь и к XVI в. уже стала широко распространена «Поэтика» Аристотеля, содержащая ценные сведения об античных жанрах (сохранилась только часть, рассказывающая о трагедии). Объяснения, данные Аристотелем, существенно облегчили для гуманистов понимание трагедии.

Переводы на новую латынь также отображены в некоторых каталогах: например, в 1945 г. был опубликован первый том основанного Полом Окаром Кристеллером каталога средневековых и ренессансных латинских переводов и комментариев («Catalogus translationum et commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin translations and commentaries: annotated lists and guides»). Предполагается, что каталог будет включать все латинские переводы древнегреческих авторов и все латинские комментарии к древнегреческим и древнеримским авторам, сделанные до 1600 г. Цель такого масштабного труда – отобразить огромное влияние, которое античное наследие оказало на развитие европейской литературы. Также главной задачей Кристеллера было выяснить, в какую эпоху и какие конкретно авторы были известны и переведены. Это позволяет значительно облегчить изучение деятельности гуманистов в целом и их переводческой и просветительской деятельности в частности: очень часто для того, чтобы сделать какие-либо выводы, требуется знать о том, могло ли какое-то издание быть в библиотеке гуманиста, мог ли он быть с ним знаком. Примечательно, что тома каталога содержат подробную библиографию, в которой помещены работы, посвящённые латинским переводам. Издания строятся в алфавитном порядке (по именам античных авторов). После каждого имени приводятся названия произведений (также в алфавитном порядке) и имена переводчиков и комментаторов. Затем даётся подробная словарная статья о рецепции рассматриваемого античного автора в Средние века и эпоху

Возрождения. Каталог регулярно обновляется, новые тома продолжают выходить: так, последний на данный момент XII том вышел совсем недавно, в 2022 г.)<sup>21</sup>.

В 70–80-е гг. XX в. появляются статьи Глина Нортон, посвящённые вопросам перевода во Франции эпохи Возрождения<sup>22</sup>: учёный рассматривает переводы как на латинский язык, так и на французский. В частности, он уделяет много внимания Этьену Доле – французскому гуманисту XVI в., которому принадлежала знаменитая статья 1540 г. «La manière de bien traduire d’une langue en aultre» («О способе хорошо переводить с одного языка на другой»). Принципы, которыми, по мнению Доле, должен руководствоваться переводчик, сильно повлияли на французскую переводческую традицию<sup>23</sup>.

Формирование английской переводческой традиции на примере переводов древнегреческих текстов на латынь рассматривает Дж.В. Биннс<sup>24</sup>. Научные интересы Биннса – английская культура и литература Елизаветинской эпохи, но, обращаясь к этой теме, он также признаёт важность латинской традиции для данного периода. Биннс подчёркивает существенное влияние античной литературы на английскую и то, что знакомство с античными произведениями часто становилось возможным именно благодаря латинским переводам, поскольку в XVI в. и даже в XVII в. латынь была *lingua franca*.

---

<sup>21</sup> Catalogus Translationum Et Commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries: Annotated Lists and Guides: Volume XII: Ovid / Coulson, F.T., Anderson, H., Levy, H.L., Dinkova-Bruun, Gr., Hankins, J., Gaisser, J.H., ed. – Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2022. – 596 p.

<sup>22</sup> Norton, G. Translation Theory in Renaissance France: Etienne Dolet and the Rhetorical Tradition // Renaissance and Reformation. – 1974. – №10. – Pp. 1-13. Norton G. The ideology and Language of Translation in Renaissance France, and their Humanist antecedents. – Geneva, 1984. – 361 p.

<sup>23</sup> Основные положения трактата Доле состоят в следующем: 1) Переводчик должен полностью понимать смысл текста, который он переводит; 2) Переводчик должен в совершенстве владеть языком оригинала и языком перевода; 3) Буквалистский подход к переводу недопустим; 4) При переводе с латинского на романские языки не стоит злоупотреблять кальками с латинского; 5) Переводчик должен соблюдать нормы ораторской речи (Горбовский, с. 84-93).

<sup>24</sup> Binns, J.W. Latin Translations from Greek in the English Renaissance // Humanistica Lovaniensia. – 1978. – № 27. – Pp. 128–159.

Некоторые работы посвящены латинским переводам отдельных авторов: так, Джеймс Хенкинс в 1984 г. защитил диссертацию о переводах Платона<sup>25</sup>. Исследователь отмечает, что начало XV в. – важный этап в истории рецепции платоновских диалогов в Западной Европе, так как в Средние века были доступны только 4 диалога («Тимей», «Федон», «Менон» и часть «Парменида»), а в первой половине XV в. ещё 6 диалогов были переведены на латинский язык Леонардо Бруни; у диалога «Государство» появилось целых три латинских версии. Ещё 3 диалога – «Законы», «Эпиномис» и «Парменида» (на этот раз полностью) – перевёл Георгий Трапезундский, а Марсилио Фичино в 1484 г. опубликовал все известные сочинения Платона в латинском переводе. Благодаря этим переводам большое количество работ Платона стало доступно образованным людям и оказало колоссальное влияние на развитие западноевропейской культуры.

Переводческой деятельности Леонардо Бруно (и, конечно, выполненным им переводам Платона) также посвящено немало исследований. Пол Ботли включил его в число трёх ключевых фигур переводчиков XV–XVI вв.<sup>26</sup>. Ботли считает, что можно проследить в общих чертах всю историю ренессансного перевода на примере нескольких выдающихся переводчиков. Он также уделяет особое внимание переводам на латинский язык религиозных текстов, дискуссиям о правильном переводе и трактатам, в которых переводчики объясняли свои идеи и защищались от нападок противников.

Латинское издание Платона, подготовленное Фичино, рассматривается в работе Т.В. Ризера «Setting Plato Straight. Translating Ancient Sexuality in the Renaissance» (2015) с особой точки зрения: автор обращает внимание на желание

---

<sup>25</sup> Hankins, J. Latin translations of Plato in the Renaissance. Dissertation / Hankins James. – New York, 1984.

<sup>26</sup> Botley, P. Latin Translation in the Renaissance: the theory and practice of Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti, Desiderius Erasmus. – Cambridge / New York: Cambridge University Press, 2004. – X + 208 pp. Ботли рассматривает феномен перевода с древнегреческого на латынь на примере трёх наиболее выдающихся деятелей Ренессанса – Леонардо Бруни, Джанноццо Манетти и Эразма Роттердамского).



ренессансных переводчиков цензурировать Платона; гуманисты часто убирали из диалогов всё, что касается гомосексуальности, или переводили такие фрагменты более «сдержанно» и скромно.

Но самое большое число исследований о переводах с древнегреческого на латынь в эпоху Возрождения появляется в зарубежной филологии в конце XX в. и в XXI в. Так, бельгийский академик Тео Херманс (род. 1948), научные интересы которого лежат в области теории и практики перевода, посвятил некоторые работы и исследованию переводов, сделанных в эпоху Возрождения<sup>27</sup>. По его мнению, наиболее важный вопрос для переводов этой эпохи – какая задача стоит перед переводчиком, почему он вообще берётся за работу? (Для обозначения задач переводчика Херманс использует слова *task*, *duty* и латинское *officium*.) Учёный делает акцент на том, что в XVI в. термин «перевод» ещё не столь отделим от интерпретации и адаптации, поэтому каждый переводчик может определять его для себя по-своему. Также он указывает на сосуществование в XV-XVI вв. двух переводческих традиций *ad verbum* (дословный перевод, в котором единицей перевода является слово или словосочетание), *ad sententiam* (в которой единицей перевода является синтагма, предложение или даже период) и *ad sensum* (единица перевода – смысл). Термины *ad verbum* и *ad sensum* употреблялись самими переводчиками и теперь широко используются в работах, посвящённых изучению средневековых и ренессансных переводов. В XIX в. эти термины используются также в классических работах по теории перевода; встречаются они и в научных журналах как на латинском, так и на современных европейских языках, а также в исследованиях, посвящённых переводу Священного Писания и других религиозных текстов.

Большое количество работ о ренессансных переводах с древнегреческого на латынь появилось в зарубежном литературоведении в течение последних 20 лет.

---

<sup>27</sup> Hermans, Th. The task of the Translator in the European Renaissance / S. Bassnett, ed. // Translating literature (Essays and studies). Cambridge: D.S. Brewer, 1997. – Pp. 14-40.

Среди современных исследований стоит отметить сборник статей «The Politics of Translation in the Middle Ages and the Renaissance»<sup>28</sup>. Во многих исследованиях XXI в. рассматриваются переводы древнегреческой драмы на латынь, а также попытки поставить новолатинские драмы на сцене<sup>29</sup>. В ряде современных статей на тему рецепции Античности упоминаются переводы Софокла. Гилберт Хайет в монографии, исследующей влияние античной культуры на европейскую<sup>30</sup>, посвящает отдельную главу переводам античной драмы. В XVI в. начинают активно переводиться на латынь и национальные языки трагедии Софокла и Еврипида, а вот Эсхила и Аристофана переводят существенно реже. Хайет говорит о феномене сосуществования практически в одно и то же время латинских и, например, итальянских переводов. Несмотря на то, что международным и самым распространённым языком для перевода оставалась латынь, уже в первой половине XVI в. появляются некоторые переводы трагиков на испанский и итальянский (Фернан Перез де Оливиа в 1525 г. перевёл «Электру» Софокла на испанский под названием «Месть за Агамемнона», а Аламанни опубликовал свою итальянскую версию «Антигоны» Софокла в 1533 г.; Лодовико Дольче в 40-е гг. перевёл на итальянский несколько трагедий Еврипида – «Гекубу», «Медю», «Ифигению в Авлиде» и «Финикиянок»). Всё это не мешало гуманистам продолжать осуществлять переводы и на латынь как на международный язык и «язык древних». Отдельные трагедии Еврипида появились на латинском языке ещё в начале XV в., когда Эразм Роттердамский перевёл «Ифигению в Авлиде» и «Гекубу». Эразму как одному из важнейших переводчиков с древнегреческого на латынь посвящена

---

<sup>28</sup> Имеется в виду сборник: The Politics of Translation in the Middle Ages and the Renaissance / Russell, D., Von Flotow-Evans, L., Blumenfeld-Kosinski, R., ed. – Ottawa: University of Ottawa Press, 2001. – 222 p.

<sup>29</sup> Helou, A.N. Translation and Performance of Greek Tragedy in the Cinquecento. – Providence: Brown University, 2007. – 124 p.

<sup>30</sup> Highet, G. The Classical Tradition: Greek and Roman Influences on Western Literature. – Oxford: Oxford University Press, 1949. – 802 p.

монография Эрики Руммель<sup>31</sup>, в которой исследовательница рассматривает не только переводы трагедий Еврипида, но также переводы из Либания, Лукиана, Плутарха, Галена, Ксенофонта, Исократа. Руммель заключает, что Эразм действительно весьма успешен как переводчик – не только благодаря своей начитанности и познаниям в классических языках, но и потому, что ему удалось создать тексты, понятные, интересные и «живые» для современников. В то время как многие ренессансные переводы, несмотря на все их достоинства, иногда отражают сложности, которые испытывал переводчик, и его желание как-то интерпретировать текст, «подогнать» под свои мысли и чувства идеи автора, извлечь из текста какую-либо мораль, Эразм в первую очередь стремится создать такой перевод, который не уступал бы оригиналу по стилистической целостности и лёгкости прочтения. Руммель отмечает, что Эразм работал над своими переводами сравнительно быстро, в отличие от многих своих современников, которые могли корпеть над переводами классиков годами. Это привело к некоторым ошибкам и неточностям, которые можно заметить в переводах Эразма, но они нисколько не мешают восприятию текста в целом. Переводческий энтузиазм Эразма объясняется также и тем, что он брался за те тексты, которые были ему близки и интересны, поэтому он хотел передать именно оригинальные идеи автора, с которыми и сам был во многом согласен, не пытаясь навязать читателю какую-либо моралистическую интерпретацию. Ему нравилось остроумие Лукиана, поэтичность Еврипида, мнение Галена о необходимости более свободного и либерального образования; ему нравилась поучительность в произведениях Плутарха, Исократа, Ксенофонта. Таким образом, Эразму удалось сделать почти невозможное: и не исказить авторский замысел, и сделать тексты интересными для современников. Эразму как переводчику на латынь и

---

<sup>31</sup> Rummel, E. Erasmus as a Translator of the Classics. – Toronto: University of Toronto Press, 1985. – 182 p.

распространителю новодревнегреческого языка также посвящены работы Рафа ван Роя.<sup>32</sup>

Рецепцией драм Еврипида и Софокла в эпоху Возрождения занимается Р.С. Миола. Многие его статьи опубликованы в журнале, который полностью посвящён рецепции Античности – «Classical Reception Journal» (журнал основан в 2009 году). Роберт Миола рассматривает не только переводы трагиков на латынь, но и различные адаптации, постановки, либретто, стремясь выявить общие закономерности восприятия той или иной трагедии в Раннее Новое время. Так, для «Ифигении в Авлиде» Еврипида в качестве такой закономерности он отмечает прежде всего христианизацию принесения героини в жертву и «романтизацию» трагедии – фокусирование на стоических идеалах, на образе Фортуны и т.д.<sup>33</sup> Что касается «Антигоны» Софокла, в её ранней рецепции тоже можно выделить определённые закономерности: переводчики больше фокусируются на образе Креонта как тирана, практически не уделяя внимания образу Антигоны; она воспринимается ими лишь как благочестивая исполнительница религиозных обрядов и преданная своей семье девушка. Трагедия в целом трактуется прежде всего как нравственный урок, который даётся государю, чтобы он не превратился в тирана, как Креонт<sup>34</sup>. Также Миола показывает, что большинство переводчиков в XVI-XVII вв. не были полностью согласны с позицией Антигоны; скорее отдавали дань благоразумию Исмены. Исследователь особенно подробно рассматривает перевод на латынь английского поэта Томаса Уотсона (1586 г.), который добавляет к оригинальному тексту Софокла «шествия» олицетворённых качеств героев (например, шествие качеств Креонта открывает Справедливость, а

---

<sup>32</sup> Например, Van Rooy, R. Erasmus, an Unsuspected Superspreader of New Ancient Greek? // Agents of Change in the Greco-Roman and Early Modern ten case studies in Agency in innovation Periods. – 2023. – pp. 212-237. – Leiden; Boston: Brill.

<sup>33</sup> Miola, R.S. Early modern receptions of Iphigenia in Aulis // Classical Reception Journal. – 2020. Vol. 12, № 3. – Pp. 279-298.

<sup>34</sup> Miola, R.S. Early modern Antigones: Reception, Refraction, Replay // Classical Reception Journal. – 2014. – №6.2. – Pp. 221-244.

заканчивает Запоздалое Раскаяние, а в шествии Антигоны можно видеть Благородство Души, Прегрешение и Наказание). Миола считает, что такое дополнение к основному тексту служит признаком того, что трагедия предназначалась для сцены, поскольку трагедия поделена на акты, а для актёров-олицетворённых понятий указан реквизит, с которым они должны участвовать в шествии.

Исследованием рецепции «Антигоны» в XVI в. занимается и итальянский исследователь Микеле Мастроянни<sup>35</sup>. Он указывает на отличительные черты именно французских переводов (отмечая, что это даже скорее не переводы, а «интерпретации»): 1) существенное увеличение объёма текста – амплификация (*amplificatio*); 2) христианизация произведения и попытка смягчить всё нарочито языческое – «сведение к христианскому» (*reductio ad christianum*); 3) стремление переводчика связать сюжет трагедии с современным ему историческим контекстом; 4) трансформация трагедии под влиянием новых жанров национальных литератур, таких, как любовная лирика Петрарки или любовный роман.

Словенец Бране Сенегачник, который также рассматривает разнообразные латинские переводы «Антигоны», приходит к выводу, что гуманистическая трактовка античных произведений обычно приводит к их упрощению, превращению в дидактические сочинения, в которых обязательно должна быть мораль и высокий смысл<sup>36</sup>.

---

<sup>35</sup> Mastroianni, M. *Trois interprétations de l' «Antigone» de Sophocle*: Gentien Hervet (1541), Georges Rataller (1550) et Jean Lallemand (1557) // *Anabases*, № 21. – Toulouse, 2015. Pp. 61-77; Mastroianni M. *Le 'Antigoni' sofoclee del Cinquecento francese* // *Biblioteca dell' 'Archivum Romanicum'* Serie 1: *Storia, Letteratura, Paleografia* 316. – Florence, 2004. – 263 p.

<sup>36</sup> Senegačnik, B. *Humanistična branja Sofoklove Antigone in humanistično razumevanje humanega* // *Primerjalna Knjizevnost*. – 2018. – №41.2. – Pp. 169-189.

В отечественной филологии встречаются статьи, посвящённые теории перевода, которая рассматривается на материале трактатов XV – XVI вв.<sup>37</sup> Также нередко исследуются переводы религиозной литературы с греческого на латинский язык<sup>38</sup>, однако здесь стоит отметить, что к переводу языческой литературы и христианской часто применялись отличные друг от друга подходы (религиозная литература часто переводилась как можно ближе к тексту оригинала, в отличие от литературы светской, переводы которой зачастую больше напоминают адаптации).

Таким образом, в конце XX – начале XXI вв. исследования новолатинских переводов древнегреческой литературы становятся всё более разнообразными: появляются статьи и монографии, посвящённые переводу отдельных жанров, отдельных авторов и даже отдельных произведений. Однако в отечественной филологии по-прежнему мало работ, посвящённых переводу как форме рецепции Античности в эпоху Возрождения.

### **Материал исследования.**

Материалом исследования послужили пять изданий переводов гуманистов из разных стран – итальянца Джованни Баттисты Габио (Венеция, 1543 г.), немца Файта Винсхейма (1549 г., Франкфурт), француза Жана Лалемана (Иоаганна Лаламанция) (1557 г., Париж), немца Томаса Наогеорга (1558 г., Базель) и голландца Георга Раталлера – 1576 г., Антверпен), а также издания отдельных

---

<sup>37</sup> Гоциридзе, Д.З., Хухуни, Г.Т. Возрождение и Реформация в истории перевода и переводческой мысли. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1994. – 111 с.; Борисенко, Д.С. Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе» как пример ренессансной теории латинского перевода» // Филологический аспект. – 2022. – № 1 (81). – С. 24-30.

<sup>38</sup> Например: Заболотный, Е.А. Наследие Феодора и Диодора: греческий оригинал, сирийские и латинские переводы // Вестник ПСТГУ. Серия 3: филология. – 2021. – № 69. – С. 53-67. Е.А. Заболотный указывает, что как сирийские, так и латинские авторы придерживались «стандартной» схемы передачи богословской терминологии, то есть существовало некое устоявшееся соответствие между древнегреческими и латинскими религиозными терминами; в сирийских же переводах встречаются единичные расхождения.

переводов трагедии «Антигона», осуществлённых французом Жантьеном Эрве (Лион, 1541 г.) и англичанином Томасом Уотсоном (Лондон, 1581 г.)

### **Цель и задачи работы.**

Цель работы состоит в том, чтобы на примере исследуемых переводов выявить особенности рецепции Античности в эпоху Возрождения. Для этого необходимо выполнить следующие задачи:

- обозначить тенденции в изучении античных авторов в XVI в. (какие издания и переводы осуществлялись);
- проанализировать комментарии переводчиков к исследуемым изданиям и выявить их особенности;
- выявить и сопоставить лексические и грамматические особенности изучаемых переводов;
- описать и проанализировать примечания на полях переводов.

### **Научная новизна.**

В настоящей работе впервые в отечественной филологии рассматриваются особенности латинских переводов Софокла и их роль в рецепции Античности в XVI в. Приводится сопоставление различных латинских переводов, выявляются их характерные черты, анализируются различные виды комментариев к ренессансным изданиям античных авторов: предисловия, посвящения читателю, краткие содержания, заметки о метрике. Также даётся обзор основных переводов поэтических древнегреческих произведений (Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла, Еврипида и др.).

### **Теоретическая и практическая значимость работы.**

Научная и практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы:

- при аналогичном изучении переводов данного периода;
- в дальнейшем изучении рецепции античной трагедии;
- в практике преподавания, например, при разработке курсов, посвящённых новолатинской литературе или рецепции Античности.

### **Методология и методы исследования.**

Следует сделать несколько замечаний методологического характера. Несмотря на то, что в центре данного исследования – пять изданий *всех* семи дошедших до нас трагедий Софокла, автор настоящей работы фокусируется в первую очередь на трёх трагедиях Фиванского цикла («Антигона», «Царь Эдип», «Эдип в Колоне»), поскольку они представляют собой мифологическое и сюжетное единство. Именно из этих трагедий приводятся примеры тех или иных переводческих решений. Однако выявленные закономерности могут быть распространены на перевод всех семи трагедий, поскольку каждый гуманист, как будет показано далее, имеет свой подход, обусловленный различиями в целях, бэкграунде и профессиональной деятельности переводчиков, принадлежностью к разным переводческим школам.

Также следует отметить, что перевод приведённых в работе отрывков из латинских версий трагедий на русский язык, за исключением случаев, указанных отдельно, выполнен автором исследования. Это связано с тем, что самые известные из русскоязычных переводов Софокла – Ф.Ф. Зелинского и С.В. Шервинского – являются в первую очередь художественными. Так, В.Н. Ярхо отмечал, что Ф.Ф. Зелинский не всегда следует принципу эквилинеарности, в результате чего объём перевода возрастает примерно на 10% по сравнению с оригиналом, а также может нарушаться принцип стихомифии: при переводе одностроичной стихомифии один



стих может заменяться двумя<sup>39</sup>. Поэтому цитаты из исследуемых переводов сопровождаются буквалистскими и не всегда эстетически привлекательными переводами, которые, однако, позволяют обратить больше внимания на синтаксическую структуру высказывания.

В работе используется метод комплексного историко-филологического анализа текста, состоящий в лингвистическом, литературоведческом и культурологическом изучении латинских переводов Софокла. Для сопоставления различных вариантов перевода используется также сравнительно-лексикологический метод.

### **Положения, выносимые на защиту.**

1. Наблюдается эволюция переводов от более точных, вплоть до дословных, переводов *ad verbum* (перевод Джованни Баттисты Габбио 1543 г.) до более вольных, подразумевающих творческую переработку и дополнение текста (перевод Томаса Уотсона 1581 г.).

2. В более поздних изданиях увеличивается количество комментариев и примечаний.

3. Особое внимание гуманисты уделяют сентенциям, поскольку они маркируются кавычками на полях и иногда нумеруются. В более поздних изданиях количество маркируемых сентенций возрастает.

4. Выбор той или иной переводческой стратегии обусловлен задачами переводчика: так, переводы, созданные в учебных целях, более точные и лаконичные, а примечания к ним часто содержат риторические или грамматические термины; переводы, создающиеся для узкого круга учёных-гуманистов, более вольные, в них увеличено количество строк по сравнению с оригиналом, в таких изданиях размещено большое количество стихотворных посвящений переводчику от других гуманистов.

---

<sup>39</sup> Ярхо, В.Н. Ф.Ф. Зелинский – переводчик Софокла / В.Н. Ярхо // Софокл. Драмы. – М.: "Наука", 1990. – С. 519.

5. Поскольку изучаемые переводы были выполнены гуманистами разных стран и религиозных взглядов, в некоторых изданиях отражаются особенности национальной переводческой школы и мировоззрения.

6. Случаи обращения к переводам предшественников минимальны.

### **Структура исследования.**

Работа состоит из трёх глав, введения и заключения. В первой главе рассматривается роль латинских переводов в эпоху Возрождения; достижения книгопечатания в XVI в.; источники, которыми располагали переводчики (рукописные и печатные тексты трагедий, латинско-греческие словари). Во второй главе исследуются принципы комментария к латинским переводам трагедий Софокла, осуществлённых переводчиками из разных стран в XVI в. В третьей главе рассматривается поэтика перевода, его лексические, грамматические и стилистические особенности. В приложении содержатся отрывки из изучаемых изданий, а также сопоставительные таблицы.

### **Апробация работы.**

Материалы и предварительные результаты исследования были представлены к обсуждению на научных конференциях: «Ломоносов» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022, 2023, 2024 гг.), «Греческая мифология: от античности до наших дней» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022 г.), чтения памяти профессора И. М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2022, 2023, 2024 гг.), «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022 г.).

## Глава I. ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНСКИХ ПЕРЕВОДОВ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.

### 1.1. Латинские переводы в контексте литературного процесса эпохи Возрождения.

Обращение к античному наследию в эпоху Возрождения не могло не сказаться на европейском литературном процессе: активно издаются (начиная с первых печатных книг в XV в.) и переводятся (в основном начиная с XVI в.) произведения древних авторов<sup>40</sup>. При этом появляется огромный пласт новой литературы, как на латинском, так и на национальных языках, как с опорой на античные жанры, так и практически без неё. Активно развивается поэзия, драматургия, философская проза; создаётся большое количество ренессансных новелл, процветают идеи гуманизма<sup>41</sup>. Одно из основных положений ренессансного гуманизма – опора на античную литературу и её использование не только для научного, но и для духовного развития. Рецепция Античности базировалась на принципе *imitatio & aemulatio* («подражание и соревнование»), то есть необходимо было не только опираться на античных авторов, но и стремиться сравняться с ними в красноречии<sup>42</sup>. В.А. Рыбин определяет гуманизм (в узком значении) как «идейно-культурное движение эпохи Возрождения, которое базируется на следующих принципах: свободном всестороннем развитии личности; освобождении от духовного господства феодализма и католицизма; обращённость к античной философии, литературе, искусству<sup>43</sup>».

Ренессансный гуманизм также имел определённые особенности в каждой из охваченных этим течением стран: например, применительно к Италии говорят о

---

<sup>40</sup> История всемирной литературы: в 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. редкол.: Г. П. Бердников (гл. ред.) [и др.]; [авт. вступ. замечаний Ю. Б. Виппер]. – Москва: Наука, 1983 – Т. 3 / редкол.: Н. И. Балашов (отв. ред.) [и др.]. – 1985. – С. 137.

<sup>41</sup> Указ. соч. С. 17.

<sup>42</sup> Школьников, О. Ю. Ререйтинг А. Баррико «Гомер. Илиада»: эволюция рецепции классической литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2021. – №4. – С. 87.

<sup>43</sup> Рыбин, В.А. Гуманизм как этическая категория. – М.: Логос, 2004. – С. 8.

периоде Чинквеченто<sup>44</sup>; в это время процветает типография Альда Мануция, где в начале XVI в. были напечатаны произведения многих древних авторов<sup>45</sup>. Неудивительно, что многие *editiones principes* (первые печатные издания) античных творений были выпущены именно здесь – на земле, являющейся главной наследницей античного мира и своего рода «отправной точкой» Возрождения<sup>46</sup>. Нидерландский гуманизм связан в первую очередь с именем Эразма Роттердамского, издавшего сборник «Пословицы» (*Adagia*) с изречениями древних авторов, а также греческий текст Нового Завета<sup>47</sup>. На развитие немецкого гуманизма сильно повлияла Реформация: поэтому многие её приверженцы использовали античную литературу в качестве оружия для борьбы за свои идеи<sup>48</sup>. Во Франции на 20 – 30-е гг. XVI в. приходился расцвет латинизма, а во второй половине XVI в. развивается прежде всего новая французская поэзия и драматургия<sup>49</sup>. В английской литературе начиная с 70-х гг. XVI в. также происходит настоящий подъём драматургии<sup>50</sup>. Поэтому неудивительно, что именно такой сложный и впечатляющий жанр, как трагедия, волновал европейских гуманистов. Кроме того, многие из них уже были знакомы с «Поэтикой» Аристотеля, переведённой на латынь ещё в XV в.<sup>51</sup>, и содержащимися в ней ценными сведениями об античных жанрах.

Поскольку эпоха Возрождения имела вышеперечисленные территориальные особенности, необходимо отметить, что переводы Софокла на латинский язык

---

<sup>44</sup> Андреев, М.Л., Хлодовский, Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. – М.: Наука, 1988. – С. 9.

<sup>45</sup> Указ. соч. С. 20.

<sup>46</sup> Чемберлин, Э. Эпоха Возрождения. Быт, религия, культура / Э. Чемберлин. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 8.

<sup>47</sup> История всемирной литературы: в 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. редкол.: Г. П. Бердников (гл. ред.) [и др.]; [авт. вступ. замечаний Ю. Б. Виппер]. – Москва: Наука, 1983 – Т. 3 / редкол.: Н. И. Балашов (отв. ред.) [и др.]. – 1985. – С. 166-167.

<sup>48</sup> Указ. соч. С. 178.

<sup>49</sup> Указ. соч. С. 255.

<sup>50</sup> Указ. соч. С. 308.

<sup>51</sup> Lockwood, D.P. Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. – 1918. – Vol. 49. – P. 127.

появляются на разных почвах: французской, итальянской, немецкой, голландской и английской.

Эпоха Возрождения – время расцвета новолатинской литературы. Предполагалось, что новая латынь должна подражать классическим образцам, однако нередко возникали споры о том, на какие именно образцы следует опираться. В результате этого спора сформировались два основных направления – цicerонианство (представители которого призывали опираться исключительно на сочинения Цицерона, вплоть до того, что нежелательным считалось употребление латинского слова, не встречающегося у Цицерона) и антицицеронианство (предполагающее, помимо Цицерона, в качестве авторитетов таких писателей, как Плавт, Теренций, Тацит, Тит Ливий, Вергилий, Гораций, Сенека и даже Святой Иероним)<sup>52</sup>.

Франческо Петрарка, который писал и на итальянском, и на латыни, считался многими гуманистами отцом-основателем новолатинской литературы. Он мечтал встать в один ряд с классическими латинскими писателями, и, ориентируясь на Вергилия, написал эпическую поэму «Африка»<sup>53</sup>.

Несмотря на то, что новая латынь опиралась на классические образцы, в ней мог сохраняться ряд черт, унаследованных от средневековой латыни: например, использование *habere* вместо *debere*, изъявительное наклонение вместо конъюнктива в косвенном вопросе, использование *dum* вместо *cum*<sup>54</sup>. Также в ренессансной латыни появляются неологизмы, призванные обозначить новые политические, экономические и технологические реалии. Обычно они образуются

---

<sup>52</sup> The Oxford Handbook of Neo-Latin / Knight, S., Tilg, S., ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – Pp. 20-21.

<sup>53</sup> Hankins, J. Petrarch and the Canon of Neo-Latin Literature / M. Feo, ed. // Proceedings of the Conference Petrarca, l'Umanesimo e la civiltà europea: Florence, Italy, December 2004. ("Quaderni Petrarqueschi" XV-XVI e XVII-XVIII. – 2012. – P. 907. Ханкинс указывает также на особое положение Петрарки среди новолатинских авторов: он входил в канон латинской литературы наряду с классическими римскими авторами.

<sup>54</sup> The Oxford Handbook of Neo-Latin / Knight, S., Tilg, S., ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – P. 20.

по продуктивным моделям: слова, называющие действующее лицо, с суффиксом – *tor*, абстрактные существительные на –*tio*, диминутивы на –*lus/-la*, наречия на –*im*<sup>55</sup>.

Латынь могла сочетаться и с национальными языками в билингвальных или полилингвальных изданиях (например, в *Poematum liber* 1573 г.: в издании даются примеры стихов *linguis diversis* – «на разных языках», на греческом, итальянском, французском, немецком и английском, также встречается *linguarum mixtio* – «смесь языков», латинского и древнегреческого<sup>56</sup>). Популярной была появившаяся в XV в. в Италии макароническая поэзия, в которой смешение латыни с национальными языками обычно практиковалось для достижения комического эффекта; особенно известно сочинение «*Maccaronea*» Теофила Фоленго<sup>57</sup>.

В новолатинской поэзии были представлены все классические жанры: и ода, горацианская и пиндарическая, и сочинения по теории литературы (например, «Поэтика» Скалигера), элегия, буколическая поэзия, эпическая поэзия, драма, философские и исторические трактаты, диалог. Знаменитый итальянский поэт-гуманист Джованни Понтано (1426 или 1429 – 1503 гг.) был автором новолатинских элегий (*Amorum libri duo, De Amore conjugali libri tres*), а также исторического сочинения *De bello Napolitano* («О неаполитанской войне») и философских диалогов<sup>58</sup>. Другим выдающимся новолатинским поэтом, опирающимся на классические образцы, был Пётр Лотихий Секунд (*Elegiarum liber; Caeminum libellus*, 1551; *Elegiarum liber secundus*, 1553; *Poemata*, 1563)<sup>59</sup>. Голландский поэт Иоанн Секунд прославился своими короткими стихотворениями в стиле Катулла – *Basia* («Поцелуи», изд. в 1539 г.) – 19 небольших лирических произведений, в каждом из которых действительно упоминается поцелуй<sup>60</sup>.

---

<sup>55</sup> Указ. соч. С. 22.

<sup>56</sup> Willes R. Ricardi Willeii Poematum Liber. – Londini, 1573. – Pp. 54-55.

<sup>57</sup> Фещенко В.В. Поэтический мультилингвизм на карте Европы: языковые контакты и культурные трансферы // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2017. – №4. – С.21.

<sup>58</sup> Cantore, A.G. L'Aegidius di Giovanni Pontano: L'approdo religioso di un uomo politico / A. Steiner-Weber, K.A.E. Enenkel, ed. // Acta Conventus Neo-Latini Monasteriensis: Proceedings of the Fifteenth International Congress of Neo-Latin Studies (Münster 2012). – Leiden: Brill, 2015. – P.152.

<sup>59</sup> Elschenbroich, A. Lotichius, Petrus Secundus // Neue Deutsche Biographie, vol. 15. – Berlin: Duncker & Humbolt, 1987. Pp. 238-239.

<sup>60</sup> Гаспаров, М.Л. Поэзия Иоганна Секунда // Эразм Роттердамский. Стихотворения. Иоганн Секунд. Поцелуи. М.: Наука, 1983. – С. 263-265.

Баттиста Мантуанский, помимо дидактических трактатов и апологетических сочинений, создал сборник стихов «О бедствиях моих времён» (*Libri tres de calamitatibus temporum*), в котором чума и войны трактуются как божественное наказание рода человеческого, и сборник из десяти латинских эклог *Adulescentia* («Юность») <sup>61</sup>. Немецкий филолог и гуманист Иоахим Камерарий Старший (1500-1574) переводил множество древнегреческих произведений на латинский язык, а также был автором диалогов, трактатов и стихотворений <sup>62</sup>. Интересным примером новолатинской эпической поэмы служит *Christias* Марка Иеронима Виды, посвящённая жизни Христа и опубликованная в 1535 г. Вида считал Вергилия образцовым поэтом и опирался прежде всего на него, в то время как Гомера упрекал за многословность, однообразность и употребление сниженной лексики <sup>63</sup>.

На XVI век приходится также расцвет новолатинской библейской драмы, видными представителями которой были Вильгельм Гнафей и Томас Наогеорг (один из исследуемых в данной работе переводчиков Софокла). В эпоху Возрождения этот жанр назывался «священной драмой» (*drama sacra*). Хотя драмы и мистерии на библейские сюжеты ставились и в Средние века, новолатинская драма XVI в. существенно отличалась от них тем, что «драматург с ренессансным мышлением выстраивал оригинальную фабулу, руководствуясь законами античной поэтики и собственным замыслом» <sup>64</sup>. Одной из самых популярных пьес на библейский сюжет была драма «Аколаст, или о Блудном сыне», созданная

---

<sup>61</sup> Piepho L. Introduction. Composition and publication of *Adulescentia* // Mantuan B. *Adulescentia*. The eclogues of Mantuan. Ed. by Piepho L. – Taylor & Francis, 2019. P.12.

<sup>62</sup> Ludwig, W. *Opuscula aliquot elegantissima des Joachim Camerarius und die Tradition des Arat* // Joachim Camerarius. Kössling R., ed. – Tübingen, 2003. – P. 97.

<sup>63</sup> Lejay, P. Vida, Marco Girolamo // *The Catholic Encyclopedia: An International Work of Reference on the Constitution, Doctrine, Discipline, and History of the Catholic Church* / Ch.G. Herberman, E.A. Pace, C.B. Pallen, Th.J. Shanahan, J.J. Wynne, ed. Vol. 15. – New York: The Encyclopedia Press, 1914. – P. 415.

<sup>64</sup> Некрасова, И.А. Эволюция библейской драмы в Западной Европе XVI-начала XVII вв. // *Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры. Сборник докладов XXIV Международных Кирилло-Мефодиевских чтений*. – Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2019. – С. 226. И.А. Некрасова также отмечает, что именно для ренессансного мышления характерно понятие «осознанного авторства»: творец новолатинской библейской драмы видит себя именно её автором, а не просто интерпретатором библейского сюжета, как это было в Средние века.

Виллемом де Волдером, или Волдерсграфтом, писавшим под псевдонимом Вильгельм Гнафей<sup>65</sup>. Стоит отметить и то, что новолатинская драма развивалась прежде всего на немецкой почве и была тесно связана с Реформацией, а также часто служила для пропаганды её идей<sup>66</sup>. Например, Томас Наогеорг в своих драмах открыто осуждает папство и католическую церковь: в одной из его известнейших драм «Иуда Искарот» образ Иуды часто трактуется как аллегорическое изображение всех, кто занимал сторону римской церкви, надеясь получить от этого выгоду<sup>67</sup>.

Поэтому неудивительно, что трое из переводчиков, обращающихся к драме Софокла (немцы Файт Винсхейм и Томас Наогеорг и голландец Георг Раталлер), – протестанты и ярые приверженцы Реформации и занимаются переводом античных трагедий на латынь именно в период расцвета библейской новолатинской драмы, то есть в середине XVI в. Несмотря на то, что переводы трагедий Софокла, выполненные Томасом Наогеоргом, были опубликованы только в 1558 г., то есть после написания его самых известных библейских драм («Паммахий» 1538 г., «Иеремия» 1551 г. и «Иуда Искарот» 1552 г.), работа над оригинальными и переводными драмами, вероятно, шла приблизительно в одно и то же время, поскольку в предисловии к изданию Софокла Наогеорг отмечает, что перевод трагедий занял у него несколько лет. Хотя переводчик противопоставлял священным библейским сюжетам античную трагедию как нечто безбожное (*profanum*), скорее всего, он всё же опирался на классические образцы и именно для этого занимался переводом Софокла.

Именно на XVI век приходится большинство переводов поэтической древнегреческой литературы на латынь, хотя первые попытки перевести эпические поэмы предпринимались ещё в античности: перевод «Одиссеи» Ливия Андроника,

---

<sup>65</sup> Некрасова, И.А. Похождения «Блудного сына» на театральных подмостках XVI столетия // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2. – С. 206.

<sup>66</sup> Caemmerer Ch., Delabar W., Jungmayr J., Neuber W. Thomas Naogeorgs *Judas* – ein Drama der Reformationszeit // Hans-Gert Roloff: Kleine Schriften zur Literatur des 16 Jahrhunderts. – 2003. Pp. 359-360.

<sup>67</sup> Lucchi, Th. Die literarische Reflexion der reformatorischen Obrigkeitslehre im Werk Thomas Naogeorgs. – Saarbrücken: universaar, Universitätsverlag des Saarlandes, 2019. – P. 23.



перевод «Илиады» Гнея Матия, а также сочинение *Ilias Latina* («Латинская Илиада»), которое представляло собой сокращённое гекзаметрическое изложение поэмы Гомера, используемое в школьном образовании, как в Античности, так и в Средневековье<sup>68</sup>. Работа над переводом «Илиады» возобновляется в XV в.: так, известен перевод «Илиады», выполненный Леонардо Бруни, однако это было прозаическое изложение нескольких речей из IX песни. Лоренцо Валла перевёл «Илиаду» до XVI песни включительно (1474 г.), однако этот перевод тоже был прозаическим<sup>69</sup>, как и перевод Франческо Гриффолини, впервые опубликованный позже, в 1497 году. В 1510 г. появляется перевод «Одиссеи», выполненный Раффаэло Маффеи, который в основном является прозаическим, однако включает стихотворное переложение некоторых мест, например, описание грота Калипсо в V песне или описание охоты в XIX песне. В письме-посвящении Маффеи отмечает, что его работа более лаконичная и краткая, чем переводы Валлы и Гриффолини, так как во многих местах он опустил громоздкие повторяющиеся эпитеты, которые уместно смотрятся в эпических сочинениях Гомера, но в переводе на латынь «рождают отвращение» (...*epitheta pene innumerabilia & apud eum saepe repetita... omiserim, quae adposita ei decori sunt: sic fastidium nostris pariunt*<sup>70</sup>). Переводы «Илиады» и «Одиссеи», выполненные Андреасом Дивусом в 1538-1540 гг., представляют собой перевод *ad verbum*, то есть дословный перевод-подстрочник, который также не является эквиритмическим. В издании 1538 года, помимо дословного перевода «Илиады» Андреуса Дивуса, входит также перевод «Батрахомиахии» Альда Мануция и перевод 32 гомеровских гимнов Георга

---

<sup>68</sup> Tilroe, W.A. *The Ilias Latina: a study of the Latin Iliad, including translation, commentary and concordance: a dissertation... for the Degree Doctor of Philosophy.* – Columbia, 1939. – Pp. 23-24. Тилроу отмечает, что *Ilias Latina* имела очень важное значение для рецепции Гомера, поскольку пронесла память о его произведениях через Средние века; если бы такого школьного краткого изложения не существовало, гуманистам пришлось бы с большим трудом заново открывать произведения Гомера, как это происходило со многими другими античными авторами.

<sup>69</sup> King, R. *The Bookseller of Florence. Vespasiano Da Bisticci and the Manuscripts that illuminated the Renaissance.* – Atlantic Monthly Press, 2021. – P. 229.

<sup>70</sup> Maffei R. *Odissea Homeri per Raphaelem Volaterranus in latinum conversa.* – Rome: Jacoppo Mazzochi, 1510.

Дартон<sup>71</sup>. Однако первый метрический перевод Гомера появляется только в 1540 г. в Базеле – это «Илиада» немецкого гуманиста Гелия Эобана Гесса, который ранее перевёл «Идиллии» Феокрита (1530 г.)<sup>72</sup>. Издание перевода Гесса открывается стихотворным предисловием, в котором переводчик сообщает о том, что раньше «Илиаду» «читала только Греция» (*sibi Graecia sola legebat*) и никто не хотел переводить её на латынь, тем более – стихами (*Nemo tamen Latiae conatus trader linguae, / Carmine qui vellet reddere nemo fuit*). Довольно часто подобная мысль звучит в предисловиях к переводам античных авторов: переводчики заявляют о том, что именно их перевод – первый и единственный. Также для вступительных писем и предисловий характерно упоминание друзей, которые уговаривали переводчика издать его труд – в данном случае в качестве такого друга Гесс упоминает знаменитого типографа Иоганна Опорина. Что касается самого перевода «Илиады», он сопровождается риторическими примечаниями на полях, например, *narratio* («повествование»), *comparatio* («сравнение»). Подобные указания, но ещё в большем количестве, встречаются в издании «Илиады» Гесса. Перед монологами персонажей указано не только, кто их произносит, но и к кому они обращены. На полях расположено также краткое изложение происходящих в поэме событий, сентенции маркируются знаком кавычек, как и в рассматриваемых изданиях Софокла.

Гесиода, как и Гомера, начали переводить ещё в XV в.: так, в 1471 г. был опубликован перевод «Трудов и дней», выполненный Николой Валлой, который пользовался большой популярностью и в течение полувека переиздавался около 25 раз<sup>73</sup>. В 1539 г. вместе с переизданием перевода Николы Валлы был опубликован перевод Ульпия Фризия, сделанный *ita, ut versus versus respondeat* («так, чтобы

---

<sup>71</sup> Divus, A. Homeri Ilias ad verbum translata, Andrea Divo Iustinopolitano interprete. – Saltingiaci (Solingen): Ioannes Soter excudebat, 1540. – 643 p.; Divus, A., Manutius, A. Odyssea, Andrea Divo Justinopolitano interprete, ad verbum translata. Ejusdem Batrachomyomachia, id est, Ranarum et murium pugnam Aldo Manutio Romano interprete. Ejusdem Hymni deorum XXXII, Georgio Dartona Cretense interprete. – Lugduni (Lyon): Giacomo Pocatela, 1538. – 572 p.

<sup>72</sup> Paschalis, M. Comparative Challenges: Homer and Theocritus into Latin, Virgil into Greek // Mediterranean Chronicle. – 2017. – Vol. 7. – P. 230.

<sup>73</sup> Flood, J. Representations of Eve in Antiquity and the English Middle Ages. – New York: Routledge, 2010. – P. 29.

каждый стих [оригинала] соответствовал стиху [перевода]»)<sup>74</sup>. Оба перевода гекзаметрические. Георг Раталлер, один из исследуемых переводчиков Софокла, также перевёл «Труды и дни» ещё до работы над трагедиями, в 1546 г.<sup>75</sup>. Перевод Раталлера выполнен элегическим дистихом. «Теогонию», как и «Труды и дни», начали переводить ещё в XV в.: наиболее популярным был гекзаметрический перевод Бонино Момбрицио (1474 г.), который переиздавался и в XVI в.<sup>76</sup>, например, в собрании трудов Гесиода, которое было опубликовано ок. 1544 г. в типографии Иоганна Опорина (*Hesiodi Ascraei Opera, quae quidem extant, omnia Graece, cum interpretatione Latina... ut conferri a Graecae linguae studiosis citra negotium possint* – «Гесиода Аскрейского сочинения, все, которые сохранились, на греческом с латинским переводом, чтобы изучающие греческий язык по необходимости могли соотнести [с оригиналом]»). Таким образом, переводы с древнегреческого на латынь часто могли использоваться в учебных целях: латинская версия служила своего рода подстрочником, с которым мог сверяться учащийся.

Что касается переводов трагедии, то они появляются лишь в XVI в. Одной из причин появления большого количества латинских переводов трагедий именно в это время могло послужить то, что содержащее много информации о зарождении, функциях и особенностях античной трагедии сочинение Аристотеля «Поэтика», до тех пор мало известное гуманистам, впервые публикуется на латыни в самом конце XV в., в 1498 г., в переводе Джорджо Валлы<sup>77</sup>. Этот перевод переиздаётся вместе с греческим текстом в типографии Альда Мануция в 1508 г.<sup>78</sup>. Там же выходят и

---

<sup>74</sup> Frisius, U., Valla, N. *Hesiodi Ascraei Opera et Dies nunc castigatius versae autore Ulpio Franekerensi Frisio et Nicolao Vallae*. – Basileae (Basel): 1539.

<sup>75</sup> Van der Aa A.J. *Biographisch woordenboek der Nederlanden, bevattende levensbeschrijvingen van zoodanige personen, die zich op eenigerlei wijze in ons vaderland hebben vermaard gemaakt*. Vol. 9. – Haarlem: J.J. Van Brederode, 1874. – P. 84.

<sup>76</sup> Scully, S. *Hesiod's Theogony: from Near Eastern Creation Myths to Paradise Lost*. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – P. 230.

<sup>77</sup> Weinberg, B. *From Aristotle to Pseudo-Aristotle // Comparative Literature*. – 1953. – №5(2). – P. 97.

<sup>78</sup> *The Reception of Aristotle's Poetics in the Italian Renaissance and Beyond: New Directions in Criticism* / B. Brazeau, ed. London and New York: Bloomsbury Academic, 2020. – P. 67. «Поэтика» была опубликована в составе серии *Rhetores Graeci* («Греческие ораторы», 1508 – 1509 гг.). В

*editiones principes* древнегреческих трагедий: в 1502 г. – семь сохранившихся трагедий Софокла, в 1503 г. – семнадцать сохранившихся трагедий Еврипида, в 1518 г. – шесть сохранившихся трагедий Эсхила («Агамемнон» и «Хоэфоры» объединены под одним названием «Агамемнон»). Вскоре появляются и первые переводы трагедий на латынь: это переводы «Гекубы» и «Ифигении в Авлиде» Еврипида, выполненные Эразмом Роттердамским. Гуманист отмечал, что испытывал немало сложностей с переводом, поскольку, во-первых, текст оригинала местами был испорчен, во-вторых, нужно было учитывать широкий спектр значений греческих слов, который требовал определённой гибкости от переводчика, и, наконец, проблемы вызывала неясность партий хора<sup>79</sup>. Также трагедии Еврипида переводил шотландский историк и гуманист Джордж Бьюкенен: его версии «Медеи» и «Алкея» были опубликованы в 1544 г., а ранее, в 1540 г., его «Медея» была даже поставлена на сцене<sup>80</sup>. Существенно позже, в 1581 г., был опубликован перевод «Финикиянок», «Ипполита» и «Андромахи» Еврипида, выполненный Георгом Раталлером, одним из исследуемых переводчиков Софокла<sup>81</sup>.

Трагедии Эсхила были и опубликованы, и переведены позже, чем трагедии Еврипида: перевод 6 трагедий Эсхила, выполненный Иоанном Санравием (иногда упоминается как Иоанн Савроманн или Саверманн – Sauromannus/Sauermannus), был опубликован в 1555 г. Однако, как указывает Й.А. Грёйс, этот перевод отличался довольно плохим качеством; по мнению исследователя, из-за этого могла произойти путаница с именем автора<sup>82</sup>. Однако разные варианты имени

---

первый том, помимо «Поэтики» Аристотеля, вошли также сочинения Платона, Гермогена, Афтония, Демосфена, Исократа, Эсхина).

<sup>79</sup> Rummel, E. Erasmus as a Translator of the Classics / Toronto: University of Toronto Press, 1985. – P. 31.

<sup>80</sup> Meere, M. Onstage Violence in Sixteenth-century French Tragedy: Performance, Ethics, Poetics. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – P. 94.

<sup>81</sup> Netherlandish Books: Books Published in the Low Countries and Dutch Books Published Abroad Before 1601 / Pettegree A., Walsby M., ed. – Leiden, Boston: Brill, 2011. – P. 521.

<sup>82</sup> Gruys, J.A. The Early Printed Editions (1518-1664) of Aeschylus. A Chapter in the History of Classical Scholarship. – Leiden: Brill, 2024. – P. 74-75. В издание переводов Санравия вошли следующие трагедии Эсхила: «Прикованный Прометей», «Семеро против Фив», «Персы»,

могут быть вызваны особенностями латинизации. В 1559 г. вышел перевод «Прометея» Эсхила, осуществлённый Маттиасом Гарбицием (Matthias Garbitius, Matija Grbić) и затем был переиздан в сборнике *Tragoediae selectae Aeschyli, Sophoclis, Euripidis* (1567 г.)<sup>83</sup>.

Что касается Софокла, первой трагедией, переведённой на латынь, был «Аякс». Этот перевод был сделан Иоганном Лоницером и опубликован в 1533 г. (ранее, в 1528 г., Лоницер выполнил латинский перевод од Пиндара)<sup>84</sup>. Затем, в 1541 г., в составе собрания сочинений Жантьена Эрве вышел его перевод «Антигоны»<sup>85</sup>. Позже стали популярны издания латинских переводов всех семи трагедий: первым таким трудом стали *Sophoclis tragoediae omnes* в переводе Джованни Баттисты Габио (1543 г.), в 1549 г. появился перевод Файта Винсхейма (Вита Винсхемия), затем – Жана Лалемана (1557 г.), Томаса Наогеорга, также известного как Томас Кирхмейер (1558 г.). Голландский филолог Георг Раталлер сначала опубликовал перевод «Аякса», «Антигоны» и «Электры» (1550 г.), а затем – всех семи сохранившихся трагедий (1576 г., переиздание – 1584 г.). Именно перевод Раталлера оказался наиболее успешным и позже вошёл в вышеупомянутую антологию *Tragoediae selectae Aeschyli, Sophoclis, Euripidis*. Также известен перевод «Антигоны», опубликованный в 1581 г. Томасом Уотсоном<sup>86</sup>.

Таким образом, именно Софокл был наиболее часто переводимым греческим трагиком в XVI в.; его трагедии пользовались наибольшей популярностью, что, возможно, связано также с тем, что Аристотель в «Поэтике» выделяет Софокла как особо талантливого трагика: в трагедии «Эдип-царь» лучше всего представлено

---

«Агамемнон» (под этим заголовком объединены «Агамемнон» и «Хоэфоры»), «Эвмениды» и «Просительницы».

<sup>83</sup> Elton, W.R. *King Lear and the Gods*. – Lexington: University Press of Kentucky, 2014. – P. 214.

<sup>84</sup> Bietenholz, P.G., Deutscher Th.B. *Contemporaries of Erasmus. A biographical Register of the Renaissance and Reformation*. Vol. 1-3. – Toronto: University of Toronto Press, 2003. – P. 346.

<sup>85</sup> Sutton, D. F. Introduction // *The Complete Works of Thomas Watson*. – New York, 1996. – P. 12. Саттон указывает на то, что перевод Эрве использовался позднейшим переводчиком Софокла, Томасом Уотсоном.

<sup>86</sup> Преснова, Н.В. Особенности перевода сентенций (на материале латинских переводов «Антигоны» Софокла в XVI в.) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – 2022. – № 26-2. – С. 979.

узнавание – ἀναγνώρισις (Arist. Poet. 1455a), а хор в трагедиях Софокла имеет больше всего связи с фабулой (Arist. Poet. 1456a)<sup>87</sup>. Иоахим Камерарий, автор предисловия *De auctoribus tragoediae* («Об авторах трагедии»), помещённого в издании Винсхейма, упоминает о том, что Софокл был прозван аттической пчелой (μέλιττα ἀττική, *Attica apicula*), а Лалеман во вступительном письме называет его «украшением аттической сцены» (*Atticae scenae decus*).

Повышенный интерес к Софоклу может быть вызван и обилием сентенций в его трагедиях, поскольку в эпоху Возрождения сборники сентенций и мудрых высказываний древних приобретают всё большую популярность; появляется и отдельный сборник сентенций, встречающихся в трагедиях Софокла, вместе с их переводом на латинский язык, выполненным Бартоломео Марлиани в 1545 г. (подробнее см. главу III, раздел 3.2.4).

Однако помимо переводов с древнегреческого на латынь в XVI в. встречалось и такое любопытное явление, как переводы с латыни на древнегреческий: например, известный филолог Жозеф Скалигер переводил на древнегреческий Энния, Катулла, Тибулла, Горация, Проперция, Стация, Марциала и десятую эклогу Вергилия, причём последнюю он перевёл на дорийский диалект древнегреческого. Многие из этих трудов он опубликовал в сборнике стихотворений *Poemata* (1574 г.)<sup>88</sup>. Также древнегреческие переводы гуманистов XVI в. были собраны в 1715 г. в книге *Opera: in quo Catulli, Tibulli, et Propertii Carmina quaedam Graece versa* («Труды: где [находятся] некоторые стихотворения Катулла, Тибулла и Проперция, переведённые на греческий»). В неё, помимо переводов Скалигера, вошли переводы Анри II Этьенна (иначе известного как

---

<sup>87</sup> «Царь Эдип» соответствовал представлениям Аристотеля об идеальной трагедии; Софокла же он считал лучшим трагическим автором. В «Поэтике» Аристотель упоминает, что Софокл изображает людей «такими, какими они должны быть», в то время как Еврипид – «такими, какие они есть на самом деле» (Σοφοκλῆς ἔφη αὐτὸς μὲν οἷους δεῖ ποιεῖν, Εὐριπίδην δὲ οἷοι εἶσιν; Arist. Poet. 1460b).

<sup>88</sup> Botley, P. Three Very Different Translators: Joseph Scaliger, Isaac Casaubon and Richard Thomson // *The Canadian Review of Comparative Literature*. – 2014. – Vol. 41, № 4. – Pp. 477-491. Pp. 481-482. В 16 лет Скалигер также создал свою латинскую версию «Царя Эдипа» Софокла (1557 г.), к сожалению, не сохранившуюся. Не дошёл до нас также его перевод «Эвменид» Эсхила. К 1562 г. Скалигер также перевёл на латынь т.н. «орфические гимны»,

Хенрик Стефанус), его ученика Флорена Кретьена, а также гуманистов Бонавентуры Вулканиуса и Федерика Мореля.

Итак, в XVI в. появляется огромное количество переводов с одного классического языка на другой, и переводы Софокла на латынь занимают среди них далеко не последнее место.

## **1.2. Тенденции в книгопечатании XVI в. Книга как «филологическое пространство».**

Как известно, появление в XV веке книгопечатания существенно облегчило производство и распространение книг. В XVI в. продолжает открываться огромное количество новых типографий по всей Европе: так, к началу столетия книгопечатание было представлено почти в 250 городах Западной Европы, и с течением времени число типографий только возрастало. Обычно они располагались в больших торговых или университетских городах, а также при дворе. Возрастает и количество печатаемых экземпляров от 100-200 до 1000-1500 копий, а Библии, богослужебные книги и школьные грамматики могли печататься ещё более крупным тиражом (около 5000 копий)<sup>89</sup>.

Продолжают изобретаться новые шрифты: наряду с созданной по образцу гуманистических рукописей ещё в XV в. антиквой появляется курсив (в начале XVI в.). Шрифт был разработан для малоформатных изданий in octavo (1/8 печатного листа) знаменитого итальянского типографа Альда Мануция. Именно Альд впервые напечатал трагедии Софокла в оригинале. Также на рубеже XV-XVI в. в книгах начинает вводиться нумерация (по листам или страницам), что показывает большую ориентированность на читателя. В некоторых изданиях античных произведений вводится также нумерация строк (в верхней части страницы указываются номера строк, на ней расположенных), что существенно облегчает

---

<sup>89</sup> Clair, C. A history of European Printing / C. Clair. – London: Academic Press, 1976. – Pp. 120-121.

работу с крупными стихотворными работами древних авторов и «свободу передвижения читателя в пространстве книги»<sup>90</sup>.

На рубеже XV-XVI вв. книга становится более упорядоченной, строится по установившимся правилам и канонам: год и место издания, а также имя издателя указываются обязательно на титульном листе. В отличие от, как правило, более скромных и хаотичных титульных листов изданий XV в., в XVI в. титульный лист становится стройным и организованным, обычно украшенным эмблемой типографии, и, таким образом, «приобретает характер торжественного входа в книгу, подобен portalу»<sup>91</sup>.

В XVI в. меняется и характер издаваемых книг. До конца XV в. большая часть изданий была представлена религиозной литературой: после Библии самой читаемой была книга *De imitatione Christi* («О подражании Христу»), написанная ок. 1427 г. Фомой Кемпийским и служившая руководством к духовной жизни; сочинение было впервые опубликовано в 1471 г. в Аугсбурге<sup>92</sup>. В XVI в. помимо религиозной литературы активно публикуются произведения языческих античных авторов, а вместе с этим начинают зарождаться принципы публикации, комментирования и перевода древних текстов<sup>93</sup>. Гуманисты сталкиваются с множеством сложностей: лакуны и разночтения в рукописях, проблемы интерпретации, специфика античной культуры и мировоззрения и т.д. Высказывания античных авторов считаются древней мудростью и кропотливо собираются: в самом начале XVI в., в 1500 г., появляется сборник Эразма Роттердамского *Adagia*. Активно печатаются поэтические и прозаические произведения латинской и древнегреческой литературы: например, исторические сочинения Тацита, редко печатавшиеся в XV в., в XVI в. издаются очень часто. Пользуются популярностью и комедии Теренция: впервые опубликованные в 1493 г., они в течение последующих 25 лет переиздаются 31 раз. Однако наиболее

---

<sup>90</sup> Герчук, Ю.Я. История графики и искусства книги: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 166.

<sup>91</sup> Указ. соч. С. 167.

<sup>92</sup> Clair, С. Указ. соч. С. 123.

<sup>93</sup> Герчук, Ю.Я. Указ. соч. С. 168.



популярным античным автором был Вергилий. Его тексты активно читались и изучались ещё в Средние века, а рукописная традиция уникальна, поскольку в ней представлено много античных списков<sup>94</sup>. Произведения Вергилия активно печатались ещё в XV в. (161 раз), в XVI в. издаются уже 263 раза, не считая переводов на национальные языки. Часто издавали одной книгой стихотворения Катулла, Тибулла и Проперция, а также произведения Горация, Тита Ливия, Саллюстия и Цезаря<sup>95</sup>.

Что касается древнегреческих текстов, для их публикации нужно было выполнить новую задачу: создать греческий шрифт, поскольку в первых печатных изданиях греческие слова либо транслитерировались латиницей, либо вписывались позже от руки<sup>96</sup>. Первой печатной книгой на древнегреческом стала «Батрахомиамахия» Псевдогомера, это издание обычно относят примерно к 1473 – 1474 гг. и связывают с типографией Томазо Феррандо в Брешии<sup>97</sup>. Первой же датированной книгой, напечатанной полностью на древнегреческом, была грамматика Константина Ласкариса (1476 г.)<sup>98</sup>.

Однако более систематически античные авторы начали печататься в серии карманных книг Альда Мануция, которая началась публикацией Вергилия в 1501 г. Благодаря этой серии получил распространение новый курсивный шрифт. Мануций и его последователи издали книги множества античных авторов: Горация, Ювенала, Марциала (1501 г.), Лукана, Фукидида, Софокла, Овидия, Еврипида (1502 г.), Аристотеля («История животных»), Демосфена (1504 г.), Плутарха, Саллюстия (1509 г.), Цицерона (1512 г.), Пиндара, Цезаря (1513 г.), Платона (1514 г.), Катулла (1515 г.) и многих других. Также часто издавались «новые классики» Данте и Петрарка<sup>99</sup>.

---

<sup>94</sup> Антонец, Е. В. "Ватиканский Вергилий": миниатюра и текст (Verg. Aen. IV 60-61) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2014. – № 18. – С. 3.

<sup>95</sup> Clair, С. Указ. соч. С. 125.

<sup>96</sup> Clair, С. Указ. соч. С. 125.

<sup>97</sup> Lowry, M. The World of Aldus Manutius: Business and Scholarship in Renaissance Venice. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1979. – P. 80.

<sup>98</sup> Clair, С. Указ. соч. С. 125.

<sup>99</sup> A catalogue of books printed by Aldus Manutius Romanus and his successors. – Payne and Foss, 1840. Pp. 1-2.

Для истории книгопечатания в Базеле знаковым является имя типографа и книгопечатника Иоганна Фробена (1460-1527 гг.), благодаря которому этот город стал одним из важнейших центров книготорговли. Фробен был другом Эразма Роттердамского, издавал Сенеку (1515 г.), Тацита (1519 г.), Теренция (1521 г.), Плиния Старшего (1525 г.). Также публиковал произведения своих современников, например, дважды переиздавал «Утопию» Томаса Мора (1518 г.)<sup>100</sup>.

Не менее известной была потомственная типография Этьеннов в Париже. Анри II Этьенн, также известный под латинским именем Хенрик Стефанус (1528-1598 гг.) был не только выдающимся издателем, но и автором словаря греческого языка, а также и многих произведений на латыни и древнегреческом. Позже он открыл собственную типографию в Женеве. Особое внимание он уделял публикации античных авторов: Анакреонта, Пиндара, Феокрита, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Эсхила, Софокла, Платона, Горация, Вергилия, Плутарха, Плиния Старшего и др., первый опубликовал труды философов-досократиков. Также он произвёл пагинацию сочинений Платона, которая часто используется до сих пор (пагинация Стефана)<sup>101</sup>.

Из рассматриваемых в диссертации переводов один был издан в типографии Альда Мануция его продолжателями (перевод Габио). Перевод Винсхейма был напечатан в типографии Петра Брубахия (Браубаха, ум. в 1543 г.) во Франкфурте; из античных авторов Брубахий также издавал Аристотеля, Аристофана, Гесиода, Гомера, Плиния, Цицерона, Демосфена и Ксенофонта<sup>102</sup>.

Издание переводов «Аякса», «Антигоны» и «Электры», выполненных Георгом Раталлером (1550 г.), вышло в типографии Себастьяна Грифия, также

---

<sup>100</sup> Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Фробен Иоганн // Культура Возрождения: энциклопедия: в двух томах / [ред. кол.: Н.В. Ревякина (отв. ред.) и др.]. Т. 2, кн. 2: Р–Я / редкол.: отв. ред. – О.Ф. Кудрявцев [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 492. Фробен также активно занимался публикацией религиозной литературы на греческом языке: так, он закончил издание трудов Иеронима Стридонского в 9 томах (1516-1518 гг.), подготовленное Эразмом Роттердамским.

<sup>101</sup> Эльфонд И.Я. Этьенны // Культура Возрождения: энциклопедия: в двух томах / [ред. кол.: Н.В. Ревякина (отв. ред.) и др.]. Т. 2, кн. 2: Р–Я / редкол.: отв. ред. – О.Ф. Кудрявцев [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 686.

<sup>102</sup> Benzing, J. Braubach, Peter // Neue Deutsche Biographie, vol. 2. – Berlin: Duncker & Humboldt, 1955. – P. 539.

известного как Себастьян Гриф (ок. 1492 – 1556 г.) в Лионе. Изначально Грифий печатал в основном административные и правовые документы и использовал готический шрифт, однако затем обратился к латинским классикам (а также латинским переводам древнегреческих авторов) и стал использовать курсивный шрифт Альда Мануция. Кроме того, он активно распространял творчество Эразма Роттердамского<sup>103</sup>.

Перевод Жана Лалемана издал французский книгопечатник Мишель де Васкозан (ок. 1500 г. – 1576 г.). Другие примечательные труды, вышедшие в его типографии, – издание сочинений Квинтилиана (*Quintiliani opera*, 1542) и издание жизнеописаний и моралий Плутарха во французском переводе (1567, 1574 гг.)<sup>104</sup>.

Перевод Томаса Наогеорга опубликовал другой знаменитый базельский типограф – Иоганн Опорин, также известный как Иоганн Хербст (1507-1568 гг.). Сначала он работал в типографии печатника Иоганна Фробена, а затем открыл свою собственную типографию. Опорин опубликовал сочинения многих древнегреческих и римских классиков, наиболее выдающимися были издания Аристотеля (1544, 1552, 1563 гг.), Эсхила (1555 г.) Еврипида, (1562 г.), Цицерона (1553, 1556 гг.). Как и многие другие издатели его времени, Опорин публиковал труды Эразма Роттердамского, а также Иоахима Камерария. Издавал он и Мартина Лютера<sup>105</sup>.

Более полный сборник переводов Раталлера, в котором содержатся уже все семь сохранившихся трагедий Софокла, был издан сначала в 1576 г. в типографии Гульельма (Виллема) Сильвия в Антверпене, а затем переиздан в типографии Иоанна Беллера там же. Виллем Сильвий получил титул королевского печатника (*typographus regius*) при Филиппе II испанском; он был первым голландцем, удостоенным этой должности<sup>106</sup>. В XVI в. Антверпен был важным центром

---

<sup>103</sup> Febvre, L., Martin, H.-J. *The Coming of the Book: The Impact of Printing, 1450-1800*. Translated by D. Gerard – London: Verso, 2010. P. 149.

<sup>104</sup> Березин И.Н. *Русский энциклопедический словарь: Б (Т.4)*. – СПб., 1874. – С. 638.

<sup>105</sup> Григорьева, И.Л., Салоники, Н.В. Опорин Иоганн // *Культура Возрождения: Энциклопедия*. В 2 т., В 3-х кн. / Отв. ред. Н.В. Ревякина. Т. 2. Кн. 1. Л — П. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 424.

<sup>106</sup> *Print and Power in Early Modern Europe (1500-1800)* / H.J. Helmers, J. Cumby, N. Lamal, ed. – Leiden: Brill, 2021. – Pp. 72-73.

публикации испанских авторов и публикаций для королевского двора, из испанских книжных центров его превосходила разве что Саламанка. Об Иоанне Беллере известно мало, кроме годов жизни (1526-1595) и того, что во второй половине XVI в. он занимался типографским делом в Антверпене<sup>107</sup>.

Итак, можно отметить, что все исследуемые издания публиковались в известнейших типографиях своего времени, то есть были значимым культурным фактом, вызывали резонанс, отклики других гуманистов.

Искусствовед Ю.Я. Герчук называет издания античных авторов XVI в. «особым книжным пространством», «филологическим пространством», «обобщённой моделью самой гуманистической учёности»<sup>108</sup>. Действительно, речь здесь идёт не просто о публикации текста и/или его перевода, а о кропотливой филологической работе: об этом говорят многочисленные комментарии на полях, сигнализирующие о дефектных местах или разъясняющие смысл той или иной строки или фрагмента. Гуманистическое издание часто содержит обращение к читателю, что показывает его ориентированность на адресата, а также стихотворные или прозаические «рецензии» других гуманистов, что делает публикацию книги резонансным событием культуры и литературы. Таким образом, особенность гуманистического издания XVI в. состоит в том, что оно является особым «филологическим пространством», содержащим не только указанный на титульном листе текст, но и множество сопроводительных текстов (комментариев) к нему.

### **1.3. Материалы, находившиеся в распоряжении переводчиков (рукописные и печатные тексты трагедий, латинско-греческие и греческо-латинские словари).**

Хотя наиболее достоверным указанием на источники перевода служили бы свидетельства самих переводчиков, в их вступительных письмах и

---

<sup>107</sup> CERL Thesaurus (Consortium of European Research Libraries) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.cerl.org/thesaurus/cni00044837>

<sup>108</sup> Герчук, Ю.Я. Указ. соч. С. 171.

предисловиях к трагедиям мы не находим информации о том, какими рукописями и изданиями они пользовались. Однако, что важно, мы располагаем информацией о том, какие издания Софокла на языке оригинала были осуществлены в XVI в. и по каким рукописям проводилась сверка текста для этих изданий.

Рукописи, сохранившие для нас произведения Софокла, обычно разделяют на две большие семьи: древние (*veteres*) и византийские, в последней выделяются три наиболее успешные редакции: Мануила Мосхопула, Томаса Магистра и Димитрия Триклиния<sup>109</sup>. В эпоху Возрождения были известны преимущественно византийские рукописи, поскольку на это время приходится плодотворное сотрудничество византийских и западноевропейских учёных. Именно византийские рукописи становятся источниками для многих изданий античных авторов, в то время как одна из известнейших рукописей «древней» семьи, L (codex Laurentianus 32, 9) не применялась для сличения и издания текстов вплоть до 1823 г.<sup>110</sup>, хотя схолии, содержащиеся в L, печатались уже в XVI в., правда, часто с интерполяцией византийских схолий<sup>111</sup>.

Из византийских редакций в эпоху Возрождения особенно влиятельной была редакция Димитрия Триклиния, созданная в XIV в. и отражённая в рукописи T (Paris gr.2711). Именно на эту рукопись опирался Адриан Турнеб, издавший трагедии Софокла в 1552-1553 гг. в Париже<sup>112</sup>.

Однако издание Турнеба было далеко не первым изданием Софокла на языке оригинала: *editio princeps*, содержащее семь полностью сохранившихся трагедий («Аякс», «Электра», «Царь Эдип», «Антигона», Эдип в Колоне», «Трахинянки» и «Филоктет») было ещё в 1502 г. осуществлено Альдом Мануцием в Венеции<sup>113</sup>. В этом же году благодаря Мануцию свет увидели древнегреческие издания Геродота

---

<sup>109</sup> Turyn, A. The manuscripts of Sophocles // *Traditio*. – 1944. – Vol. 2. – Cambridge, 1944. – Pp. 1-2.

<sup>110</sup> Lloyd-Jones, H., Wilson N.G. Introduction // *Sophoclea: Studies on the text of Sophocles*. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – P. 16.

<sup>111</sup> Turyn, A. The Sophocles recension of Manuel Moschopulus // *Transactions of the American Philological Association*. – №70. – P. 97.

<sup>112</sup> Lloyd-Jones, H., Wilson N.G. Introduction // *Sophoclea: Studies on the text of Sophocles*. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – P. 17.

<sup>113</sup> Там же.

и Фукидида. Альдовские издания приобрели большую популярность и послужили основой для многочисленных переизданий.

Долгое время не было понятно, по какой именно рукописи (или рукописям) сверялся текст издания Мануция. Скорее всего, он и его помощники использовали несколько рукописей, поскольку в письме-посвящении, открывающем альдовское издание Фукидида, типограф рассказывает о том, что вынужден был немного отсрочить публикацию, так как не имел необходимого минимального числа рукописей – трёх (*...sed quia non habebam minimum tria exemplaria, distulimus in aliud tempus*)<sup>114</sup>. В 1926 г. В.Н. Беншевичем было высказано предположение о том, что при подготовке альдовского издания использовался ленинградский кодекс (Lg) – рукопись греч. 731<sup>115</sup>.

Однако американский исследователь рукописной традиции Софокла А. Турин не согласился с этим мнением, заявив, что в основу *editio princeps* легла рукопись под индексом Y (Österreichische Nationalbibliothek, codex philos. philol. graec. 48). Эта рукопись интересна тем, что одновременно содержит чтения, свойственные для византийской редакции Мануила Мосхопула (в трагедиях «Аякс», «Электра», «Царь Эдип»)<sup>116</sup>, и чтения, свойственные для парижского класса рукописей (π), относящихся к *veteres* (в текстах трагедий «Антигона», «Эдип в Колоне», «Трахинянки», Филоктет)<sup>117</sup>. Итак, Мануций использовал рукопись, лишь частично содержащую византийские чтения, что является скорее плюсом, так как византийские филологи могли вносить правки, приводящие к порче текста.

Б.Л. Фонкич предположил, что при подготовке альдовского издания использовались обе рукописи: и Lg, и Y, причём текст Lg правился по Y<sup>118</sup>. Исследователь посчитал, что, вопреки своему «принципу трёх рукописей»,

---

<sup>114</sup> Jeremy Norman's Historyofinformation.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.historyofinformation.com/detail.php?id=4314>

<sup>115</sup> Фонкич, Б.Л. О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла // Византийский временник. – 1964. – Т. XXIV. – С. 109.

<sup>116</sup> Turyn, A. Studies in the Manuscript Tradition of the Tragedies of Sophocles. – Roma: “L’Erma” di Bretschneider, 1970. – P. 29.

<sup>117</sup> Указ. соч. С. 183.

<sup>118</sup> Фонкич Б.Л. Указ. соч. С. 110.

Мануций в данном случае ограничился лишь двумя. Текст печатался по сличённой с Υ и исправленной рукописи Lg, так как именно она содержит пометы, необходимые для наборщика (раскрыты сокращения слов, в нужных местах поставлена *iota subscriptum* над заглавными буквами поставлен крестик, указан расчёт количества строк на странице и т.д.)<sup>119</sup>.

*Editio princeps* Софокла не содержало схолий, хотя на титульном листе издания указано их наличие. Зато в 1522 г. трагедии публикуются уже со схолиями во Флоренции, в типографии Филиппо Джунта<sup>120</sup>. Последующие издания Софокла в оригинале появляются в 1528 г. (Париж); 1534 г. (Венеция); 1544 г. (Франкфурт; репринт этого издания там же в 1550, 1555 и 1567 гг.); 1547 г. (Флоренция, снова в типографии Филиппо Джунта). Все эти издания с текстологической стороны в основном опираются на *editio princeps*, хотя нередко привлекаются и ранее не используемые рукописи: так, в предисловии к изданию Джунта 1547 г. не без гордости сообщается о том, что были найдены некие «отличного качества древние рукописи», по которым сличался текст издания<sup>121</sup>.

Затем появляется уже упомянутое выше издание Адриана Турнеба (Париж, 1552-1553 гг.), в основе которого лежала редакция византийского филолога Димитрия Триклиния. Как считается, эта книга ознаменовала начало новой эры для изданий Софокла, потому что, начиная с неё, византийские редакции текста и византийские схолии постепенно вытесняют чтения, содержащиеся в рукописях класса *veteres*<sup>122</sup>.

Во второй половине XVI в. трагедии Софокла публиковались ещё не раз. Появляются следующие издания: Этьенна, или Стефануса (Париж, 1568 г.), Велаккуса (Виттенберг, 1578 г.), Кантера (Антверпен, 1579 г., и его репринт в 1593 и 1597 гг.)<sup>123</sup>.

---

<sup>119</sup> Указ. соч. С. 111.

<sup>120</sup> Oxford Edition of Sophocles // The British Critic, and Quarterly Theological Review. – 1827. – Vol. 1. – P. 307.

<sup>121</sup> Указ. соч. С. 308.

<sup>122</sup> Указ. соч. С. 309.

<sup>123</sup> Указ. соч. С. 310.

Итак, труды Софокла на языке оригинала в XVI в. печатались регулярно и в разных странах; подготовка изданий осуществлялась тщательно и с опорой на несколько рукописных источников. То есть переводчики могли опираться сразу на несколько изданий, могли использовать и рукописи, однако нужно учитывать, что в XVI в. были наиболее распространены именно византийские чтения, особенно вышеупомянутая редакция Димитрия Триклиния.

Стоит также обратить внимание на то, какие греческо-латинские словари могли быть в распоряжении переводчиков. В XV-XVI вв. стало более распространённым преподавание греческого языка; постепенно он входил в курс многих университетов. В процессе обучения поощрялось знание не только христианской, но и языческой литературы<sup>124</sup>. Произведения древних авторов трактовались как источник мудрости, наставлений, жизненных уроков, была распространена их моралистическая интерпретация. Чтение древнегреческих трагедий входило в программы многих университетов: так, регламент академии в Лозанне (1547 г.) включает чтение Софокла и Еврипида в программу греческого курса<sup>125</sup>. Разумеется, с бóльшим внедрением греческого языка в образование возникла потребность в двуязычных греко-латинских словарях и грамматиках.

Долгое время такие справочные материалы существовали в рукописном виде, но с распространением книгопечатания появляются и печатные словари – более удобные и доступные. Автором первого греко-латинского печатного словаря был Джованни Крастоне. Его лексикон был опубликован ещё в XV в., в 1478 г. Словарь был очень популярен в XV-XVI вв. Он неоднократно переиздавался, многие лексикографы (Цератин, Хересбах, Морриус, Жиль, Геснер, Юний, Туссен) вносили в него дополнения из разных источников, так что словарь приобрёл кумулятивный характер: каждая последующая версия была полнее предыдущей; словарные статьи обогащались различной информацией и примерами из античных авторов<sup>126</sup>.

---

<sup>124</sup> Сергеев, М.Л. Греческо-латинские лексиконы XVI в. в оценках лексикографов того времени // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2018. – XXII – С. 1213.

<sup>125</sup> Там же.

<sup>126</sup> Указ. соч. С. 1214.



Затем появился знаменитый словарь Анри Этьенна. В 1569 г. типограф опубликовал «Письмо Анри Этьенна о положении дел в его типографии, а особенно о его Тезаурусе греческого языка», в котором, помимо описания работы над предстоящим выпуском словаря, Этьенн также осуществляет критический разбор греко-латинских лексиконов его предшественников, замечая, что часто они стремятся привести как можно больше вариантов перевода одного слова, не обращая внимания на то, что эти варианты были бы неприемлемы в другом контексте. В словари было включено также много несуществующих слов, возникших в результате неверного прочтения рукописей. Также Этьенн упрекал коллег-лексикографов в большом количестве опечаток, что вообще является характерной проблемой старопечатных книг из-за неграмотности наборщиков и долгой и трудоёмкой подготовки изданий<sup>127</sup>. В результате Этьенн создал свой словарь – *Thesaurus Linguae Graecae*, который был опубликован в 1572 г.

Влиятельным источником также продолжал оставаться Византийский словарь «Суда» (X в.). Статья о Софокле из «Суды», переведённая на латынь, печатается во всех более поздних изданиях (второе издание переводов Раталлера, переводы Наогеорга и Уотсона) под заголовком «*Vita Sophoclis ex Svida*». Жан Лалеман также помещает вместе со своими переводами жизнеописание Софокла, но на этот раз это не краткая биография, взятая из Суды, а более пространное сочинение *Vita Sophoclis* («Жизнь Софокла»), сохранившееся в ряде рукописей. Кроме того, *Vita Sophoclis* была опубликована в сборнике сентенций из трагедий Софокла (1545 г.), собранных и переведённых на латинский язык Бартоломео Марлиани.

«Схедография» Мануила Мосхопула, византийского грамматика XIII-XIV вв., также часто использовалась в процессе обучения древнегреческому языку<sup>128</sup>. У византийцев схедография считалась высшим курсом грамматики. Она состояла из

---

<sup>127</sup> Указ. соч. С. 1216.

<sup>128</sup> Указ. соч. С. 1219-1220.

схед (σχέδη) – грамматико-лексикографических разборов слов, а также орфографических упражнений<sup>129</sup>.

Таким образом, литературный и культурный контекст эпохи вполне объясняет появление столь тщательно проработанных изданий Софокла на латинском языке, выполненных на высоком уровне и с профессионализмом, свойственным филологам-гуманистам.

Что касается использования в работе трудов предшественников-гуманистов, то вполне возможно, что переводчикам был известна латинская версия трагедий Еврипида, созданная Эразмом Роттердамским в 1506 г. (по крайней мере, о ней упоминают Раталлер и Лалеман); Жану Лалеману, как было сказано выше, был известен перевод Георга Раталлера, на который он существенно опирался при работе с текстом; Томас Уотсон же при переводе прибегал к версиям Эрве и Наогеорга<sup>130</sup>. Однако, несмотря на это, каждая из рассматриваемых версий отличается индивидуальностью.

Большую помощь гуманистам оказывали также монастырские и университетские библиотеки, в стенах которых могли храниться весьма ценные рукописи с произведениями древних авторов, сохранившимися зачастую по чистой случайности<sup>131</sup>.

Итак, греческие тексты Софокла в течение XVI в. неоднократно переиздавались; было известно несколько рукописей, содержащих его трагедии; существовало много печатных и рукописных словарей и грамматик, которые могли быть полезны при переводе с древнегреческого на латынь. Всё это давало переводчикам возможность опираться сразу на несколько источников, поэтому качество и уровень переводов, выполненных в XVI в., существенно выше, чем в XV в. (когда переводились в основном прозаические тексты) и – тем более – чем в

---

<sup>129</sup> Teachers, students, and Schools of Greek in the Renaissance / F. Ciccolella, L. Silvano, ed. – Leiden: Brill, 2017. – P. 1. *Editio princeps* «Схедографии» было осуществлено Анри Этьенном в 1545 г. в Париже; однако до этого активно использовались рукописные копии.

<sup>130</sup> Sutton, D. F. Introduction // The Complete Works of Thomas Watson. – New York, 1996. – P. 12.

<sup>131</sup> Соколов, В.А. Гуманизм и библиотеки: к постановке проблемы // Вестник культуры и искусств. – 2011. – № 4 – С. 6-8.

Средневековье, когда переводы были далеко не столь успешны с точки зрения стилистики<sup>132</sup>.

### **Итоги.**

Можно заключить, что латинские издания переводов Софокла – характерное явление культуры Возрождения XVI в.

В это время активно развивается книгопечатание, открываются новые типографии по всей Европе, осуществляют издательскую деятельность знаменитые печатники Альд Мануций, Анри Этьенн, Иоганн Фробен, Иоганн Опорин и др. Совершенствование и развитие шрифтов и вёрстки позволяет печатать всё более сложные материалы, лучше их структурировать, выносить примечания на поля.

Также появляется огромное количество переводов с древнегреческого на латынь именно поэтических сочинений (переводы Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла, Еврипида). Можно отметить и некоторое количество переводов с латыни на древнегреческий, например, переводы Жозефа Скалигера. Предметом предлагаемого исследования является перевод трагедий, поскольку их начинают переводить именно в XV в., Софокл же был самым популярным и часто переводимым трагиком. Кроме того, на XVI в. приходится расцвет новолатинской библейской драмы – жанра, в котором трудился один из переводчиков Софокла, Томас Наогеорг. Многие гуманисты считали Софокла величайшим из трагиков; на такую точку зрения могло повлиять в том числе знакомство с «Поэтикой».

При исследовании произведений гуманистов XVI в. нельзя не упомянуть и деятельность Эразма Роттердамского. Многие выдающиеся типографы были знакомы с ним и печатали его труды. Также Эразм был своего рода первопроходцем в переводе трагедий с древнегреческого на латынь, выполнившим переводы «Гекубы» и «Ифигении в Авлиде» Еврипида. Деятельность Эразма оказала влияние на многих гуманистов XVI в.

К сожалению, не удаётся с точностью установить, какими рукописями и

---

<sup>132</sup> Lockwood, D.P. Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek / D.P. Lockwood // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. – 1918. – Vol. 49. – P. 127.

изданиями пользовались переводчики, однако можно предположить, что более ранние издания опирались на текст Мануция, содержащий некоторые чтения, присущие более древним рукописям (*veteres*), в то время как более поздние опирались на быстро ставшее популярным издание Турнеба, в основе которого лежала византийская редакция Триклиния. Тем не менее, нельзя исключать возможность использования переводчиками непосредственно рукописей. Также гуманисты могли обращаться к переводам своих предшественников, о чём будет подробнее рассказано в последующих главах.

## Глава II. ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЯ ЛАТИНСКИХ ПЕРЕВОДОВ ТРАГЕДИЙ СОФОКЛА В XVI В.: ПРИНЦИПЫ КОММЕНТАРИЯ.

### 2.1. Виды комментариев к изданиям.

Термин «комментарий» может пониматься в весьма широком смысле и относиться к разным по объёму и по положению относительно комментируемого произведения текстам<sup>133</sup>. Комментарий предполагает обязательное наличие аудитории (реальной или условной), к которой обращается его автор<sup>134</sup>. Поэтому тексты, сопровождающие публикации латинских переводов гуманистов и обращённые к читателю, патрону или самому переводчику, вполне можно назвать комментариями. Стоит сразу отметить, что в данном разделе не будут рассматриваться примечания, находящиеся непосредственно в тексте трагедии на полях, – им посвящён раздел 2.6) главы III.

Среди изданий семи рассматриваемых переводов Софокла можно выделить следующие виды таких сопроводительных текстов-комментариев:

а) *epistola nuncupatoria (dedicatoria)* – письмо-посвящение, которое помещается в начале книги и обращено к какой-либо влиятельной личности. Оно может содержать сведения о мотивах переводчика, о его отношении к античной литературе, о прочих принадлежащих ему литературных трудах, о времени работы над текстом и т.д.

б) *argumenta* («краткие содержания») трагедий: они могут быть как прозаическими, так и стихотворными, могут быть написаны как самим переводчиком, так и другими гуманистами; также часто встречаются античные *argumenta*, переведённые с греческого.

в) в ряде изданий (более поздних – Раталлера, Лалемана, Наогеорга) приводятся также многочисленные стихотворные прославления переводчиков,

---

<sup>133</sup> Так, М.Л. Гаспаров писал: «Комментарий может быть разномасштабным: к каждому слову, к каждому отрывку, к произведению, к авторскому корпусу, ко всей литературе эпохи». (Гаспаров, М.Л. Ю.М. Лотман и проблема комментирования // НЛЮ. – 2004. – № 66. – С. 70).

<sup>134</sup> Брагинская, Н.В. Комментарий как механизм инноваций в культуре и не только // Мировое дерево = Arbor mundi. – 2007. – № 14. – С. 10.

написанные на латинском или древнегреческом другими учёными гуманистами. Они часто содержат сведения о работе над текстом или о биографии переводчика.

г) также в изданиях могут присутствовать посвящённые читателю заметки или стихотворные произведения.

## **2.2. Комментарий к переводу «Антигоны» Жантьена Эрве (Лион, 1541 г.).**

Самый ранний перевод «Антигоны» на латинский язык в составе своих *Opuscula* издал Жантьен Эрве (Gentianus Hervetus, годы жизни: 1499-1584) в 1541 г. в Лионе (Lugduni, apud Stephanum Doletum, 1541). Эрве был французским теологом, священником (викарием Орлеана, каноником Реймса), учителем катехизической школы, филологом и переводчиком, а также противником кальвинизма. Учился в Орлеанском университете, затем преподавал там древнегреческий язык<sup>135</sup>.

Эрве много занимался трудами Блаженного Августина, а также переводами с древнегреческого и среднегреческого на латынь. Так, он переводил сочинения Симеона Метафраста (жития святых), Климента Александрийского, отцов церкви. Эрве интересовался философией скептицизма и активно занимался её христианизацией: переводил труды Секста Эмпирика и использовал идеи скептицизма в качестве оружия в спорах с кальвинистами<sup>136</sup>.

В *Opuscula* Эрве включил, помимо перевода «Антигоны», также написанные им речи, эпиграммы и переводы с греческого двух бесед святителя Василия Великого. Издание трудов Эрве, как и все рассматриваемые издания Софокла, открывает *epistola nuncupatoria* – вступительное письмо, обращённое к патрону (*Domino D. Cardinali a Bauma*). В письме никаких упоминаний конкретно о переводе «Антигоны» или работе над ним нет, но перед трагедией помещается ещё одно письмо-обращение, уже к другому лицу – Иоанну Турнону (*Gentianus Hervetus Ioanni Turnoni Decano Nozerensi*), в котором даётся высокая оценка античной

---

<sup>135</sup> CERL Thesaurus (Consortium of European Research Libraries) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.cerl.org/record/cnp01343754>

<sup>136</sup> The Cambridge companion to Ancient skepticism / R. Bett, ed. – New York: Cambridge University Press, 2010. – P. 281.

литературе: «что может быть приятнее, чем обращаться к чтению как греков, так и римлян, чьи произведения отличались изяществом?» (*Quid enim jucundius iis esse potest, qui Musarum mysteriis sunt initiati, quam in varia cum Latinorum, tum Graecorum, qui elegantissime scripserunt, autorum lectione versari?*). Трагедии же он сравнивает с зеркалом, в котором отражаются все человеческие несчастья; особенно полезно читать их сейчас, когда вот уже двадцать лет среди людей царит смятение, которое похоже на некую бесконечную трагедию (вероятно, Эрве имеет в виду гугенотские войны между католиками и протестантами): ...*Tragoediae autem, quae est humanarum calamitatum quoddam veluti **speculum**, est hoc tempore jucundior lectio, quod his jam viginti annis tot tumultus sunt excitati, ut perpetua quaedam tragoedia jure videri possit*).

Перевод «Антигоны» также предваряет довольно подробное *argumentum* (краткое содержание), в котором излагаются основные события трагедии, и её «предыстория» (противостояние Этеокла и Полиника).

Можно предположить, что работа с текстами классиков древнегреческой литературы и их перевод на латинский язык служили прежде всего практическим интересам Эрве, поскольку в своих речах, помещённых в том же издании, что перевод («О терпении» (*De patientia*) и «О добродетельности души» (*De animi virtute*), он неоднократно использует цитаты из трагедий Софокла в качестве *exempla*<sup>137</sup>):

- Стих 1722 трагедии «Эдип в Колоне» (какὼν... δυσάλωτος οὐδεὶς – букв.: «Никто не неуязвим для зол»). Используется в речи *De patientia* в качестве доказательства того, что любого человека иногда охватывает гнев, но важно иметь терпение и уметь противостоять ему.

- также в *De patientia* используется обширная цитата из сохранившегося фрагмента трагедии Еврипида, которую Эрве ошибочно приписывает Софоклу (это

---

<sup>137</sup> *Exempla*, ед. ч. *exemplum* – лат. буквально «пример» — жанр средневековой латинской литературы, обладающий дидактической функцией; возник как украшение в проповедях или речах и восходит к ораторской практике античности (Гуревич, А.Я. *Exempla: литературный жанр и стиль мышления* / А.Я. Гуревич // *Культура и общество средневековой Европы глазами современников*. – М.: Искусство, 1989. – С. 7).

реплика Тесея о том, что перенёсшему много несчастий легче перенести новые, цитируемая также Цицероном в «Тускуланских беседах» – III, 18, 67). Это не единственный пример подобной ошибки: цитата была хорошо известна гуманистам и часто появлялась в их сочинениях именно под именем Софокла (например, в заметке Иоахима Камерария *De autoribus tragoediae*, которая помещается в издании переводов Файта Винсхейма).

- в речи *De grati animi virtute* Эрве также ссылается на Софокла: *Et profecto, qui beneficio affectus, non, cum potest, gratiam reddit, non solum non generosus, quod ait Sophocles, sed ne homo quidem, a quo nihil humani abesse oportet, meo iudicio existimari debet* («...и действительно, человека, не отвечающего по мере сил благодарностью на оказанную ему услугу, следует расценивать не только как неблагородного – как говорит Софокл – но и вообще не как человека с присущими ему человеческим качествами»). Вероятно, имеются в виду строки Soph. Aiax. 522-524 (χάρις χάριν γάρ ἐστὶν ἢ τίκτουσ' ἀεί: ὅτου δ' ἀπορρεῖ μνηστὶς εὖ πεπονθότος, οὐκ ἂν γένοιτ' ἔθ' οὗτος εὐγενὴς ἀνὴρ – «В нас чувство благодарное родится / От чувства благодарного, – супруг, Забывший нежность ласк, неблагороден»<sup>138</sup>).

- также в *De grati animi virtute* приводится цитата из трагедии Софокла «Филоклет», 672-673 (ὅστις γὰρ εὖ δρᾷν εὖ παθὼν ἐπίσταται, παντὸς γένοιτ' ἂν κτήματος κρείσσω φίλος – «Кто на добро добром ответит, – Друг истинный, ценнее всех богатств»<sup>139</sup>). После цитаты приводится латинский перевод: *Quicumque amicus scit referre gratiam, / Praestantior cunctis is est divitiis*.

Таким образом, приведённые выше цитаты функционируют в качестве *exempla*, иллюстрирующих качества, свойственные «благородной душе».

Также в своих речах Эрве цитирует Гомера, Гесиода, Еврипида, Вергилия. Не слишком короткие и не слишком лёгкие для понимания цитаты на древнегреческом он предпочитает снабжать латинским переводом, причём эквиритмическим. Поэтому вполне возможно, что Жантьен Эрве переводил трагедии не только из восхищения перед гением Софокла, но и с целью собрать как можно больше

---

<sup>138</sup> Пер. С.В. Шервинского.

<sup>139</sup> Пер. С.В. Шервинского.



*exempla* для своих проповедей и речей: ведь этот трагик известен афористичностью и обилием сентенций<sup>140</sup>. «Антигона» же была выбрана переводчиком, вероятно, не только из-за художественных достоинств, но также потому, что отвечала политической и идеологической обстановке того времени: много новолатинских сочинений появилось в результате бурной полемики между католиками и протестантами, а цитаты из античных произведений, как уже было сказано, могли использоваться в таких сочинениях в качестве *exempla*.

### 2.3. Комментарий к переводу Джованни Баттисты Габио (Венеция, 1543 г.).

Следующим переводчиком Софокла был Джованни Баттиста Габио (он родился в начале XVI в. и умер в 1590 г.). В 1543 г. в Венеции он опубликовал перевод всех семи сохранившихся трагедий Софокла: «Аякс», «Электра», «Царь Эдип», «Антигона», «Эдип в Колоне», «Трахинянки», «Филоклет» (*Venetiiis apud Io. Baptistam a Burgofrancho Papiensem, 1543*). Габио родился в Вероне. Он был известен не только как литератор и переводчик, но и как преподаватель (более 20 лет возглавлял кафедру греческого языка в Римском университете, с 1553 по 1582 г.), а также как духовное лицо (с 1582 г. был назначен епископом Мольфетты), прославился знанием не только древнегреческого и латинского языков, но и древнееврейского. Поскольку его переводы трагедий Софокла были близки к греческому тексту и были выполнены *ad verbum* (то есть слово в слово), как указано на титульном листе издания, они послужили основой для первого перевода Софокла на итальянский, осуществлённого Бернандо Сеньи (*Bernando Segni*). Также Габио перевёл на латынь комментарии и толкование на Священное Писание<sup>141</sup>.

Издание трагедий открывается письмом-посвящением. Обращаясь к своему покровителю, Марио Саворньяну (*Marius Savorgnanus*), Джованни Габио довольно лаконичен и ограничивается общими соображениями. Начинает он с того, что

---

<sup>140</sup> Теперик, Т.Ф. Функция сентенций в трагедиях Софокла: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Теперик Тамара Фёдоровна. – М., 1984. – С. 146-148.

<sup>141</sup> *Dizionario Biografico degli Italiani* / F. Pintor, A. Frugoni, A.M. Ghisalberti, ed. Vol. 51: Gabbiani-Gamba. – Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 1998.

прославляет *beneficentia* («благодетельность», «благотворительность») своего патрона, выражая благодарность за покровительство. Далее говорит о важности наук и искусств: учёные труды бессмертны и могут пересечь любые границы; они служат на пользу не только нынешнему поколению, но и будущему (*doctorum vero hominum opera, atque industria nulla neque loci neque temporis circumscriptione terminatur. Neque hi solum quidem vivi atque praesentes discendi studiosis prosunt: sed idem etiam post mortem litterarum monumentis consequuntur*). Такая точка зрения вполне соответствует гуманистическому мировоззрению.

Габио заявляет о превосходстве древних греков над римлянами, однако отмечает, что последние так упорно сражались, чтобы «вырвать награду» (*palmas eripere*), что в результате стали ни в чём не уступать грекам. Такая точка зрения также является весьма распространённой. Эту мысль позже будет развивать ещё один переводчик Софокла, Жан Лалеман, заявляя, что римляне во всём брали пример с греков и только благодаря этому выбрались из «мрака незнания», зато потом у римлян появился Цицерон. Подобного мнения будет придерживаться и Томас Уотсон.

Ясно, почему латинский перевод по умолчанию оценивается ниже оригинала: дело не только в том, что великого Софокла невозможно превзойти, но и в том, что греческая культура воспринимается как заведомо более богатая и совершенная, чем римская, к тому же первая сильно повлияла на последнюю. Поэтому, по мнению Габио, необходимо знакомиться с произведениями не только латинской, но и греческой словесности, пусть даже посредством более «низкого» латинского языка.

В письме-посвящении гуманист также восхищается образованностью Марио и всей его семьи, отмечая, что он не нуждается в «вещах такого рода», т.е. в переводе на латынь, поскольку отлично владеет обоими классическими языками. Однако он всё же просит принять свой перевод в качестве «подарочка» (*munusculum*). Также Джованни Габио сообщает, что до этого издавал Гомера, Аристофана и Феокрита: *superioribus quidam annis Homerum, Aristophanem, Theocritum edidimus*.

Каждой трагедии в издании предшествует краткое содержание (*argumentum*), иногда – в нескольких вариантах. Так, перед «Антигоной» помещено два кратких содержания, автором одного из них является грамматик Аристофан Византийский. Его версия более сжатая, однако в ней приводятся сведения о разработке того же мифа у Еврипида, но со счастливым финалом: Антигона выходит замуж за Гемона и рождает сына Меона. Также Аристофан сообщает место действия трагедии (Беотийские Фивы, дворец Креонта) и состав хора (фиванские старцы) и предание о том, что именно успех «Антигоны» способствовал избранию Софокла в качестве начальника кампании против Самоса. Эти же факты будут часто упоминаться и в последующих изданиях. Латинскому тексту трагедии предшествует список действующих лиц.

Трагедия «Эдип-царь» предваряется стихотворным *argumentum* Аристофана Византийского, а также заметка *Cur tyrannus inscripta sit*, которая рассказывает о происхождении слова *tyrannus*. Указывается, что ещё софист Гиппий отмечал, что в поэмах Гомера это слово не встречается, а появляется впервые только у Архилоха. Приводится несколько вариантов этимологии слова: от слова «тирренцы», или «тиррены» (так греки называли негреческое население вокруг Греции, в частности, пиратов<sup>142</sup>) или от названия города Тир. Также приводится стихотворное пророчество, данное царю Фив Лаю, и загадка Сфинкса. Автором древнегреческой гекзаметрической загадки Сфинкса является Асклепиад из Трагил, живший в IV в. до н.э.<sup>143</sup>

Перед текстом трагедии «Эдип в Колоне» тоже помещены две версии краткого содержания (*argumentum*) и список действующих лиц.

Джованни Габио, будучи знатоком древних языков и в течение двадцати лет несменяемым руководителем кафедры древнегреческого языка, подошёл к своей

---

<sup>142</sup> Abulafia, David. The great sea – A human history of the Mediterranean. – London: Penguin Books, 2014; стоит отметить, что название «тирренцы» затем стало прочно ассоциироваться с этрусками в Италии (Подосинов, А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. – 2012. – № 5. – С. 94).

<sup>143</sup> Пимонов В.И. Разгадал ли Эдип загадку Сфинга? // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2019. – Т.21. №3. – С. 73.

работе профессионально, однако издание его трудов довольно лаконично: обширные вступления, обращения к читателю, стихотворные послания и т.д. появятся уже в более поздних версиях. Несмотря на то что Габио проделал большую работу, переведя не только «Антигону», но и вообще все сохранившиеся трагедии Софокла, работа эта, судя по всему, осталась неизвестной его коллегам-переводчикам из других стран. Так, никто из авторов более поздних переводов не упоминает ни о Габио, ни – тем более – об Эрве, хотя именно они были авторами первых печатных переводов трагедий Софокла. Напротив, последующие переводчики, в свою очередь, считают первопроходцами себя – вероятно, просто по незнанию, поскольку дают о себе знать географические границы. Тем не менее, иногда даже через эти границы переводчики узнают друг о друге. Так, один из них, Жан Лалеман, использует в своём издании парод из предшествовавшего ему перевода Георга Раталлера, а приятель Раталлера, в свою очередь, обвиняет Лалемана в плагиате (см. главу III, раздел 1). Однако в большинстве случаев переводы коллег из других стран остаются для переводчиков неизвестными.

#### **2.4. Комментарий к переводу Файта Винсхейма (Вита Винсхемия; Франкфурт, 1549 г.).**

Следующим перевод семи сохранившихся трагедий Софокла на латынь осуществил немец Файт Винсхейм (годы жизни: 1501-1570) и издал свой труд во Франкфурте в 1549 г. (*Francoforti excudebat Petrus Brubachius, 1549*). Он был не только знатоком древнегреческого языка, ритором и филологом, но и медиком, а также изучал философию. Винсхейм получил образование в Венском и Виттенбергском университетах, а философией занимался у Филиппа Меланхтона, приверженца Реформации и основателя знаменитой берлинской гимназии Меланхтон. В 1528 г. Винсхейм получил учёную степень магистра философии, а затем – в 1550 г. – доктора медицины. После занимался преподавательской деятельностью в Будапеште и Виттенберге, обучая студентов медицине, логике и древним языкам. В 1530-е, 40-е, 50-е и 60-е гг. часто был назначаем деканом филологического факультета в Виттенбергском университете, а затем и

проректором университета. В Виттенберге он занимался и общественной деятельностью: с 1549 г. был членом городского совета. Винсхейм активно поддерживал Реформацию, его учителем был Иоахим Камерарий Старший, также сторонник Реформации, переведший с древнегреческого на латынь сочинения Геродота, Демосфена и Феокрита. Сам Винсхейм тоже занимался переводом «Идиллий» Феокрита, перевёл вторую речь Демосфена против Аристогитона, труды Фукидида. Речи Демосфена против Аристогитона он переложил и на немецкий язык. Винсхейм написал и произнёс несколько неолатинских речей. Также публиковал предисловия к изданиям античных авторов (*Praefatio in Homerum* и *Praefatio in lectionem Euripidis*)<sup>144</sup>.

Издание, содержащее переводы Винсхейма, открывается традиционным письмом-посвящением. Обращено оно к королю Англии и Франции Эдуарду (*regi Angliae et Franciae Eduardo Principi Clementissimo*) – возможно, имеется в виду Эдуард VI, вступивший на престол в весьма нежном возрасте (9 лет), однако скоро показавший себя знатоком древних языков и убеждённым протестантом<sup>145</sup>.

В начале письма Винсхейм пересказывает сюжет, изложенный Плутархом в жизнеописании Никия: когда многие афинские граждане были захвачены и обращены в рабство после поражения на Сицилии, им помогло обрести свободу знание отрывков из трагедий Еврипида, ведь, как только люди слышали, что афиняне цитируют великого трагика, они были так впечатлены, что согласились вернуть им свободу, если они передадут знание этих великих строк. Винсхейм высоко оценивает то, что за блистательные знания и память афиняне были освобождены: он считает, что подобное благородное обращение с пленными совершенно не свойственно современному ему людям, «варварству нашего века» (*nunc si conferas nostri saeculi barbariem ad illa tempora, quanta erit dissimilitudo?*).

Но даже в нынешние сложные времена, когда государства находятся в таком смятении, нельзя считать, что учёные труды напрасны. Ведь без них не обходится

---

<sup>144</sup> Allgemeines Gelehrten-Lexicon / Ch. G. Jöcher – Leipzig: In Johann Friedrich Gleditschens Buchhandlung, 1751. – P. 1657.

<sup>145</sup> Конский, П.А. Эдуард VI // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XL: Шуйское – Электровозбудимость. – СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, 1904. – С. 181-182.

церковь, на благо которой служат литература и наука; церковь, несмотря на все потрясения и войны, остаётся. С этой надеждой Винсхейм и принимается за свои труды, отмечая, что необходимо заниматься распространением просвещения (*doctrinae propagatio*). И именно печаль о наступивших тяжёлых временах всеобщей вражды и жестокости (Винсхейм, несомненно, имеет в виду Реформацию, активным сторонником которой он был, и все препятствия, которые она встречала на своём пути) заставила его заняться переводом трагедий Софокла: ведь в них содержатся изображения многочисленных человеческих несчастий, которые могут быть полезны как в качестве наставления, так и в качестве утешения (*...in quibus [Sophoclis tragoediis] imagines multae illustres humanarum calamitatum proponuntur, quas considerare tum ad commonefactionem, tum ad consolationem utile est*).

Именно трагедии, как считает гуманист, наиболее сильно воздействуют на человека, поскольку рисуют ужасающие картины и словно кричат, как Иксион, привязанный к вращающемуся колесу, кричит в одной из Пифийских песен Пиндара: «Учитесь воздавать справедливость!»<sup>146</sup>. Именно тому, что нельзя презирать богов и божественную справедливость, по мнению Винсхейма, и учат трагедии Софокла. И он совершенно не согласен с теми, кто считает, что подобные произведения создаются для игры, смеха или рукоплесканий. На самом деле всё куда серьезнее: трагедии показывают беззащитность и бессилие человеческого рода (*humani generis infirmitas*): можно наблюдать, как за тяжёлые проступки в кратчайший срок накладываются не менее тяжёлые наказания; разум же является учредителем и защитником человеческого рода, способным предотвратить такой плачевный исход. Винсхейм приводит несколько примеров из сюжетов, изложенных трагиками, в которых за преступлением следует наказание: Орест убил свою мать Клитемнестру и дядю Эгисфа, и это стало для Клитемнестры наказанием

---

<sup>146</sup> Однако, несмотря на то что Винсхейм ссылается при изложении этого мифа на Пиндара, он цитирует эти слова так, как в Энеиде их произносит не Иксион, а Флегий, отец Иксиона (Aen. VI, 618-620): *Disicite justitiam moniri & non spernere Divos* («Не презирайте богов и учитесь блюсти справедливость» – перевод приводится по изд. Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида. Пер. Ошерева. М. Художественная литература, 1979).

за прелюбодеяние и убийство Агамемнона. Другой пример – Кресфонт из одноименной трагедии Еврипида, хитростью захвативший Мессению. С представлением этой трагедии связан анекдот из жизни Еврипида, который и излагает Винсхейм: когда простые люди из народа услышали слова Кресфонта о том, что богатство – величайшее благо для человека, с которым не может сравниться радость матери или ребёнка, они освистали поэта, так как приняли эти слова за его собственные и едва ли могли согласиться с тем, что богатство важнее добродетели и благочестия. Но тут, как говорят, вышел сам Еврипид и попросил дождаться конца представления, пообещав, что вероломный Кресфонт обязательно будет наказан. И действительно, позже Кресфонт был убит гражданами Мессении, а его жена в неистовстве убила его детей.

Другой пример, который приводит Винсхейм, связан с Фиванским циклом: Лай похитил юношу [Хрисиппа] и поплатился за это смертью; Этеокл и Полиник убили друг друга, поскольку были рождены от нечистого, кровосмесительного союза, и т.д. Также Винсхейм отмечает, что наказание часто относится к той же области, в которой было совершено преступление: преступление Лая и его постыдное желание наказывается муками Эдипа, который также согрешил постыдным желанием – браком с собственной матерью (*His tantis calamitatibus [Oedipi] in semine tetra libido Laii punita est, quia plerumque hoc sit, ut qua parte, seu quo genere scelerum delinquitur, poena feriat eandem partem, aut idem genus mali fontes opprimat*).

По мнению Винсхейма, древние люди справедливо считали, что несчастья происходят не случайно, а по воле богов и посылаются людям в наказание за их прегрешения. Именно в этом и состоит божественное провидение (*providentia*), а цель трагедии – изобразить страдания столь эффектно, чтобы устроить людей суровостью наказания и обуздать тщеславие, похоть, жадность и прочие пагубные страсти. Так что, как считает гуманист, приводить примеры из греческих трагедий и цитировать их всегда уместно, ведь и в церковных проповедях используются различные *exempla* из Священного Писания, призванные наставлять и предостерегать людей: Бог показывает примеры своей силы и своего гнева, чтобы

удержать нас от несправедливых поступков в будущем. В качестве таких *exempla* могут служить судьбы Каина, Иова, разрушение Содома, гибель фараона, проклятие потомков Ханаана, смерть Саула и т.д.

Не признавать, что ужасные наказания во все времена блуждают среди людей, – это признак тупоумия и ограниченности (*stupor est & impia ἀναλησία*). Винсхейм рисует довольно мрачную картину: земля пылает от бесконечных войн, происходят раздробление государств, народов и семей, детей вырывают из родительских объятий, опустошаются церкви и т.д. Мировоззрение переводчика довольно пессимистично: трагедия человеческого рода вечна и непрерывна. Он приводит знаменитую цитату из элегии Солон, весьма часто используемую в протестантской литературе (*Solonis elegiarum fragm. 3, 26*): οὕτω δημόσιον κακὸν ἔρχεται οἴκαδ' ἐκάστῳ – *intrans in thalamos publica damna tuos* – «общие несчастья приходят в каждый [частный] дом». Грубо говоря, трагедии позволяют «учиться на чужих ошибках» (которые, в общем-то, не «чужие», а «общие», поскольку представлены публично), так что их особенно полезно читать юношам; вероятно, отчасти поэтому Винсхейм обращается в своём вступительном письме к столь юному адресату, как король Эдуард. То, что труды Винсхейма направлены именно на воспитание юношества, можно судить уже по титульному листу издания его переводов: *Interpretatio tragoediarum Sophoclis ad utilitatem juventutis quae studiosa est Graecae linguae edita a Vito Winshemio* («Перевод трагедий Софокла с греческого, который был со старанием издан Файтом Винсхеймом **на пользу юношества**»).

Затем переводчик отдельно анализирует «Антигону», поскольку в этой трагедии обсуждается ещё одна важная проблема: стоит ли ставить божественное право выше светской власти в случае, если они противоречат друг другу (*an jus divinum anteferendum sit edicto Regis pugnanti cum jure divino*). В этом смысле финал «Антигоны» довольно утешителен: несмотря на смерть многих героев, справедливость и невиновность побеждает, ведь тиран наказан, и в этом наказании – защита невиновных (*in poenis tyrannorum juvat videre efensionem innocentum*). Т.е. Винсхейм вполне однозначно занимает сторону Антигоны, в отличие от Жана Лалемана, который скорее не одобряет её поступок (см. главу II, раздел 5).



Наконец, Винсхейм утверждает, что читать Софокла (а также Еврипида) весьма полезно *eloquentiae causā*, т.е. для совершенствования ораторских навыков. Причём, как отмечает Винсхейм, стиль Софокла считается не только более торжественным и блестящим, но и более «тяжёлым» (величественным, пафосным, серьёзным), чем стиль Еврипида: *non solum grandior & splendor est Sophocles, sed etiam gravior*. Полезным для красноречия освоение трагедий (и вообще произведений древнегреческой литературы) признавал и Гораций – в доказательство Винсхейм приводит строки из его «Поэтического искусства» о том, что нужно днём и ночью изучать сочинения греков, которым Муза даровала талант и «округлённую речь» (*ore rotundo loqui*) (*Hor. Ars* 268-269, 323-324).

Традиционным завершением письма служит восхваление патрона (а также его отца – вероятно, речь идёт о Генрихе VIII, который, хотя был весьма противоречивым правителем, однако также проявил себя как весьма образованный человек, а если вспомнить о проведённой им церковной реформе, сделавшей Англию преимущественно протестантской страной, восхищение Винсхейма этим монархом становится ещё более понятным). Переводчик также выражает Эдуарду благодарность за его покровительство наукам и искусствам. Разумеется, он считает свой труд недостойным правителя подарком, но всё же просит принять эту *tenuet lucubrationem* («скромную работу по ночам»). Слово *lucubratio* вообще часто используется переводчиками для описания своей работы: его употребляет также Жан Лалеман.

Таким образом, вступительное письмо хорошо отражает мировоззрение переводчика: ярый протестант, весьма пессимистично смотрящий на все людские бедствия как на заслуженную кару, которая всегда будет преследовать человеческий род, просто не мог не заниматься переводом древнегреческих трагедий. Ведь, если понимать их в таком ключе, они действительно являются удобным инструментом для демонстрации схемы «гнусное преступление – заслуженное наказание». Сравнение трагедии с зеркалом, в котором отражаются человеческие страсти, также является распространённым у переводчиков-гуманистов: его используют Жантьен Эрве и Жан Лалеман. Однако Винсхейм существенно отличается от своих коллег

тем, что выражает поддержку Антигоне, считая её подвиг справедливым: положительное отношение, хоть и с некоторыми оговорками, демонстрирует к Антигоне и Томас Уотсон (см. главу II, раздел 8).

За вступительным письмом следует предисловие *De auctoribus tragoediae* («Об авторах трагедии»), написанное учителем Винсхейма, гуманистом Иоахимом Камерарием (Старшим). Сообщаемые сведения о Эсхиле, Софокле и Еврипиде в основном взяты из Суды и из сочинений Аристофана Византийского. Камерарий пишет, что произведения Софокла и Еврипида отличаются бóльшим изяществом, чем трагедии Эскила (*elegantiora*); они вернули на сцену в обработанном, улучшенном виде (*perpolita & correcta*) многие мифологические сюжеты, используемые прежде Эскилом. Также гуманист рассказывает о смерти Эскила (пролетающий орёл решил разбить о голову трагика, которую он принял за камень, черепаху) и приводит его эпитафию на древнегреческом. О Еврипиде он сообщает, что большое влияние на него оказали Анаксагор и другие философы, поэтому в его трагедиях часто встречаются философские сентенции, которые Цицерон нередко использует в своих трактатах (в доказательство приводится отрывок из реплики Тесея, цитируемый Цицероном в «Тускуланских беседах» (III, 18, 67): римский философ рассуждает о том, что человек, уже переживший много несчастий, легче переносит несчастья новые). Однако Еврипиду приписывается меньшее количество пьес и меньше побед на состязаниях драматургов, чем Софоклу, прозванному «аттической пчелой» (*μέλιττα ἀττική, Attica apicula*) за сладкозвучие речей.

Итак, среди трагиков Камерарий выше всех ставит Софокла. Стоит отметить, что аналогичное мнение высказывает Аристотель в «Поэтике» – труде, который был переведён на латынь ещё в XV в. и знакомство с которым существенно помогло гуманистам в восприятии древнегреческой трагедии<sup>147</sup>. Возможно, на решение Винсхейма переводить именно Софокла повлияло авторитетное мнение великого философа.

Перед каждой трагедией помещается предисловие, выполняющее также роль

---

<sup>147</sup> Lockwood D.P. Указ. соч. P. 126.

краткого содержания. Однако иногда предисловие и краткое содержание всё же разделены: так, перед трагедиями «Царь Эдип», «Антигона», «Эдип в Колоне», помимо предисловий, также находятся отдельные *argumenta*, написанные Камерарием.

В предисловии к «Антигоне» переводчик сообщает, что, поскольку расцвет творчества Софокла приходится на годы Пелопонесской войны, в которой участвовал и сам трагик, его произведения – своего рода отражение политической обстановки<sup>148</sup>, и каждая трагедия содержит рассуждения о серьёзных вещах, касающихся управления государством (*ejus fabulae imagines quaedam sunt ... rerum politicarum, ... unaquaelibet continet aliquas insignes disputationes de rebus magnis & gravibus, quae in gubernatione Rerumpublicarum incidunt*). «Антигона», конечно, не является исключением. Главный вопрос, который ставится в трагедии, Винсхейм формулирует вполне традиционно: является ли соблюдение религиозных обрядов и следование благочестивым помыслам более важным, чем запрет правителя? В пользу обеих сторон приводится множество аргументов: первую защищает Антигона, вторую – Исмена. Главная ошибка Креонта в том, что он не может принять правду, даже когда его увещевает его собственный сын: для тирана нет задачи важнее, чем сохранение своей власти. Предлог, казалось бы, благовидный, ведь правителям необходимо защищать и укреплять свою власть, но вот способы достижения этой цели весьма сомнительные: в финале трагедии тиран мечется в страданиях, потеряв сына и жену. Также в финале мы видим раскаяние Креонта и признание им своей неправоты (*confessio*), которое предостерегает от упрямства и суровости. Таким образом, в трагедии наглядно показана необходимость соблюдать справедливость, а также важность религиозных чувств и благочестия, т.е. она вполне соответствует мировоззрению Винсхейма как гуманиста и протестанта. Он считает «Антигону» лучшей из трагедий Софокла также с точки зрения

---

<sup>148</sup> Важность социально-политического контекста древнегреческой трагедии отмечают и современные исследователи. Постановка трагедий была событием государственной важности и посещалась практически всеми взрослыми гражданами (Гринцер, Н.П. Греческая трагедия как она есть // Софокл. Царь Эдип. Пер. с древнегреч. Григория Стариковского. – М.: Аграф, 2021. – С. 11-12).

художественной ценности, искусного использования риторических фигур и многочисленных сентенций.

Краткое содержание «Антигоны», написанное Камерарием, следует за предисловием переводчика и, помимо изложения сюжета, содержит некоторые интересные рассуждения и замечания. Так, решение Креонта издать запрет на предание тела Полиника земле может быть объяснено, по мнению Иоахима Камерария, двояко: или тиран возгордился обретенной властью, или же он таким образом хотел отомстить за Этеокла, ведь именно ему наследовал Креонт (...*sive quia nova potestate superbiret, sive quia receperat Eteocli*). Правитель меняет своё мнение и жалеет о своем бесчеловечном решении (*inhumanum consilium*), но уже слишком поздно. Креонту сопутствует эпитет *impotens* – «необузданный». Также Камерарий передаёт сведения, очевидно, взятые им из *argumentum* Аристофана Византийского, которое используется и многими другими переводчиками. Так, он сообщает о трагедии Еврипида на тот же сюжет, но со счастливым финалом, и излагает предание о том, что успех «Антигоны» повлиял на назначение Софокла начальником кампании против Самоса.

В предисловии к «Эдипу в Колоне» Иоахим Камерарий отмечает, что эта трагедия зависит от предыдущей (то есть «Антигоны», размещённой в издании ранее). Он упоминает, что в этой трагедии Софокл прославляет свою родину – Колон. Он также передаёт известную историю о том, как на престарелого Софокла подали в суд его сыновья, стремясь лишить его дееспособности и возможности управлять имением, но в суде трагик процитировал стихи из «Эдипа в Колоне» и сразу был освобождён от всех обвинений.

Поскольку Файт Винсхейм осуществляет свой перевод прежде всего для практической пользы, чтобы читатель мог совершенствоваться как в нравственном плане, так и в своих риторических навыках, логично предположить, что его издание ориентировано в первую очередь на учащихся.

## 2.5. Комментарий к переводу Жана Лалемана (Иоганна Лаламанция; Париж, 1557 г.).

Жан Лалеман (годы жизни: 1549–1578?) издал свой перевод семи трагедий Софокла в 1557 г. в Париже. Сведений о Лалемане мы имеем весьма мало. Известно, что работа с трагедиями Софокла – не единственный его переводческий опыт. В 1571 г. он опубликовал трактат Галена «*De inaequali intemperie*» с латинским переводом и предисловием. Такой интерес к трудам Галена вполне логичен, ведь также известно, что по основному роду деятельности Жан Лалеман был медиком.

В отличие от других изданий, издание Лалемана начинается не с письма-посвящения, а со стихотворного обращения к переводчику, написанного элегическим дистихом и служащего своего рода рекомендательным письмом: оно носит соответствующий подзаголовок – *in authoris commendationem*. Автор обращения, Жан Гвиллин Парисин (*Janus Guillinus Parisinus*), сообщает нам о родине Лалемана и его профессии, а заодно даёт историческую справку. Жан Лалеман родился во французском городе Отёне (Autunum), который теперь называется так, а раньше носил имя Augustudunum и являлся одним из центров эдуев – кельтского племени в бельгической Галлии. Главный город эдуев – Бибракта – также находился недалеко от Отёна. (*Augustudunum Celticis in Heduis / Florentissima quondam & praestantissima / Civitas, Autunum Gallis dicta hodie, / Antiquis olim Bibractis finitima*). Помимо того, что Отён обладает древней историей, он всегда был богат выдающимися и славными своими сочинениями деятелями, имена которых перечисляет Парисин: [*Autunum*] *Montolonos, Chaffanos, Quintinos, simul / Et Guillaudos, claros omnes scriptis, tulit*. Славен Отён и медиками, в ряды которых вступил Лалеман, не чуждый и филологическим штудиям: он перевёл Софокла на латынь так, что можно подумать, что сам Софокл заговорил по-латински: *Ne decesset suus & Medicis honos, / Doctus numerum explevit Lalamantius: / Graecum qui Sophoclem latinis versibus / Ita expressit, ipsum dicas ut Sophoclem / Latine loquutum*. Также переводчик придал ясность тёмным местам, чтобы читатель нигде не мог испытать затруднения: *Iam vero salebris / Graecae dictionis, obscurisque locis*

*/ Permultis tantum claritatis attulit, / Lector ut posthac nullibi haerere queat.* В финале стихотворения – снова похвала славному городу, породившему столько учёных юристов, богословов и медиков, и пожелания ему и дальше следовать по пути Фебова искусства.

Далее следует эпиграмма Лалемана, написанная в стиле Марциала и обращённая к некоему Мому (Momus) – типичное (наряду с Зоилом) для жанра сатиры имя недовольного читателя или критика. Изначально Мом был древнегреческим богом насмешки и осуждения, а Зоил – философом-киником, жившим в IV в. до н.э. и прославившимся своей критикой Гомера, но затем эти имена стали нарицательными и часто использовались писателями, чтобы отбиваться от нападков критиков<sup>149</sup>. Цель такой эпиграммы – заранее предупредить негодование критиков и ответить на их потенциальные замечания. После неё помещено стихотворное посвящение самому Лалеману (автор – Petrus Bonus). Петрус пишет, что среди многочисленных произведений учёных греческих мужей только писания «Софоклова котурна», т.е. трагедии Софокла, не были ещё переведены на латынь: *Inter multa adeo doctorum scripta virorum, / Quos multos florens Graecia prisca tulit / Sola Sophoclei restabant scripta coturni, / Quae nondum Latios induerant numeros.* Петрус рисует аллегорическую картину: никто не направлял паруса к учёным Афинам, пугаясь отмелей – Сирт – и морских скал, но Лалеман, знаток греческого красноречия, первый пускается на кораблях в неизведанное море. Он перевёл Софокла на латынь, таким образом, он использовал «латинские средства», чтобы прорваться сквозь отмели и скалы, и проложил доселе закрытый путь. Да так умело перевёл, что можно засомневаться в том, что трагедии изначально были написаны на другом языке (*Primus inexpertum conscendit classibus aequor / Lalmantus Graio nobilis eloquio / Graecaque Romana nondum donata loquela / transtulit, & Latias his cumulavit opes, / Quin illas Syrtes, atque illa immania saxa / Perrupit: clausum sic praeficit iter. / Reddidit is verbis apte ita Graeca Latinis, / Ut utro dubites sit prior eloquio*). Казалось бы, это стихотворение наводит на мысль о том,

---

<sup>149</sup> Russell W.M. *Inventing the Critic in Renaissance England*. University of Delaware Press, 2020. P.182.

что все прежние переводы трагедий были неизвестны ни окружению Лалемана, ни, вероятно, самому Лалеману. Однако, как уже было упомянуто, Адриан Милий, друг Георга Раталлера, придерживается совершенно другого мнения, обвиняя Лалемана в плагиате. И действительно, француз не мог не знать об издании Раталлера, ведь он совершенно открыто использует в «Антигоне» парод из его перевода, правда, пусть и в сокращённом виде, указывает автора. Стоит отметить, что и другие переводчики объясняют своё обращение к переводам Софокла тем, что он ещё не переведён и они первые берутся за эту работу, то есть не знают (или делают вид, что не знают) о трудах своих предшественников (см. главу II, раздел 2.6 – эпиграмму Иоганна Стурмия на ещё более поздний перевод Наогеорга, где автор удивляется, что ещё никто из итальянцев не перевёл Софокла, хотя на самом деле итальянец Джованни Габио как раз был первым, кто осуществил перевод всех семи сохранившихся трагедий).

Во вступительном письме патрону Петру Марсилию (*Petrus Marsilius Cipierrus*) Лалеман восхищается Софоклом, называя его поэтом божественного дарования и выдающейся учёности (*poeta divino ingenio exquisitaque doctrina*) и сетует на то, что, хотя он *non nescius* (букв. «не незнающий») и смог перевести трагика на латынь, всё равно найдутся люди, которые будут осуждать его: одни вообще скептически относятся к античной литературе и считают подражание грекам недостойным, другие не совсем её порицают, но полагают, что этот труд не стоит таких усилий и вообще далеко отстоит от сферы деятельности Лалемана, т.е. медицины (*hoc stadium plane vituperantibus his, quibus omnino graecari displicet, aliis non totum reprehendentibus, sed tantam in eo operam ponendam non arbitrantibus, & genus hoc studii a mea professione alienum esse judicantibus*кот. Поэтому переводчик позаботился о том, чтобы порицателям, если таковые будут, дать достойный ответ (*studiose feci, ut hic mihi reprehensoribus istiusmodi aliqua ex parte satisfaciendum putarem*) и приводит аргументы для каждой группы несогласных: тем, кто не одобряет подражание грекам, он напоминает, что именно им мы обязаны знанием всех наук и искусств, а римляне также брали во многом пример с греков и благодаря этому «выбрались из своего варварства и мрака незнания», получив таких

выдающихся деятелей, как, например, Цицерон, который передал по-латински то, что почерпнул из греческого источника (*at posthac auditis Graecis doctoribus cognitisque illorum litteris, Romani ex illa inculta barbarie & inscitiae tenebris emergere... Unus inventus est Cicero, qui... latinis litteris mandavit, quae de graeco fonte hauserat*). Но даже из всего обширного наследия Цицерона нельзя получить столько пользы, сколько есть в сочинениях древних греков. Поэтому тому, кто желает познать различные юридические тонкости, дух античности, тайны природы и мастерство врачевания, жизнь и обычаи, геометрию, арифметику, музыку, астрологию и т.д., лучше стоит, по мнению переводчика, знакомиться с трудами Платона, Аристотеля, Гиппократ и прочих древнегреческих деятелей, чем со скудными латинскими авторами, которые подражают им, словно обезьяны (*si legum ferendarum instituendarumque rationem, belli & pacis leges, foederum conditiones, legum & juris scientiam, antiquitatem omnem, naturae obscuritatem & huic finitimam artem medendi, si differendi subtilitatem, vitam & mores, si denique Geometriam, Arithmetica, Musicam, Astrologiam novisse desiderat, is de meo Consilio Platonem potius, Aristotelem, Hippocratem & ceteros ejusmodi primae notae authores consulat, quam jejunos & horum simias Latinos scriptores*).

Предпочитать латинских авторов греческим, как считает Лалеман, – всё равно что предпочитать чистейшим источникам мутную и грязную реку (*non video, cur potius quis sibi velut e turbido caenosoque rivo, quam ex illis limpidissimis fontibus aquam hauriendam putet*). Ещё один аргумент в пользу греков состоит в том, что именно греческий язык – язык Нового Завета, без его знания невозможно надлежащим образом понять и истолковать Священное Писание (... *ut jure fateamur sine ejus linguae peritia divinum scripturam neque commode satis intelligi, neque pro dignitate ullo modo posse tractari*). Аргументы в пользу превосходства греков над латинянами высказывают и многие другие переводчики, в частности, Джованни Габио и Томас Уотсон.

Затем Лалеман обращается к тем потенциальным порицателям, которые считают, что лучше бы он занялся чем-то более близким к медицине, а не прикладывал так много усилий, чтобы перевести Софокла. Он заявляет, что хотел



публично представить своего рода отчёт (*rationem publice reddere*) о проделанной на досуге работе и успехах в древних языках, с которыми он знаком с детства, а заодно испытать свои силы в переводе и узнать мнение учёных мужей о нём. Свои сочинения он называет «железными» (сравнивая себя с сатириком Луцилием), но всё же достойными ознакомления (*...meis scriptis, ferreis quidem (ut de Lucilio dictum est), attamen, ut arbitror, etiam legendis*). Ко всему прочему, переводом трагедий Софокла Лалеман занимался только в свободное от более серьёзных дел время, поэтому это ничуть не повредило его основной специальности. По этой же причине он надеется, что читатели со снисхождением отнесутся к его переводу: если он не сравнялся с «величием Софоклова котурна» (*si Sophoclei cothurni gravitatem non sum assecutus*), это не его собственный промах, а скорее вина обстоятельств: ведь у него есть более серьёзные занятия. «Оправдываться» перед читателями за то, что они не занимаются более важными трудами, стало у переводчиков почти традицией: Файт Винсхейм объясняет, что трагедии – не просто игра и рукоплескания, а весьма серьёзная вещь; Георг Раталлер тоже спешит предупредить читателей, что переводы делаются им не ради забавы; Томас Наогеорг же признаёт, что произведения античной литературы «безбожны», однако относится к переводу таких произведений как к форме «активного отдыха».

Несмотря на то что Лалеман занимался переводом в свободное время, он не отрицает, что приложил к нему немало усилий, и это могут благосклонно признать все, кто, отложив всякую неприязнь, ознакомится с его трудом. Те, кто когда-либо упражнялся в чтении самого Софокла, тоже должны оценить перевод по достоинству: во-первых, было сложно правильно понять «тернистые», «тайные» места оригинала; во-вторых, раскрыть смысл сентенций, используя при этом наиболее подходящие латинские слова (*Multum tamen me dedisse operam, primum ut verum germanumque sensum ex his spinosioribus & abstrusioribus locis elicere, deinde ut in sententiis, quas semel animo concepissem, explicandis, verbis latinis lectissimis & optimis uterer, illi fatebuntur ingenue, qui & nostra omni posita invidia legerint, & sese in Sophocle aliquando exercuerint*).

Ведь всякий, кто когда-либо читал Софокла в оригинале, знает, что довольно

часто у него, как и у всех трагиков, встречаются тёмные места и неясности, особенно в партиях хора (*quanta sit chori..., ut apud Tragicos omnes, obscuritas*). С торжественностью и величием (*majestas, gravitas*) Софокла также сложно сравниться. Но всё же Лалеман считает, что больше бы его осудили, если бы он не представил почтеннейшей публике труды Софокла, которого он называет украшением аттической сцены (*Atticae scenae decus*). И – самое главное – переводчик снова утверждает, что эти трагедии до сих пор ещё не переведены на латынь и не подобает, чтобы такой великий автор оставался непереверждённым. Произведения Софокла, помимо эстетического удовольствия, могут принести и практическую пользу, особенно тем, кто занимает – или будет занимать в будущем – какую-либо государственную должность. Читая трагедии, все мы можем взглянуть на себя со стороны, словно в зеркало (*velut in speculum contemplari*). Необходимо, чтобы человек благородного происхождения с самого детства понимал, что он не меньше, чем самый простой человек из народа, подвержен «стрелам фортуны», которая с одинаковым непостоянством вращает своё колесо для всех людей и является властительницей их дел (... *non minus esse, quam quivis de vulgi faece, fortune telis obnoxious, ipsamque rerum humanarum dominam fortunam humana Omnia eadem volubilitate rotare*). В конце письма Лалеман ещё раз выражает благодарность адресату, с которым его некогда свели *studia humanitatis* и которому он решил посвятить свои *lucubrationes* («труды ночных бдений»). В завершение он приводит цитату из речи Демосфена «За Ктесифонта о венке»: ἐξετάζειν καὶ μὴ συκοφαντεῖν («рассматривать и не клеветать», «тщательно разобраться»), призывая читателей именно так отнестись к его труду.

Каждую трагедию Лалеман предваряет предисловием. Предисловие к «Антигоне» открывается рассуждением о пустом суеверии древних, не позволявшем оставлять тела непогребёнными, иначе боги подземного царства будут оскорблены и души умерших будут блуждать много лет, прежде чем обрести покой (*vana veterum superstitio crediderit, & Divos inferos offendi, si mortuo negaretur sepultura, & eorum animos, qui humatione caruissent, multos annos errare & vagari prius, quam quiescerent*). Приводятся свидетельства об этом суеверии, взятые из

произведений античных авторов: слова Сибиллы о том, что Харон перевозит только погребённых (Verg. Aen. VI 322-330), а также строки из 28-ой оды первой книги од Горация, в которых душа погибшего моряка просит путника символически похоронить его тело, трижды бросив горсть праха (Hor. carm. I 28 23-25, 35-36). Таким образом, Лалеман объясняет настойчивое желание Антигоны похоронить тело Полиника тем, что она или руководствовалась этим суеверием, или не хотела, чтобы тело брата было растерзано собаками и хищными птицами и было осквернено (*Apparet autem Antigonom, quae tam obstinate operam dabat, ut ne insepultus jaceret frater, vel in ea fuisse opinione, vel timuisse ne, si frater laniaretur a canibus & praedaceis volucris, aliquid mali sentiret*). Лалеман опровергает эти доводы, приводя довольно экзотические аргументы. Так, он сообщает, что некоторые народы, напротив, не хоронили тело, пока его не растерзают собаки, поэтому, например, жители восточной области Гиркании кормили таким способом собак при любой возможности. И к тому же, страх Антигоны, что её брату будет плохо, если его растерзают собаки, лишён оснований: Полиник ведь уже мёртв и ничего не почувствует, а если и почувствует, то в таком случае было полезнее дать ему палку, которой он мог бы отбить хищников (здесь Лалеман ссылается на знаменитый анекдот из жизни Диогена Синопского<sup>150</sup>).

Таким образом, Лалеман, можно сказать, осуждает Антигону, хотя тут же оговаривается, что он никогда не стал бы порицать человека, желающего совершить погребение, если бы это можно было осуществить без затруднений; но как он может хвалить того, кто для этого готов даже нарушить закон, того, кто словно сам устремляется в расставленную врагом ловушку и его жестокие руки? (*Ego porro ut nunquam eum, qui hominis funus, si commode fieri possit, humo mandare studeat, vituperarim: ita nunquam eum laudare possim, qui hominis cadaver... spretis legibus sepelire contendat: sicut neque eum, qui ejus rei causa in hostium casses & violentas*

---

<sup>150</sup> Диоген попросил оставить его тело непогребённым, а на вопрос, не боится ли он, что его растерзают свирепые звери, ответил, что, если рядом с ним положат палку, он сможет отбиться ей от хищников. Когда же удивлённые друзья спросили его, как он почувствует, что звери начинают его терзать, Диоген справедливо заметил, что, раз уж он всё равно ничего не почувствует, то и звери ему никак не повредят. Этот анекдот передаёт Диоген Лаэртский.

*manus sese temere conjiciat*).

Один из главных уроков, которые нам может преподать эта трагедия, Лалеман формулирует так: *Magna est vis humanitatis, multumque valet communio sanguis* («Велика сила человеколюбия, и много значит общность крови»). Из этого не очень понятно окончательное отношение Лалемана к Антигоне: он всё-таки хвалит её, признавая, что ей руководила любовь к близким? Скорее, наоборот: действия Антигоны для него вызваны пустым суеверием, и он противопоставляет этому суеверному и упрямому поведению такое, которое основано на человеколюбии, которого, с точки зрения переводчика, не демонстрируют ни Антигона, ни – тем более – Креонт.

О Креонте Лалеман также рассуждает в предисловии, приводя несколько его реплик. Он заявляет, что человек познаётся тогда, когда получает власть, – и приводит в качестве аргумента как слова самого Креонта (ἀμήχανον δὲ παντὸς ἀνδρὸς ἐκμαθεῖν / ψυχὴν τε καὶ φρόνημα καὶ γνώμην, πρὶν ἂν / ἀρχαῖς τε καὶ νόμοισιν ἐντρίβῃς φανῇ; (Soph. Ant. 174-176) – «Я знаю: безрассудно полагать, / Что понял мысль и душу человека, / Покуда власти не отведal он»<sup>151</sup>), так и пословицу Ἀρχὴ τὸν ἄνδρα δείκνυσιν – «власть показывает человека» (*Eo spectat proverb. Αρχὴ τὸν ἄνδρα δείκνυσιν, magistratus virum arguit*). Переводчик приводит ещё одну пословицу: *quod libet, idem licet* – «что угодно, то и позволено», заявляя, что именно такая неограниченная власть показывает душу человека, в отличие от частной жизни, в которой врождённые качества человека и его нрав могут быть не так заметны (*Significat in vita privata hominis ingenium & mores non satis perspicere posse. Verum si committas imperium, ut quod libet idem & liceat, tum demum apparere quo quisque sit animo*). Ещё одну реплику Креонта (Soph. Ant. 665-667) – Ἄλλ' ὃν πόλις στήσειε τοῦδε χρὴ κλύειν / καὶ σμικρὰ καὶ δίκαια καὶ τὰναντία («Кого народ начальником поставил, / Того и волю исполняй – и в малом, / И в справедливом деле, и в ином»<sup>152</sup> – Лалеман комментирует следующим образом: *Vox tyrannis haec est, non principis* («Это голос тирана, не государя»).

---

<sup>151</sup> Пер. Ф.Ф. Зелинского.

<sup>152</sup> Пер. Ф.Ф. Зелинского.

Лалеман обращает внимание и на хор. Он цитирует слова Антигоны (Soph. Ant. 509) ὁρῶσι χοῦτοί, σοὶ δ' ὑπὶλλουσιν στόμα: «видят и они [старцы], но зажимают (букв. «запечатывают») себе рты», и переводит эту строку так: *vident & hi: at os tibi sublinunt*. Употребляя глагол *sublino* («подмазывать», «окрашивать»), он подбирает точный эквивалент для первого значения глагола ὑπὶλλω («замазывать», «запечатывать», «рисовать», *перен.* «зажимать [себе рот]») и объясняет, что выражение *os sublinere* «взято из некоего рода театральных представлений, в котором уста у спящих или насмехающихся раскрашивались или сажей, или чёрной краской» (*sumptum a quodam lusus genere, quo dormietibus aut etiam ludentibus ora aut fulugine, aut atramento foedantur*). Поэтому приведённая выше реплика Антигоны, по мнению Лалемана, показывает, что хор либо некоторым образом насмехается над происходящим, либо (что более вероятно) проявляет внешнее равнодушие – «спит», вместо того чтобы выразить своё мнение (*Os sublinere pro dare verba & arte quadam illudere, seu etiam irridere & subsannare usurpant*).

Также объясняя фразеологизм ἐπὶ ξυροῦ ἀκμῆς («на острие бритвы», Soph. Ant. 996), который употребляет Тиресий, предостерегая Креонта: Лалеман пишет, что «быть на острие бритвы» означает «быть в большой опасности» (*Nam ἐπὶ ξυροῦ ἀκμῆς Graeci dicunt, id est, in acie novaculae, pro eo, quod est, in summo discrimine*) и это выражение встречается уже у Гомера, в доказательство чего приводится цитата из десятой песни Илиады (Hom. II. X 173), где Нестор говорит, что ахейцы находятся на острие бритвы: им суждена или гибель, или жизнь.

В предисловии к «Царю Эдипу» Лалеман подробно излагает миф об Эдипе, затем утверждает, что Софокл на примере Эдипа хочет показать, что цари и даже герои и их дети так же подвержены случайностям судьбы, как и все остальные (*Sub Oedipi regis filii nomine poeta reges etiam heroasque, & regum heroumque liberos, fortunae temeritati vult ostendere esse obnoxios*). Судьба без всякого различия изнуряет и преследует и сильных, и слабых (*Fortuna... nullo discrimine potentes juxta ac tenues exercet & exagitat*).

В предисловии к «Эдипу в Колоне» Лалеман приводит фрагмент из сочинения Цицерона *De finibus bonorum et malorum* («О пределах добра и зла»), в котором

упоминается эта трагедия: Пизон утверждает, что, когда человек оказывается в месте, где бывали достойные люди, это приводит его в сильное волнение. Квинт соглашается с ним, говоря, что, посетив Колон, он всё время видел перед глазами Софокла и Эдипа. Для Лалемана важно указать связь трагедий Софокла с другими произведениями античной литературы.

Таким образом, Лалеман сопровождает свои переводы довольно детальным анализом. Именно этой склонностью к детализации и перфекционизму и желанием передать наиболее точно все особенности оригинального текста можно объяснить тот факт, что переводчик существенно увеличивает количество строк, удлиняя реплики героев почти вдвое.

## **2.6. Комментарий к переводу Томаса Наогеорга (Томаса Кирхмейера; Базель, 1558 г.).**

Томас Наогеорг (Томас Кирхмейер, годы жизни: 1508-1563) издал перевод семи трагедий Софокла в Базеле в 1558 г. Он получил отличное гуманистическое образование в Тюбингине и, как и Файт Винсхейм, был ярким приверженцем Реформации, вёл бурную полемику против папства. Писал новолатинские драмы, в основном на библейские сюжеты («*Mercator seu iudicium*», «*Incendia seu Pyrgopolinices*», «*Hamanus*», «*Hieremias*», «*Iudas Iscariotes*»). Также написал книгу стихотворений «*Carmen de bello Germanico*» и пять книг сатир<sup>153</sup>. Наогеорг – первый немец, который перевёл трагедии Софокла стихами, в отличие от своего соотечественника, Файта Винсхейма. Он был известен прежде всего как новолатинский драматург и автор теологических трактатов, а его работа над переводом трагедий Софокла рассчитана на учёных, которые знают греческий и хотели бы прочитать латинскую версию или на тех, кто не знает греческий и потому хочет ознакомиться с содержанием трагедий на латыни<sup>154</sup>.

---

<sup>153</sup> Theobald L. Thomas Naogeorgus, der Tendenzdramatiker der Reformationzeit // *Neue kirliche Zeitschrift*, №17, 1905. P. 410.

<sup>154</sup> Bastin-Hammou M., Di Martino G., Dudouyt C., ed. *Translating Ancient Greek Drama in Early Modern Europe: Theory and Practice (15th–16th Centuries)*. Trends in Classics – Pathways of Reception. Vol. 5. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2023. P. 130.

Издание, как обычно, открывает *epistola nuncupatoria*. Письмо обращено к патрону Иоанну Якобу Фуггеру (*Ioannes Iacobus Fuggerus, dominus Vissenhorni ac Kirchpergae, consiliarius caesareus ac regius*). Как и Георг Раталлер, Наогеорг упоминает в своём письме о том, что работа над переводом заняла у него несколько лет: он сообщает, что тремя годами ранее перевёл на латынь «Аякса» и «Филоктета». После этого некие учёные и оказывающие покровительство гуманитарным штудиям мужи настоятельно требовали, чтобы Наогеорг перевёл и остальные пять сохранившихся трагедий Софокла, поскольку чтение в оригинале доступно гораздо меньшему числу людей, чем чтение на латыни (*Graeca non admodum sunt cognita et expedita*). Переводчик считает, что труды древних авторов – это нечто *profanum* («безбожное»). Но, как он сообщает, во время работы над переводом он, подобно Горацию, страдал бессонницей и намеренно избрал для работы над переводом «безбожное» произведение, несмотря на то что ему больше пристали религиозные сочинения. Он пишет, что хотел дать своей душе отдохнуть (причём это будет не ленивый, а продуктивный отдых) и «попасться», а также отвлечься от военных столкновений, происходящих в мире (...*cum (juxta Horatium) dormire non possem, non libuit tamen hoc tempore res calamo tractare Theologicas (quantumvis meae functioni potius quam profanae ac ethicae convenirent...), ut quam longissime possem, a contentionibus & rixis, quibus hoc saeculum subinde fervet... me subducerem. Judicavi... huic profano opera aliquot menses dare, ut vel hoc interea labore animus inquires pasceret, nec ignavo sese otio manciparet*). Также Наогеорг тщательно отредактировал ранее сделанные переводы «Аякса» и «Филоктета».

Он отмечает, что перевод трагедий – работа не из лёгких и также заявляет, что до этого никто не предпринимал подобных попыток. Таким образом, Наогеорг не знает ни об одном из пяти предшествующих переводов. Он доволен проделанной работой: конечно, судить о её качестве лучше со стороны, но он сделал всё, что было в его силах, и работал добросовестно и со старанием (*fide ac diligentia*), чтобы подобрать наиболее соответствующие греческим латинские слова, насколько это позволяют сам язык и стихосложение. Как и у многих других переводчиков, наибольшие сложности Наогеорг испытывал при переводе хоровых партий из-за

некоторой неясности и «тёмных мест»; гуманист считает, что такие проблемы возникают потому, что разночтения в рукописях и различные греческие схолии, которые обычно использовались при чтении Софокла, в этих местах дают разные толкования, что рождает некую двусмысленность: переводчик не знает, какой версии лучше следовать (*Quamquam hercle fieri potest, ut non ubique sensum Poetae sim assecutus, propter locorum quorundam, praesertim in Choris, affectatam obscuritatem: id tamen in iis factum solis puto, in quibus ne scholia quidem Graeca, quibus usi sumus, suffragantur, certumque indicant sensum, sed variis interpretationibus ambiguum faciunt quid sit sequendum*).

Далее Наогеорг довольно подробно рассуждает о метрике (лат. оригинал см. в приложении 1, с. 171). Основным размером, который он использует в нехоровых частях, является ямбический триметр. Переводчик объясняет, каким образом могут заполняться стопы каждого стиха: первая и третья стопы могут быть двусложными и трёхсложными и могут быть представлены дактилем, трибрахией, анапестом, спондеем и ямбом, четвёртая стопа – дактилем, спондеем или ямбом. Чётные стопы могут быть представлены только ямбом или трибрахией, кроме последней, шестой, в которой можно использовать только дактиль или пиррихий. В хоровых же партиях используются диметры: ямбические, трохеические или анапестические. Эти размеры переводчик использует по всем законам стихосложения, принятым в античной поэзии, однако в анапестическом диметре он иногда делает чётные стопы дактилическими (в то время как обычно они заполняются анапестом, спондеем или пиррихией). Таким «модифицированным» размером он пользуется только в «Аяксе» и «Филоктете». Эти сведения переводчик даёт специально для тех, кто захочет особенно подробно рассмотреть и исследовать метрику.

Затем Наогеорг перечисляет основные достоинства Софокла: учёность, красноречие, торжественность, композиционную стройность его произведений (неподражаемое умение создавать правильное расположение и порядок), искусное использование риторических фигур и сентенций.

После пространного вступительного письма следуют стихотворения, посвящённые Томасу. Автор первого из них – Якоб Схеггий (Iacobus Scheggius),



доктор медицины и философии. Поэт перечисляет все несчастья, которым могут подвергнуться люди и заявляет: трагедия показывает, что всё тщетно перед играми Фортуны.

Далее находим остроумную эпиграмму Иоанна Стурмия (*Ioannes Sturmius*). Стурмий удивляется тому, что никто из итальянцев – прямых наследников латинского языка – ещё не перевёл трагедии Софокла, в то время как немец Наогеорг смог перевести. То есть эпиграмма показывает, что Иоганн Стурмий, как и сам переводчик, не был осведомлён об издании переводов Софокла на латынь, выполненных итальянцем Джованни Габио и опубликованных ещё в 1543 г. (текст и перевод эпиграммы см. в приложении 2, с. 171).

*Argumenta*, т.е. краткие содержание трагедий, Наогеорг в большинстве случаев использует такие же, как и другие переводчики, т.е. переведённые с греческого. Иногда автор краткого содержания указан (например, для трагедии «Царь Эдип» взято *argumentum* Аристофана Византийского – *ex Aristophane* – как и во многих других изданиях), иногда просто указывается, что это перевод с греческого (*argumentum... Thoma Naogeorgo interprete*) – для трагедий «Аякс-биченосец», «Эдип в Колоне», «Трахинянки», «Филоктет». Однако перед «Электрой» и «Антигоной» Наогеорг помещает собственные *argumenta* в стихотворной форме.

*Argumentum Antigones* содержит довольно чёткое изложение сюжета. Креонт запрещает хоронить Полиника, поскольку тот принёс родине нечестивую войну (*patriae / quod intulisset bellum impium suae*). Антигона же, напротив, упорно стремится его похоронить. Когда жестокость Креонта приводит к неминуемым последствиям, он изменяет своё мнение, но слишком поздно (*mutat animi sero nimis sententiam*). В финале Креонт раскаивается в содеянном: он издаёт тяжкие и жалобные стоны и оплакивает покончивших с собой жену и сына (*Tandem Creon graves querelas intonat / Multumque plorat conjugem atque filium*).

Перевод Томаса Наогеорга свидетельствует о серьёзной филологической подготовке переводчика: из комментариев мы видим, что его, как и Георга Раталлера, волнуют вопросы метрики. Также гуманист прямо указывает цель, с

которой он приступает к переводу: дать возможность людям, которые не так хорошо знают древнегреческий, как латынь, ознакомиться с произведениями Софокла.

## 2.7. Комментарий к переводу Георга Раталлера (Антверпен, 1576 г.)

С течением времени издания трагедий Софокла обрастают всё большим количеством сопроводительных текстов. Это можно видеть на примере изданий латинских переводов Раталлера, Лалемана, Наогеорга и Уотсона.

Труды голландского гуманиста Георга Раталлера (годы жизни: 1528-1581) были опубликованы в два этапа: сначала в 1550 г. в Лионе был опубликован перевод только трёх трагедий Софокла («Аякс-биченосец», «Антигона» и «Электра»), затем – уже всех семи трагедий в 1576 г. в Антверпене (переиздание этой второй редакции было осуществлено там же в 1584 г.).

Георг Раталлер был юристом, филологом и переводчиком. Он получил разностороннее образование, обучаясь сначала в своём родном городе Леувардене, затем – в Утрехте у знаменитого голландского гуманиста Георгия Макропедиуса, наконец во Львове (в 1548 г.) и в Бурже (в 1549 г.). Раталлер занимался и общественно-политической деятельностью: он был посланником Маргариты Пармской в Дании, а в 1569 г. стал президентом городского совета в Утрехте<sup>155</sup>.

Помимо трагедий Софокла, Раталлер перевёл с древнегреческого на латинский язык также поэму Гесиода «Труды и дни» (1546 г.) и три трагедии Еврипида – «Финикиянки», «Ипполит увенчанный», «Андромаха»; перевод включал фрагменты древнегреческой поэзии, сохранившиеся в антологии Стобея, и был напечатан в 1581 г.<sup>156</sup> Все эти переводы также являются стихотворными.

Издание открывает, как обычно, письмо-посвящение к покровителю, Фредерику Перенотту (*Frederico Perenotto, domino a Champagney Sancto Lupo*). Раталлер рассказывает о том, что и Фредерик, и его брат, также покровительствующий искусствам, постоянно увещевали его издать переводы

---

<sup>155</sup> Jacoby, Daniel, "Rataller, Georg" in: Allgemeine Deutsche Biographie 27 (1888), S. 339. Эл. ресурс: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd135635349.html#adbcontent>

<sup>156</sup> Там же.

Софокла, которые он сделал ещё 17 лет тому назад (*...ut... Sophoclis Tragoedias, quas annis ab hinc XVII & amplius, Latio donatas penes me habui, in apertum proferrem*). Почему же он их не издавал? В качестве ответа на этот вопрос Раталлер, уверенный, что его перевод неизбежно будет уступать оригиналу Софокла, цитирует слова Гекубы из одноимённой трагедии Еврипида (Нес. 294-296): *apud Euripidem Ulyssi Hecuba ait, ἐξ ἀδοξούντων ἴοντα λόγον, καὶ τῶν δοκούντων, αὐτὸν οὐκ ταὐτὸν σθένειν* («Из царских уст или из уст безвестных// Одна и та ж звучит различно речь...»<sup>157</sup>). Переводчик признаётся, что перед величием Софокла его охватывал *pudor* (стыд), а точнее, *δυσωπία quaedam* (некое «смущение», «робость»). Но, продолжает он, поскольку в его власти было не дать своему труду «погибнуть от гнили и червей» и позволить ему увидеть свет, он всё же решился издать свои переводы. Однако Раталлера охватывало не только смущение при мысли о том, что он, ничем не примечательный человек, взялся переводить великого Софокла; он также боялся, как бы трагедии, по его незнанию, не были испорчены, унижены или упрощены в результате его работы (*ne inscio me... vulgarentur*). Поэтому сначала он послал несколько собственноручно переписанных экземпляров перевода близким друзьям. *Maluissem... suppresso meo nomine in vulgus exire*, – продолжает Георг («Я предпочёл бы, чтобы книга вышла в народ без упоминания моего имени»). Говоря об этом, он вспоминает художника Апеллеса, который, по преданию, скрывался за собственной картиной, чтобы узнать честные мнения зрителей о ней. Тем не менее, Раталлер всё же решился опубликовать свои труды: как новые переводы трагедий Софокла, так и старые, отредактированные и улучшенные (*ultimam manum addidi, ut mundiore ac politiore paulum habitu... apparent*).

Некоторые, конечно, подумают, пишет Раталлер, что переводы были сделаны им для забавы и ему следовало бы переводить гораздо более серьёзные вещи. На такие возможные упрёки он спешит ответить, что занялся переводом Софокла не ради игры и забавы и не для того, чтобы развлекать читателей или зрителей в театре. Напротив, трагедии – весьма серьёзные произведения, чтение которых может

---

<sup>157</sup> Перевод И.Ф. Анненского.

принести немало пользы: они могут представить перед глазами образы дел и событий (*rerum imagines nobis ob oculos proponere*), а также наставлять властителей и царей, как следует или не следует себя вести: *ad Remp. bene gubernandam... vix alibi de gubernanda bene Rep. ... tam dextre tamque apte mutua communicatione atque συζητήσει explanantur*. Ведь если бы сильные мира сего сделали надлежащие выводы после чтения трагедий и не повторяли ошибок мифологических царей, то человечеству жилось бы гораздо лучше. Трагедия показывает, что хорошие люди остаются при своей добродетели, а нечестивцы наказываются и платят за свои преступления (*boni praemia virtutis suae manent, improbi poenas flagitiorum tandem luunt*). Как и комедия, трагедия предлагает нам правдивые изображения, подобие общественной жизни людей (*simulacra... communem hominum vitam repraesentantia*), но трагедия касается гораздо более возвышенных вещей: падение царей, непредсказуемость судьбы. Читая её, мы видим слабости человеческие, словно в зеркале (*imbecillitas rerum humanarum tanquam in speculo oculis subjiciuntur*).

Раталлер мечтает об идеальном гуманистическом обществе, где каждый был бы доволен своим положением и приносил свою пользу. Он ссылается на платоновскую *ἡ γεωμετρικὴ ἀναλογία* («геометрическая пропорция», идеальное соотношение вещей), которую сам философ неоднократно называл даром богов.

Переводчик рассуждает о непредсказуемости и перипетиях судьбы, используя примеры из мифологии: людей, дерзнувших подняться слишком высоко и взять на себя бремя Атланта, часто ожидает падение. Причём оно может быть губительным не только для самого человека (как падение Икара), но и для большого количества людей и даже целого государства (как падение Фаятона): *alii tamen poenas luunt, & Icari in morem diffluentibus Solis ardore cereis alis praecipites ex alto ruunt; alii, quorum perniciēs etiam in proximos reundat, Phaetontis exemplo, se, & totas Respub. concutiunt atque subvertunt*. Такое падение, по мнению Раталлера, – результат незаслуженных и неумеренных почестей, оказываемых тем, в чьих руках сосредоточена власть, а также жажды наживы. В результате души «полностью разграбляются» (*ἄρυσθαι καὶ φέρεσθαι* – устойчивое выражение, встречающееся, в частности, у Еврипида). Недаром в сохранившемся у Стобея фрагменте комедии

Аристофана о Плутосе – боге богатства – говорится так: *Καθάπερ ἰατρός καθὼς / Τυφλοῦς, βλέποντας παραλαβὼν, πάντα ποιεῖ* («словно плохой врач, принимая зрячих, делает их всех слепыми»). Эту цитату Раталлер приводит не случайно: как уже было сказано, он занимался переводом Антологии Стобея. Вероятно, многие переводчики располагали подобным арсеналом подходящих для аргументации своего мнения сентенций из переведённых произведений.

Итак, Раталлер представляет пользу трагедий в моралистическом контексте: они призывают не повторять «плохих» поступков, а вдохновляться «хорошими», изобилуя наглядными (*δεικτικῶς illustrata*) примерами, которые крепко «заседают» в сознании и оказывают даже больший эффект, чем те, с которыми мы встречаемся в реальной жизни. Кто сможет не устрашиться и не измениться, читая о несчастьях Эдипа? Как и Файт Винсхейм, Раталлер отмечает, что за гнусными преступлениями следуют схожие с ними наказания.

Переводчик отмечает, что многие выдающиеся люди Античности восхищались дарованием Софокла: Цицерон причислял его к философам и учёным; также его весьма хвалили Дион, тиран Сицилии Дионисий, Гай Юлий Цезарь, Октавиан Август и многие другие. Но и современность богата талантливыми и образованными людьми: Раталлер упоминает Николала Эверарди (Nicolaus Everardi) и нескольких его сыновей, а также адресата письма (Фредерика Перенотта) и его брата и надеется, что покровители оценят его перевод в свободное от государственных и общественных дел время (поскольку Перенотта Марс постоянно пытается вырвать из объятий Муз, как аллегорически рассуждает Раталлер, выражая при этом надежду, что свирепый бог войны не полностью завладеет его покровителем и он всё же иногда сможет возвращаться в сады Муз). Именно мнение образованных людей, покровительствующих наукам и культурам, важно для переводчика: даже если они будут упрекать его в чём-то, такой упрек будет для него честью, поскольку они «упражнялись в подобной палестре» (*in simili palaestra exercuere*), т.е. тоже изучали древние языки. А адресат письма был знаком также и с ранее выполненными Раталлером переводами трагедий Софокла, ещё «сырыми» и недостаточно отделанными (*non satis polite limatis*). Это первое

издание сам переводчик считает «незрелым» (*editio praematura*), но благодарит покровителя за то, что уже о тех, первых переводах он придерживался весьма лестного мнения. Подводя итог, Раталлер ещё раз извиняется за столько долгую задержку публикации, объясняя её не чем иным, как застенчивостью (*verecundia*).

Отдельное внимание Раталлер уделяет метру – в заметке *De ratione versuum ad lectorem* (оригинальный текст заметки приведён в приложении 3, с. 172). В этом комментарии переводчик сообщает о том, что сохранил размер подлинника в нехоровых частях трагедий, написанных преимущественно ямбическим триметром (но и в тех немногих случаях, когда используются другие размеры, – трохеический тетраметр и гекзаметр – перевод эквиметрический). А в партиях хора, как отмечает Раталлер, используются многообразные размеры, не всегда точно известные и «не употребительные у латинян», поэтому он предпочёл переводить их размерами, более характерными для римской литературы. И действительно, уже в пародии мы видим сапфическую строфу. Причём Раталлер добросовестно отмечает составляющие сапфической строфы – сапфические одиннадцатисложники и адоний: *Hendecasyll. Sapphi. Intermixtis Adoniis*. Но чем дальше, тем больше Раталлер стремится приблизиться к размеру подлинника; перед партией, представляющей собой гимн Вакху, он отмечает: *varie mixtus, eodem pene carm. genere, quo est usus Sophocles* («разнообразные размеры, те же, которые использовал Софокл»). Далее также следуют заметки: «*anapest., ut in Graeco*», «*varie mixti*» и т.д. («как в греческом оригинале», «разнообразные чередующиеся размеры»).

Также в этой заметке, обращённой к читателю, переводчик рекомендует всем, кто хочет узнать подробнее о метрике вообще и, в частности, о размерах, используемых Софоклом в партиях хора, обратиться к схолиям Димитрия Триклиния (греческого филолога XIII-XIV вв.)<sup>158</sup>.

В издании присутствует ещё одно письмо-посвящение – на этот раз уже обращённое к читателю, написанное неким Адрианом Милием (*Adriani Mylii senatoris regii apud Hollandos ad lectorem epistola*) и больше связанное с историей

---

<sup>158</sup> Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. Л., 1976. С.71.

создания и публикации переводов Раталлера, а также некоторыми возникшими вследствие этого проблемами. Адриан ещё раз сообщает, что переводы были сделаны уже давно, около 19 лет назад, но переводчик не решался их публиковать из-за скромности. Даже те три перевода, которые были изданы в 1550 г. в Лионе («Аякс-биченосец», «Антигона» и «Электра»), удалось напечатать только потому, что их удалось случайно заполучить нескольким друзьям Раталлера (вероятно, это были как раз те рукописи, которые Георг дал им для ознакомления). Образованная публика была так впечатлена этими тремя переводами, что просила ещё, но переводчик не издавал свои остальные работы, что, по мнению Адриана и его круга, – просто преступление (*nefas*) – прятать готовые переводы всех трагедий Софокла! Автор письма объясняет это уже не раз упомянутой скромностью Раталлера, который вообще считал свои труды почти ничего не стоящими.

Но причины, побуждавшие Адриана всячески уговаривать переводчика, не только и не столько в том, что тот был талантливым человеком и к тому же его другом; Милий также боялся, как бы кто-то другой не опередил Раталлера и не издал Софокла раньше: тогда читатели могли бы подумать, что Георг переводил «по чужим следам», опираясь на уже готовый вариант, что гораздо легче: ведь никто, кроме близких друзей, не будет знать, что перевод был готов уже давно (... *ne si forte in aliam editionem incideris, nostrum interpretem illius vestigiis instituisse arbitreris*). Но получилось даже хуже: Жан Лалеман, опубликовавший Софокла в 1557 г., воспользовался переводом Раталлера. По крайней мере, так утверждает Адриан Милий, по сути, обвиняя Лалемана в плагиате, что вполне правдоподобно, ведь часть переводов Раталлера (в частности, его версия «Антигоны») была издана ещё в 1550 г. И речь идёт даже не о копировании отдельных строк: автор письма утверждает, что Лалеман перенёс в свой перевод целые страницы, заимствованные у Раталлера, причём без упоминания его имени (единственное место, где оно упомянуто, и то в сокращённом виде – это парод, полностью скопированный из перевода Раталлера: *hic multos verus, & paginas interdum integras ex tribus illis Tragoediis a nostro interprete versis, & ante annos, ut dixi, XIX editis, in suam versionem transtulit absque illius mentione, nisi quod in primo Antigones Choro, quem totum*

*transcripsit, nomen ejus dimidiato expressum ad Chorum annotavit.* Действительно, в перевод Лалемана полностью перенесён парод из труда Раталлера, однако он даёт и свой вариант парода: сначала он приводит свою версию, затем – версию Раталлера, в которой используется сапфическая строфа, и отмечает: *Eadem Saphic.* («то же – сапфической строфой»), а рядом помещает упоминание имени переводчика, действительно сокращённое и незаметное: *Rotal.*<sup>159</sup>.

Поэтому Адриан Милий предостерегает читателя: Лалеман многое заимствовал из переводов Раталлера, опубликованных в 1550 г., Раталлер же никак не использовал переводы Лалемана. Так что решение, кто же из переводчиков справился со своей задачей лучше и добросовестнее, Адриан оставляет на совести читателя (вопросу о том, можно ли назвать сочинения Лалемана плагиатом, посвящён раздел 1 главы III).

Милий обвиняет Лалемана и в том, что тот не совсем строго соблюдал законы стихосложения, оправдываясь тем, что берёт пример с Эразма, достаточно свободно обошедшегося с некоторыми размерами при переводе трагедий Еврипида. Тем не менее, Раталлер, по мнению Адриана, поступил правильнее: не всегда следовал размеру оригинала (ср. уже упомянутый выше парод, переведённый сапфической строфой), зато, выбрав определённый размер, следовал законам стихосложения неукоснительно. Завершает своё послание Адриан Милий похвалами Раталлеру, говоря, что если он не превзошёл выдающихся мужей современности, то по крайней мере сравнился с ними.

В отличие от вышеупомянутых изданий, издания переводов Раталлера и его последователей (Жана Лалемана, Томаса Наогеорга, Томаса Уотсона) содержат также различные стихотворные посвящения переводчику или читателю. В данном случае их даже несколько. Автором первого является некий Герарт Фалькенбургский (*Gerartus Falkenburgius Noviomagus*). Это стихотворение «О Георге Раталлере и его переводе Софокла» (*«De dn. Georgio Rtallero & Sophoclea ipsius versione»*). Оно написано на древнегреческом элегическим дистихом. Автор

---

<sup>159</sup> Латинское имя Георга Раталлера встречается в двух вариантах: *Georgius Rotallerus* и *Georgius Ratallerus*. Первый вариант находим в издании 1650 г., второй – в изданиях 1570, 1576 и 1584 гг.



рисует аллегорическую картину: сначала Евфросина обучила Раталлера читать, писать и быть добродетельным (Прῶτα Ῥαταλλῆρον τὰ γράμματα καλὰ δίδαξεν / Εὐφροσύνη, κ'ἀρετῆς ἡγεμόνευσε τρίβον); Фемида ещё мальчиком привела его в сад Эвномии, богини благозакония (παιδνὸν... ἡ Θέμις εἰς κήπους ἤγαγεν Εὐνομίας); теперь он уже образованный муж и служитель муз: перевёл Софокла, чьи труды полезны и для юношей, и для стариков (νέοισι γὰρ ἡδὲ γέρουσι / Πολλὰ Σοφοκλεῖη χρήσιμα βιβλος ἔχει). Заканчивается стихотворение так: «Напрасно кукарекаешь, зависть...его [Раталлера] спасут Фемида, Эвномия, Музы и Евфросина» – Μὰψ, Φθόνε, κοκκύζεις σαυτοῦ φθόρε· τὸνδε σαώσει ἡ Θέμις, Εὐνομίη, Μοῦσαι, Εὐφροσύνη. В стихотворении использовано много «гомеровских» форм и выражений (εὖ καὶ ἐπισταμένως, ἧρα φέρων, σαώσει и др.), а также встречающееся у Еврипида выражение τὰς Χάριτας Μοῦσαις συνκατανίγνυμι – «соединять, смешивать Харит с Музами».

Далее идёт ещё одно стихотворение, написанное также элегическим дистихом, но уже по-латински – «Письмо, в котором Георг Раталлер побуждается к изданию своих переводов Софокла, написанное 1 августа 1549г.» («Epistola, qua Georgium Ratallerum ad Sophoclis sui editionem adhortatur. Kal. August. M.D.XLIX»). Автор, Стефан Стратий (Stephanus Stratius Jur. Cons. Antverpianus), сообщает, что благодаря переводчику и безумство Аякса, и несчастный Креонт облачились в тогу потомков Ромула (*Ajacis furias, infelicemque Creonta / Dignum perpetua laude Sophoclis opus, / Jam tuus iste labor, Tragicaeque peritia Musae, / Romulidum jussit ferre patique togam*), хотя обыкновенно им приличествует носить паллии (греческие плащи). И, облачённая в непривычное для неё платье, трагедия всё же превратилась из «иностранки» в «свою» (*Et peregrine velut restituisse sua*). Все были до того восхищены первыми переводами Раталлера, пишет Стефан, что мнения разошлись: кто более достоин похвалы: *auctor* или *interpres* (творец или переводчик)? Стихотворение включает в себя отсылки на сюжеты трагедий (тоже что-то вроде краткого содержания; Антигоне сопутствует эпитет *pia* – «благочестивая», Креонт же *praeseps in sua fata* – стремглав несётся в пучину рока) и всяческие похвалы переводчику: «твое произведение не пропадает в тени, ты (твои труды) не будешь

гнить и насыщать червей» (*Nec tamen in tenebris optat tua scripta perire Invidus aut tineas exsaturare putres*). Стефан Стратий интересно толкует сам феномен перевода: появляется две версии произведения, а, следовательно, и несчастья, обрушивающиеся на героев, также удваиваются (Аякс дважды впадает в неистовство и т.д. – одного раза недостаточно для наказания по заслугам), производя ещё более действенное впечатление (*Et merito, quod enim semel insaniverit Ajax, / Non satis eemplo Iuppiter esse putat*). Креонт поступил неблагочестиво, когда пренебрёг священным похоронным обрядом, поэтому и ему предстоит раскаяться дважды: один раз – в оригинале Софокла, другой – в латинской версии Раталлера.

Следующее стихотворение – «На две трагедии Софокла, «Аякс-биченосец» и «Антигона», переведённые Георгом Раталлером» («*In duas Sophoclis tragoedias, Ajacem Flagelliferum, et Antigonena Georgio Ratallero Phrysio versas*»), автором его является Корнелий Скрибоний (*Cornelius Scribonius*). Стихотворение начинается с обращения к родным Аякса, его брату Тевкру и возлюбленной Текмессе: Корнелий призывает их утешиться, поскольку Аякс «воскрес» и его ум прояснился: *vester ille Ajax (nece / Procul) revixit, mentis ex insania/ Rursum receptis sensibus*. Креонта он также призывает прекратить горевать, потому что его жена Эвридика и племянница Антигона, погибшие по его неразумному произволу, «кормятся даром новой жизни»: *...cum tuo illo filio / Ejusque sponsa nobili / Stulta tua tyrannide extincti, novae / Vitae fruuntur munere*. Скрибоний, конечно же, таким образом намекает на переиздание выполненных Раталлером переводов «Аякса-биченосца» и «Антигоны». Он даже сравнивает Раталлера с Орфеем. Снова присутствует мотив «переодевания» трагедии: её героини вместо паллиев – греческих плащей – благодаря переводчику одеваются в тоги, а также начинают говорить по-латински, причём так, как будто их с пелёнок воспитывали в Риме и их родители были римлянами – *Quique antea sermone sunt usi Attico / Grajis nitentes palliis, / Nunc illius beneficio Urbis Romuli / Cives, eunt clari in togis, / Perinde Romanis loquentes vocibus, / Ac si illa in urbe a fasciis / Sive educati, sive prognati fient / Latiis utrinque parentibus*.

В этих стихотворениях мы наблюдаем необычное, аллегорическое отношение к переводу: благодаря ему героини получают новую жизнь, но вместе с ней – и новую

порцию мучений. Они одеваются в римское платье и начинают говорить по-латински. Герои трагедий, таким образом, воспринимаются как вневременные фигуры, а неолатинские произведения гуманистов становятся в один ряд с античными, сохраняя и развивая их традиции. Действительно, многие гуманисты, создавая сочинения на латинском языке, восстановленном по классическим образцам, мыслили свои творения продолжением римской литературы<sup>160</sup>.

Далее следует посвящение самого Раталлера читателю – «*Ad candidum lectorem*» (написано элегическим дистихом). Чтение, пишет переводчик, помогает отложить гнетущие заботы (*urgentis ponere curas*). Он просит не судить строго свой труд, не принимать его с суровым лицом, не хмурить лоб, в общем, принять со снисхождением написанное им, каким бы оно ни было (*Excipe non duro juvenitia carmina vultu; ...placidam neque contrahe frontem, / Scriptasque cum venia qualiacumque lege*). И в третий раз мы встречаемся с мотивом «переодевания» трагедии: переводчик заявляет, что приказал ей выйти в «Авсонийской лацерне» (лацерна – верхнее платье, надеваемое на тогу) – *Jussimus Ausonia redimitum exire lacerna*. Затем следует что-то вроде гимна книге, которую не сдерживают косные законы, которая идёт даже по самым непроходимым местам, разбрасывает на своём пути розы и тимьян и «то ступает легко, то несётся задыхающимся бегом»: *Sed quem nulla permit rigidae custodia legis, / Per loca non aliis pervia, liber abit. / Per juga, per saltus, per amoena vireta vagatur: / Jam thyme, jam teneras subsecat ungue rosas. / Jam graditur lente, cursu jam fertur anhelos, / Jam duro, molli jam pede calcat humum*. Такое восхваление книги свидетельствует об отношении к ней как к особому филологическому пространству и о стремлении сделать издание «живым», объединённым одной идеей – просвещения и гуманистических штудий. В финале этого обращения к читателю Раталлер снова просит о снисхождении и обещает, что, пока он жив, его флейта будет радовать людей ещё более сладкими песнями, т.е. переводчик надеется не оставить литературное поприще (*Nostraque adhuc edet meliores tibia cantus, / Tempora si vitae sint diuturna meae*).

---

<sup>160</sup> Lockwood, D.P. Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. – 1918. – Vol. 49. – P. 127.

Затем даются биографические сведения о Софокле, взятые из Суды, а также свидетельства Симонида Кеосского и Эрикия. Всё переведено на латынь. Каждую трагедию предваряет составленное краткое содержание (*argumentum*), в основном авторства Аристофана Византийского, иногда также добавляется краткое содержание от переводчика.

Издание Георга Раталлера представляется более концептуальным, поскольку через все комментарии красной нитью проходит несколько идей: важность просвещения, скромность и смущение гениального переводчика, наконец решившегося открыть свои труды публике, и представление о переводе с древнегреческого на латынь как о «переодевании» из греческого платья в римское или как о возможности дать героям трагедии новую жизнь. Также из сопроводительных текстов можно узнать многое о подготовке издания и его связи с другими переводами (а именно – с переводом Жана Лалемана).

## **2.8. Комментарий к переводу «Антигоны», выполненному Томасом Уотсоном.**

Перевод «Антигоны», осуществлённый Томасом Уотсоном (1555–1592), был издан в Лондоне в 1581 г. Томас Уотсон – английский поэт и переводчик, который был не только знатоком древних языков, но и родоначальником английского мадригала. Его перу также принадлежит несколько новолатинских произведений, в частности, драм<sup>161</sup>.

Издание перевода «Антигоны» открывает письмо-посвящение Уотсона патрону Филиппу Говарду, написанное элегическим дистихом. Переводчик просит принять его скромный труд (*opus modicum*) и извиняется, если он покажется полным недостатков. Если же адресату понравится работа, то Уотсон сделает то, чего многие от него ждут: продолжит заниматься литературными трудами и издавать их. Он изображает двух сатирических персонажей, недовольных читателей Мома и Зоила (*Momus, Zoilus*): напрасно будут они бурчать себе под нос, ведь мнение Говарда и возложенный им на голову переводчика лавровый венок

---

<sup>161</sup> Watson, Thomas / S.J. Kunitz, H. Haycraft // *British Authors Before 1800: A Biographical Dictionary*. – New York: The H.W. Wilson company. – P. 1050.

гораздо важнее. Уотсон вполне имеет право претендовать на такие похвалы, ведь, как он сообщает в стихотворении, он всегда служил музам, где бы он ни находился (*Ut potui, colui Musas, quocunque ferebar*). Однако часто «Марс беспокоил Палладу», то есть происходили различные военные столкновения, и переводчику приходилось брать паузу в своих занятиях, хотя он всегда стремился избегать военного лагеря, если это только не Фебов лагерь с Музами и Харитами (*Castra tamen fugi, nisi quae Phoebeia castra / Cum Musis Charites continuere pias*). Именно с помощью Муз, смягчив их (да и не без помощи Паллады) он перевёл «Антигону» – «научил её говорить по-латински» (*Antigonen docui verba Latina loqui*). Сначала Уотсон хотел порвать свой труд или сжечь, потому что латинской литературе невозможно превзойти греческую и Греция всегда была выше Лация, но его остановили благоразумные мужи, воодушевившие переводчика своими похвалами; тогда он снова стал отделять и редактировать свои строки уже более усердной рукой (*Tandem opus exactum volui lacerare, vel igni / Tradere, quod Latia Graecia major erat. / Plurima sed vetuit prudentium turba virorum: / Me simul Eulogiis concelebrare suis. / Inde rudes iterum coepi limare camoenas, / Et magis intenta consolidare manu*). И, конечно, немало помог переводчику адресат письма, которого он называет своим покровителем, сравнивает с Мecenатом и просит не презирать его, вспоминая басню Эзопа «Лев и мышь»: даже ничтожное с виду существо умеет быть благодарным и может оказаться полезным. Поэтому Уотсон надеется на то, что Говард не пренебрежёт подарком незнатного человека и Антигона будет ему милее, чем Креонту или Фивам. Теперь она, вновь ожив, пришла сюда, приведённая латинскими музами, и уязвит несправедливый закон гордыми ямбами и с бесстрашной речью предпочтёт фасциям – символу верховной власти – богов, и откроет правду: что похвально, а что постыдно, что на пользу, а что нет. Она напомнит, как вредно пренебрегать предостережениями правдивого пророка, как жребий (Фортуна) стремительно вращает своё колесо и как легко зависимая толпа следует воле власть держащих и чужому мнению (...*Et cupit Antigone charior esse tibi, / Charior esse tibi sperat, quam chara Creonti, / Quam fuerit patrio vel peramata solo / Jamque reviviscens & Musis ducta Latinis / Huc venit... Illicitam legem tumidis*

*mordebit Iambis; / Fascibus impavido praeferet ore Deos; Tum quid sit pulchrum, quid turpe, quid utile, quid non / Dicet... Quam noceat veri monitus contemnere vatis, / Quam vertat celerem Sors malesana rotam, Principis & placitum quam pendula turba sequatur).* Так «проповедовать» научил Антигону Уотсон (...*Antigone, studio docta docere meo*). Таким образом, перед нами снова, как и в комментарии к переводу Раталлера, мысль о том, что герои трагедии остаются живыми со времён Античности, а перевести «Антигону» – значит просто научить её говорить по-латински, и те моралистические выводы, которые вложил в пьесу Уотсон, он объясняет тем, что научил героиню этой проповеди равенства и справедливости.

Далее в издании содержится несколько стихотворений, посвящённых уже самому Уотсону. Первое из них написано Штефаном Брельманном (*Stephanus Broelmannus Agrippinensis*), профессором Кёльнского университета.

Далее следует стихотворное послание, адресованное Уотсону неким Guil. Camden. – очевидно, имеется в виду Уильям Кемден (лат. *Guillelmus Camdenus*, 1551-1623), английский историк из школы антиквариев, автор знаменитого хорографического труда «Британия», который в 1597 г. опубликует свою грамматику греческого языка для нужд Вестминстерской школы. Грамматика Кемдена пользовалась большой популярностью<sup>162</sup>.

Интересная мысль, содержащаяся в стихотворном обращении Кемдена к Уотсону, состоит в том, что гений Софокла, по мнению историка, «вселится» в Уотсона – и тут же застыл в оцепенении, увидев себя авзонийцем, т.е. римлянином: *Namque Sophoclaeus Genius tibi mente receptus / Insidet, Ausonium seque subinde stupet*. Так же в стихотворении Кемдена есть строка, которая может указывать на то, что «Антигона» Уотсона действительно ставилась на сцене: *tu pompis Latiis nostra Theatra quatis* («Ты сотрясаешь латинскими наши театры»). Для Кемдена перевод с греческого на латынь – это своего рода обновление, поскольку он пишет: *verba illi Graeco vernant tibi flore Latino* («слова, которые у него [Софокла] были на

---

<sup>162</sup> Thompson, E.M. Dictionary of National Biography, 1885-1990. – Vol. 8. – London: Elder Smith & Co., 1886. – С. 277-285

греческом, у тебя обновляются весенним латинским цветом»). В конце своего послания Кемден желает Уотсону, чтобы его голову окружил лавровый венок Феба.

Издание Уотсона примечательно прежде всего тем, что переводчик внёс определённые дополнения непосредственно в текст трагедии. Так, он добавляет в неё пролог природы (*Natura*), а также аллегорические шествия качеств главных героев трагедии – *Pompaе* (подробнее см. Главу III, раздел 3.2.6).

Но, несмотря на то что переводчик утверждает, что сам научил говорить Антигону по-латински, основным источником для него, вероятно, служил не греческий текст, а предшествующие латинские версии, а именно – версии Жантьена Эрве (1541 г.) и Томаса Наогеорга (1558 г.). На это указывают некоторые лексические и текстологические сходства, а также то, что перед списком действующих лиц в издании Уотсона даётся следующее примечание: *Mutuatum ex Naogeorgi annotationibus in Sophoclem* («позаимствовано из примечаний Наогеорга к Софоклу») <sup>163</sup>. Тем не менее, эти сходства весьма немногочисленны, в отличие от существенного количества заимствований Лалемана из перевода Раталлера. Уотсон же как будто наоборот стремится как можно больше оторваться от своих предшественников: их перевод нужен ему только для того, чтобы уяснить смысл той или иной реплики.

Итак, перевод Томаса Уотсона обнаруживает наиболее существенную художественную переработку текста; переводчик переосмысляет текст и дополняет его, создавая, по сути, собственную пьесу на основе трагедии Софокла. Как и его предшественники, Уотсон понимает трагедию скорее в моралистическом ключе, воздерживаясь от осуждения Антигоны и скорее восхищаясь ей. Стоит отметить и то, что перевод Уотсона был осуществлён, очевидно, с целью постановки трагедии на сцене. На это указывает не только деление трагедии на акты, добавление шествий аллегорических персонажей, для которых указан «реквизит» – предметы-символы, с которыми они появляются (весы, меч и т.д.), но и то, что Уотсон до «Антигоны» написал несколько предназначенных для постановки новолатинских

---

<sup>163</sup> Sutton, D. F. Introduction // The Complete Works of Thomas Watson. – New York, 1996. – P. 13.

драм, то есть был не только переводчиком, но и драматургом<sup>164</sup>.

### **Итоги.**

В результате исследования комментариев к латинским изданиям Софокла в XVI в. можно сделать следующие выводы:

Налицо разнообразие методов и интерпретаций, к которым обращаются переводчики. В первую очередь, это касается отношения к образу Антигоны – от почти открытого неодобрения (у Жана Лалемана) до почти открытого восхваления (у Файта Винсгейма или Томаса Уотсона). Следует обратить внимание и на разные техники перевода хоровых партий (это, с одной стороны стремление наиболее точно сохранить размер оригинала, с другой – некоторые отступления от метрики подлинника, а в некоторых случаях использование совершенно иных стихотворных размеров. Благодаря вступительным письмам переводчиков становится известно, что они придерживаются разного мировоззрения, вероисповедания, и даже разного отношения к античной литературе (от довольно сдержанной похвалы, поскольку эти произведения всё же являются «безбожными», до преклонения и восторга); переводчики являются представителями разных профессий (среди них есть медики, духовные лица, преподаватели), и каждый из них, переводя Софокла, руководствуется своими мотивами. Сопроводительные тексты также позволяют сделать вывод об отношении к самому феномену перевода, который часто предстаёт аллегорически: в одном издании он сравнивается с переодеванием героев, в другом переводчик заявляет, что «научил» героев говорить на другом языке.

Наряду с наблюдаемым в комментариях разнообразием можно выявить ряд общих черт, большинство которых можно объяснить «духом времени». В первую очередь, это постулирование важности образования и просвещения, а также изучения древних языков и произведений античной литературы: все переводчики являются знатоками классической словесности, часто цитируют Гомера, Еврипида, Горация, Цицерона и других древних авторов. Во-вторых, переводчики стремятся

---

<sup>164</sup> Watson, Thomas / S.J. Kunitz, H. Haycraft // *British Authors Before 1800: A Biographical Dictionary*. – New York: The H.W. Wilson company. – P. 1050.



извлечь из трагедий некую «мораль», «урок»: герои трагедий совершают преступления и за это вынуждены понести наказание; на их ошибках следует учиться, особенно тем, кто находится у власти, хотя нередко встречается упоминание рока, слепой судьбы и жребия, иными словами, мысль о том, что несчастья могут постигнуть даже невинного человека (особ. в более поздних изданиях – у Раталлера, Лалемана, Наогеорга, Уотсона). Многих переводчиков объединяет также мнение о превосходстве древнегреческой культуры над латинской и сравнение пьесы с зеркалом, в котором отражаются все людские страсти.

Поскольку комментарии позволяют переводчикам выразить своё отношение к произведениям античной литературы, рассказать о целях перевода и об истории работы над текстом, они служат своего рода связующим звеном между переводчиком и читателем, и имеют самостоятельную эвристическую ценность.

## Глава III. ЛАТИНСКИЕ ИЗДАНИЯ ТРАГЕДИЙ СОФОКЛА В XVI В.: ПОЭТИКА ПЕРЕВОДА.

### 3.1. Переводы Георга Раталлера и Жана Лалемана: вопрос о плагиате.

Как было упомянуто, нам известны такие случаи, когда переводчики могли опираться на труды своих предшественников. Однако насколько это приемлемо? Например, друг Георга Раталлера, как мы уже отметили в первой главе, возмущается тем, что Жан Лалеман присвоил себе парод Раталлера и вообще, «целые страницы» (*paginas... integras*) из его издания. Такое возмущение свидетельствует о смене эпох и изменении отношения к понятию авторства, точнее, о самом зарождении этого понятия, которое обычно относят именно к Новому времени. Так, Ролан Барт писал: «Фигура автора принадлежит Новому времени, по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием Средних веков это общество стало открывать для себя достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, «человеческой личности»<sup>165</sup>». Поэтому для эпохи Средневековья понятие «плагиат» недопустимо в принципе, поскольку средневековое мировоззрение мыслит заимствование чужого текста не как воровство или присваивание себе, а как опору на авторитетный источник и подтверждение своего мнения. Как пишет А.Я. Гуревич, «[в Средние века] плагиат не подвергался преследованию, тогда как оригинальность могла быть принята за ересь»<sup>166</sup>. Возрождение же начинает ценить человеческую индивидуальность, однако средневековая традиция сочинений-компиляций слишком сильна, чтобы вымереть в одночасье, – поэтому возникают прецеденты вроде этого спора по поводу «украденных страниц» перевода. Именно на рубеже XV-XVI вв. понятия «авторства» и «текста» становятся более строгими, что происходит во многом в связи с книгопечатанием; по этой же причине комментарии, которые раньше составляли часть текста, теперь выносятся за его пределы<sup>167</sup>. Книга становится

---

<sup>165</sup> Барт, Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. – С. 385.

<sup>166</sup> Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – С.11.

<sup>167</sup> Евдокимова, Л.В. Перевод и подражание: литературная теория и практика (вступительные замечания) // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения / Под ред. Л.В. Евдокимовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 8.

более чётко структурированной, а вопрос об авторе текста или перевода больше не может игнорироваться.

Однако так уж ли провинился Лалеман, как это хочет показать его обвинитель Адриан Милий? Да, заимствование им парода Раталлера, написанного сапфической строфой, не оставляет сомнений, тем не менее, стоит учесть, что: 1) Лалеман всё же упоминает имя Раталлера, пусть сокращённо и незаметно; 2) наряду с пародом Раталлера он помещает также свою версию парода.

Что касается украденных «целых страниц», то это всё же преувеличение: в ряде строк Лалемана действительно видна опора на перевод Раталлера, часто различия наблюдаются только в порядке слов. Но таких строк не так уж и много, тем более, общий характер переводов Раталлера и Лалемана довольно сильно отличается: последний позволяет себе гораздо больше вольностей и более многословен, в то время как перевод Раталлера довольно точен, особенно во второй редакции. Приведём несколько примеров, доказывающих то, что Лалеман всё же «подглядывал» в перевод Раталлера:

Таблица 1 – Сопоставление переводов Георга Раталлера и Жана Лалемана.

| №№ строк | версия Раталлера (1550 г.)                                                                                    | версия Лалемана (1557 г.)                                                                                      |
|----------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 439-440  | NUN. ... <u>sed longe minoris haec tamen</u><br><u>Propria soleo salute</u> semper <u>ducere.</u>             | NYNT. <u>Sed longe minoris haec omnia tamen</u><br><u>Propria salute soleo ducere.</u>                         |
| 446      | CRE. ... <u>At tu breviter</u> id<br>Non usa multa <u>ambage, dic mihi.</u>                                   | CRE. Sed tu nulla <u>ambage, at dic mihi breviter</u>                                                          |
| 455      | ANT. Temerare jura <u>insculpta</u><br><u>mentibus hominum</u>                                                | ANTIG. natura <u>insculptas</u><br><u>animis hominum</u><br>Violare.                                           |
| 493-496  | CRE. Siquidem <u>solet</u> hominum mali<br><u>mens</u> conscia<br><u>Qui fraudis</u> aliquid <u>moliuntur</u> | CRE. Namque eorum <u>mens,</u><br><u>qui</u> quid <u>fraudis clanculum</u><br>Moliuntur, <u>solet deprendi</u> |

|         |                                                                                                                                                                                                              |                                                                                                                                                                                                    |
|---------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|         | <p><u>calnculum</u></p> <p>Prius <u>deprendi saepe quam patrent</u> nefas.</p> <p><u>Talem odi ego, qui sceleris</u> etsi <u>sit palam</u></p> <p><u>Convictus</u>, illud adhuc ut <u>ornet nititur.</u></p> | <p><u>saepius</u></p> <p>Ante, meditatum <u>quam patrent</u> facius.</p> <p><u>Talem ego odi, qui</u> licet <u>palam sceleris</u></p> <p><u>Sit convictus</u>, hoc post <u>ornare nititur.</u></p> |
| 512-514 | <p>CRE. Numquid quoque <u>fuit frater alter qui periit?</u></p> <p>ANT. <u>Fuit, atque idem natus ex parentibus.</u></p> <p>CRE. <u>Cur</u> igitur <u>hos tribuis honores impio?</u></p>                     | <p>CRE. Numnam et <u>frater fuit alter, qui periit?</u></p> <p>ANTIG. <u>Fuit, atque iisdem natus parentibus.</u></p> <p>CRE. <u>Cur</u> ergo <u>hos honores tribuis impio?</u></p>                |
| 518     | <p>CRE. <u>Vastans solum natale, cum hic defenderet.</u></p>                                                                                                                                                 | <p>CRE. <u>Solum natale vastans, cum hic defenderet.</u></p>                                                                                                                                       |

Подобные «совпадения» рассеяны по всему тексту: мы видим почти полное соответствие двух переводов в некоторых строках, различия касаются только употребления тех или иных союзов, местоимений или наречий, а также порядка слов. Показательным является пример со строкой 455: в оригинальном тексте Софокла не используется метафора запечатлённых в умах (или душах) людей законов; сказано, что они просто нерушимы (ἀσφαλῆ θεῶν νόμιμα). Вряд ли решение перевести ἀσφαλῆ как *insculpta mentibus* (или *animis*) могло прийти двум переводчикам независимо друг от друга<sup>168</sup>.

<sup>168</sup> Как пишет А.И. Любжин, «текстуальное сходство ещё не является доказательством прямого – или даже косвенного – заимствования. Уверенность в этом может дать либо «критическая масса» пересечений», либо их очень яркий характер» (Любжин, А.И. Силий Италик: к истории рецепции // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2012. – № 16. – С. 478). Однако в данной ситуации выполняются оба критерия: количество пересечений в переводах Раталлера и Лалемана достаточно велико, встречаются и яркие примеры, как упомянутый случай с переводом ἀσφαλῆ. Поэтому обращение Лалемана к переводу Раталлера является несомненным.

Тем не менее, перевод Лалемана всё же обладает самостоятельностью. Особенно это видно в партиях хора (если, конечно, не считать вышеупомянутого заимствованного парода): так, Лалеман использует в хоровых партиях трохеический диметр, в то время как Раталлер пытается воссоздать размер оригинала (кроме, опять же, парода). Лексически переводы партий хора также довольно сильно отличаются друг от друга. Рассмотрим в качестве примера перевод первой строфы второго стасима:

| №№ строк | версия Раталлера (1550 г.)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                        | версия Лалемана (1557 г.)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                              |
|----------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 583-591  | <p>CHO. Felices quibus aerumnis sine<br/>Gravibus fuerit transacta aetas.<br/>Nam cui quassa est a superis<br/><b><u>domus</u></b>,<br/>Nulla est luctificis meta doloribus,<br/><b><u>Longamque</u></b> petunt <b><u>posteritatem</u></b>:<br/>Non <b><u>aliter</u></b> quam tumidum fluctibus<br/>Effervet pelagus, cum Boreas furens<br/>Saevis <b><u>incubuit</u></b> flatibus, &amp; ciet<br/>Toto densa mari nubile, turbidum<br/>Ex imis sabulum proruitur vadis,<br/>Tristi cum gemitu <b><u>litora</u></b> personat.</p> | <p>CHOR. Nam fortunati sunt illi,<br/><b><u>quibus</u></b><br/>Absque aerumnis aevum<br/>trajicere<br/>Datum est. Nam quibus semel<br/>fuerit<br/>Divo concussa <b><u>domus</u></b> numine,<br/>Exin nulla desit calamitas<br/>Quae non <b><u>longam</u></b> serpat ad<br/>generis<br/><b><u>Posteritatem</u></b>. Id fit haud <b><u>aliter</u></b><br/>Atque dum sali tumens pontici<br/>Unda, Thraciis &amp; furentibus<br/>Immane, agitatata Aquilonibus<br/>Abyssi imos gurgites subiit.<br/>Namque ut horridus semel<br/>Boreas<br/>pelage <b><u>incubuit</u></b>, tum evomitur<br/>Et eructatur imo e gurgite<br/>Ater nec ventis ita facile</p> |

|  |  |                                                                   |
|--|--|-------------------------------------------------------------------|
|  |  | Dimobilis arenae cumulus,<br>Fremitu icta reboant <u>litora</u> . |
|--|--|-------------------------------------------------------------------|

Можно видеть, что в данном случае совпадения минимальны и отмечаются там, где переводчик вряд ли мог бы найти другой эквивалент. Стоит отметить и отличия в количестве строк и стихотворном размере.

Итак, Лалеман, несомненно, использует перевод Раталлера в качестве вспомогательного средства, однако не копирует его строки целиком и в ряде случаев принимает самостоятельные переводческие решения. Поэтому такой перевод вряд ли можно назвать плагиатом, однако это интересный случай опоры переводчика на своего предшественника и дискуссии об «авторских правах».

### **3.2. Особенности изучаемых переводов.**

#### **3.2.1. Эквиритмичность и эквилинеарность.**

Важной характеристикой перевода поэтического произведения является ответ на вопрос, сохраняют ли переводчики количество строк и стихотворные размер оригинала. Древнегреческая и латинская метрика традиционно вызывает у переводчиков много сложностей, поскольку античный стих является метрическим, или квантитативным, то есть основан на упорядочивании слогов определённой долготы<sup>169</sup>. В.Н. Ярхо задавался вопросом: если тщательно метрически воспроизводить партии хора, будет ли это вообще похоже на стихотворную речь? Ведь для многих языков размеры, встречающиеся в хоровых партиях, нехарактерны<sup>170</sup>. Вопрос о том, сохранять ли размер оригинала, подчас возникает даже в том случае, когда мы имеем дело с уже опробованными на русском языке и «вошедшими в арсенал средств русской поэзии»<sup>171</sup> алкеевой или сапфической

<sup>169</sup> Гаспаров, М.Л. Стихосложение // Большая Советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 24. Кн.1 – М.: Советская энциклопедия, 1976. – С. 522-523.

<sup>170</sup> Ярхо, В.Н. Рок. Грех. Совесть. (К переводческой трактовке древнегреческой трагедии) // Древнегреческая литература: Собрание трудов в 4-х т. Т. 2: Трагедия. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 330.

<sup>171</sup> Теперик, Т.Ф. Борис Пастернак: поэтика перевода (на материале стихотворения Горация «К Помпею Вару») / Т.Ф. Теперик // Вестник культурологии. – 2006. – № 3. – С. 95.

строфой.

Казалось бы, для переводов на латынь со стихотворными размерами всё обстоит намного проще: ведь большинство из них было заимствовано из древнегреческой поэзии и разработано на латинском материале ещё в Античности. Тем не менее, для размеров, встречающихся в хоровых партиях греческих трагиков, это не совсем так: в римской трагедии наблюдается меньшее метрическое разнообразие в сравнении с греческой. Об этом пишет Георг Раталлер в уже упомянутой заметке *De ratione versuum*, утверждая, что размеры хоровых партий в древнегреческой трагедии нехарактерны для латинского языка.

Существенные различия между исследуемыми переводами объясняются тем, что переводы Габио и Винсхейма являются скорее подстрочниками, в то время как Лалеман, Наогеорг и Раталлер создают именно поэтический перевод. Поэтому к версиям Габио и Винсхейма принцип эквиритмичности не применим. А вот версии Лалемана, Наогеорга и Раталлера интересны тем, что в них этот принцип соблюдается хотя бы частично: в нехоровых частях трагедии Софокла используется преимущественно ямбический триметр, который сохраняется и переводчиками.

Георг Раталлер, как правило, пытается воссоздать метрический облик партий хора в своих переводах, делая исключение только для парода, который он переводит сапфической строфой (с точки зрения содержания, это скорее вольный перевод). Отходят от размера оригинала и Жан Лалеман, переводящий все хоровые партии трохеическим диметром, и Томас Наогеорг, использующий анапестический диметр и ямбический диметр. Раталлер же (не считая упомянутого выше парода «Антигоны») стремится воссоздать размер оригинала, что подтверждают и пометы перед партиями хора, например, у Наогеорга и Раталлера: *varie mixtus, eodem pene carm. genere, quo est usus Sophocles* («разнообразные размеры, те же, которыми пользовался Софокл»); *ut in Graeco* («как в греческом») и т.д. Томас Уотсон также предуведомляет свои хоровые партии в «Антигоне» примечанием: *Carmen Choricum ex variis metri generibus ac eisdem, quibus utitur Sophocles*.

Что касается количества строк, то эквилинеарности в строгом смысле среди исследуемых переводов не наблюдается: ни в одном из них не находим такое же

количество строк, как в оригинале: 1347 строк – в «Антигоне», 1530 – в «Царе Эдипе», 1779 – в «Эдипе в Колоне»<sup>172</sup>. Количество строк в латинских версиях рассматриваемых трагедий следующее:

Таблица 2 – количество строк в исследуемых переводах.

|                 | оригинал (по изданиям R.D. Dawe, R. Jebb) | перевод Эрве (1541 г.) | перевод Габио (1543 г.) | перевод Винсхейма (1549 г.) | перевод Раталлера (первая/вторая редакция) (1550, 1570 г.) | перевод Лалемана (1557 г.)      | перевод Наогеорга (1558 г.)      | перевод Уотсона (1581 г.) |
|-----------------|-------------------------------------------|------------------------|-------------------------|-----------------------------|------------------------------------------------------------|---------------------------------|----------------------------------|---------------------------|
| «Антигона»      | 1347                                      | 1346                   | 1341                    | 1331                        | 1499, 1498 (на 11 % длиннее оригинала)                     | 2147 (на 59% длиннее оригинала) | 1518 (на 13 % длиннее оригинала) | 1313                      |
| «Царь Эдип»     | 1530                                      | -                      | 1543                    | 1645                        | -, 1937 (на 27 % длиннее оригинала)                        | 2500 (на 64% длиннее оригинала) | 1675 (на 10 % длиннее оригинала) | -                         |
| «Эдип в Колоне» | 1779                                      | -                      | 1782                    | 1829                        | -, 2293 (на 29 % длиннее оригинала)                        | 2826 (на 59% длиннее оригинала) | 2025 (на 14% длиннее оригинала)  | -                         |

Однако если рассматривать не текст трагедии целиком, а отдельные реплики, то можно увидеть, что переводчики стараются соблюдать количество строк оригинала. Отклонения могут быть вызваны различиями в делении на строки (особенно в партиях хора), обращением к разным рукописным и печатным

<sup>172</sup> Количество строк указано по изданиям: Sophocles. Sophoclis Antigone tertium edidit R.D. Dawe. – Stutgardiae et Lipsiae (Stuttgart, Leipzig): B.G. Teubner, 1996. – 72 p.; Sophocles. Oedipus Rex / R.D. Dawe, ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 260 p.; Sophocles. Plays and fragments, Part 2: The Oedipus at Colonus of Sophocles / R. Jebb, ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1899.



источникам греческого текста и т.д. Итак, можно сказать, что большинство переводчиков всё же стремятся к эквилинеарности; однако количество строк в переводе Жана Лалемана почти в два раза превышает оригинал. Из-за такой многословности может нарушаться стихомифия, несмотря на очевидное стремление переводчика её сохранить: например, диалог Креонта с Антигоной или его спор с сыном. И в менее остром противостоянии Исмены и Антигоны (строки 41-48) стихомифия всё-таки иногда нарушается. Стоит отметить, что для французской переводческой традиции XVI в. вообще свойственно увеличивать количество строк оригинала при переложении как на латынь, так и на национальный язык<sup>173</sup>.

Перевод «Антигоны» Жантьена Эрве, на первый взгляд практически полностью совпадающий с оригиналом по количеству строк, на самом деле имеет пропуск строк 966–989. Это последняя часть четвёртого стасима, в котором упоминается не самый известный миф о братьях Финидах, ослеплённых мачехой. Вероятно, как раз из-за «непопулярности» этого мифа указанные стихи были опущены переводчиком. Впрочем, возможно, Эрве опустил этот фрагмент просто потому, что не понял его.

Также не всегда соблюдаются границы строк. Например, Томас Наогеорг, в целом сохраняя количество строк оригинала, использует и анжамбеман, т.е., если в оригинале границы строк и границы синтагм чаще совпадают, нередко применяет перенос на следующую строку. Подобный приём может применяться несколько строк подряд, гораздо чаще, чем в оригинале, что составляет особенность версии Наогеорга (пример см. в приложении 4, с. 173).

Распределение реплик между героями также представляет в ряде мест текстологическую проблему. Так, «спорными» являются строки 278-279: Эрве, Винсхейм и Наогеорг, например, считают их продолжением речи стража, в то время как Уотсон относит их к хору.

---

<sup>173</sup> Sturel, R. Essai sur les traductions du théâtre grec en français avant 1550 // Revue d'Histoire littéraire de la France. – 1913 – №3. – P. 645.

### 3.2.2. Лексические особенности. Проблемы буквалистского подхода к переводу<sup>174</sup>.

Ответить на вопрос, насколько перевод может быть лексически близок к оригиналу, не так легко, тем более, предмет нашего рассмотрения – художественные переводы, три из которых являются поэтическими. Ведь художественный перевод предполагает «творческое преобразование подлинника» с «как можно более полной передачей оригинала»<sup>175</sup>. Перевод не может быть полностью лексически эквивалентен оригиналу ещё и по причине межъязыковой асимметрии. Тем не менее, всё же можно говорить о более или менее «точных» с точки зрения лексики, содержания и стилистики переводах.

Обычно переводчики стараются подобрать наиболее подходящие эквиваленты, но это не всегда им удаётся, что приводит к некоторой деформации авторского текста и исходного замысла автора<sup>176</sup>. Такая деформация может осуществляться переводчиком сознательно (если он понимает, что потери неизбежны) или же бессознательно (если он, например, упустил из виду аллитерацию или игру слов)<sup>177</sup>. Из этой ситуации «непереводимости» переводчик может находить два противоположных друг другу выхода: добавление и опущение<sup>178</sup>. Либо он сознательно опускает какой-то элемент оригинала, не несущий, с его точки зрения, особой когнитивной, прагматической или поэтической нагрузки, либо он приходит к выводу, что этот элемент нельзя опустить, но нельзя и перевести его без отклонения от размера оригинала, поэтому

---

<sup>174</sup> Данные научные результаты опубликованы в статье: Преснова, Н.В. Латинские ренессансные переводы «Эдипа в Колоне»: ad verbum и ad sensum // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), № 4, 2023. – С. 103-112.

<sup>175</sup> Казакова, Т.А. Художественный перевод: Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – С. 6.

<sup>176</sup> Стоит также особо учесть случаи соединения в одном и том же слове значений, «логически весьма далёких друг от друга, а иногда даже кажущихся противоречащими друг другу» (Савельева, О.М. Τίμωρεῖν / τίμωρεῖσθαι: «защищать» или «мстить»? // Вопросы классической филологии. Вып. XIII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 207). Для большинства подобных слов в других языках не обнаруживается полисемических соответствий, и многозначность и амбивалентность оригинального текста теряются при переводе.

<sup>177</sup> Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник. – Москва: Изд-во МГУ, 2004. – С. 510.

<sup>178</sup> Там же.

добавляет ещё одну строку (или строки), в которой появляется, как правило, не только исходный элемент, но и собственные добавления переводчика (чтобы заполнить строку) – таким образом, происходит «добавление языковых знаков, отсутствующих в исходном тексте и избыточных с когнитивной точки зрения, хотя и не противоречащих исходным образным смыслам»<sup>179</sup>. Именно к деформации добавлением часто прибегал Жан Лалеман, в результате чего существенно увеличилось количество строк в переводе по сравнению с оригиналом.

Иногда же добавления вводятся переводчиком с определённой целью: если в тексте есть подразумеваемый элемент, который может не сразу быть понятен читателю, лучше его восстановить. Такое преобразование часто встречается как раз при переводе с древних языков, если «характер связи между словами... требует добавления в переводе слов, отсутствующих в оригинале, но вполне понятных из контекста»<sup>180</sup>. Такой «поясняюще-дополняющий» перевод часто встречается у Файта Винсхейма. Например, эпитет Посейдона «земледержец» (τὸν πόντιον γαῖάροχον – «морского земледержца», Soph. OC 1072-1073) Винсхейм переводит как *qui mari praeest Neptunus* («который стоит во главе моря, Нептун»). Раталлер также добавляет имя бога и называет его просто «морской Нептун» (*Neptunus aequoreus*). То есть некоторые переводчики вводят в свой перевод поясняющий элемент, что облегчает восприятие текста читателем, который может быть не знаком с тонкостями античной мифологии<sup>181</sup>.

Переводя реплику Исмены к Антигоне: ἐγὼ λύουσ' ἂν ἢ 'φάπτουσα προσθείμην πλέον; (Soph. Ant. 40: что мне лучше сделать – нарушить [закон] или похоронить [брата]?), некоторые переводчики не добавляют к причастиям подразумеваемые объекты, а некоторые (Раталлер, Лалеман и Уотсон) добавляют, хотя их нет в оригинале: *solvens leges, sepeliens fratrem*. Переводчик может также добавлять эпитеты, которых не было в оригинале: например, когда страж приводит Антигону

---

<sup>179</sup> Казакова, Т.А. Указ. соч. С. 20.

<sup>180</sup> Шабага, И.Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестник Московского университета. – М., 2009. – Сер.22. Теория перевода, № 2. – С. 36.

<sup>181</sup> Ананьина, М.А., Ускова, Б.А. Трудности передачи лингвокультурной информации при переводе аллюзий на русский язык // *Lingua mobilis*. – 2014. – № 2 (48). – С. 24.

и заявляет: «Вот она, совершившая это деяние» (ἡδ' ἔστ' ἐκείνη τοῦργον ἡ 'ξεργασμένη – Soph. Ant. 384), большинство переводчиков добавляет в его реплику различные прилагательные со значением «нечестивый», «запрещённый» и т.д. Например, у Лалемана: *haec illa est, infandum quae patravit nefas* («вот та, которая совершила ужасное безбожие»), у Наогеорга – *prohibitum quae facinus effect* («которая осуществила запрещённое деяние»), у Уотсона – *haec ipsa facti est improbi effectrix* («она сама – исполнительница бесчестного дела»). Однако Габио, наиболее тщательно стремящийся соблюсти все нюансы оригинала, не добавляет подобного определения: *haec est illa, opus quae fecit* («она та, которая совершила деяние»).

Интересно отметить, как с этой репликой поступает Раталлер: в первом издании 1550 г. он, как и большинство переводчиков, говорит о «нечестивом преступлении»: *haec est nefandum quae patravit scelus* («она та, которая совершила ужасное преступление»). Но во втором и последующих изданиях Раталлер перерабатывает некоторые строки, в том числе эту: *ista hujus est facti auctor* («она зачинщица этого дела»). Вряд ли такое изменение в первую очередь отражает отношение автора к поступку Антигоны; скорее, в новом издании автор стремится к более точному следованию оригиналу: в предисловии он заявляет, что исправил все неточности первого, «незрелого издания». Тем более, местоимение *iste, ista, istud* («этот», «твой»), не только указывает на близость к слушающему, но может также иметь пейоративное значение («тот самый, печально известный»), в то время как *ille, illa, illud*, напротив, может иметь оттенок значения «тот самый, знаменитый».<sup>182</sup>

Лексические особенности того или иного перевода напрямую связаны с тем, какой школы придерживается переводчик. В эпоху Возрождения, как и в Средние века, существовало два основных способа перевода: *ad verbum* (буквальный

<sup>182</sup> Oniga, R. *Latin: a Linguistic Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 368 p. P. 96.

перевод, единица эквивалентности – слово) и *ad sensum* (единица эквивалентности – смысл)<sup>183</sup>.

Первый тип использовался для текстов «правды» (это, в первую очередь, религиозные тексты), второй – для текстов «вымысла» (в первую очередь, художественной языческой литературы). И хотя граница между литературой «правды» и литературой «вымысла» размыта<sup>184</sup>, тем не менее, исключать наличие этих двух тенденций нельзя. Иногда при переводе одного и того же религиозного текста переводчики могли использовать разные способы перевода: точные переводы, вероятно, использовались для чтения во время богослужения, а переводы-переложения, отличающиеся амплификацией текста за счёт добавлений и комментариев, предназначались для мирян<sup>185</sup>.

Произведения языческих античных авторов обычно относились к области «правды», если обладали практической ценностью (исторические и естественно-научные сочинения). Трагедия же, комедия и эпос в этой системе должны были входить в категорию «вымысла» и не переводиться буквально. Однако такие попытки всё же предпринимались: например, на титульном листе самого раннего издания переводов семи сохранившихся трагедий Софокла указано, что он выполнен *ad verbum*. Автором перевода был Джованни Баттиста Габио, и его версия интересна прежде всего буквализмом: в отличие от Эразма Роттердамского, который писал о том, что нужно переводить **почти** (раене) слово в слово, но всё же допускает небольшие изменения, Габио стремится подобрать каждому греческому слову наиболее подходящее латинское, не считая артиклей. Такое стремление вписывается в распространённую в эпоху Возрождения идею о чётком

---

<sup>183</sup> Смирнова, А.С. Переводы из Цицерона в Кратком руководстве к красноречию Михаила Ломоносова // *Quaestio Rossica*. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 1173-1174.

<sup>184</sup> Евдокимова, Л.В. Перевод и подражание: литературная теория и практика (вступительные замечания) // *Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения* / Под ред. Л.В. Евдокимовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 5-7.

<sup>185</sup> Школьникова, О.Ю. Французское «Житие святого Этьена де Мюре»: историко-лингвистическое исследование текста и проблемы установления его рукописной традиции: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05. – М., 2009. – С. 290-291.

соответствии между древнегреческим и латынью<sup>186</sup>. Однако в действительности латинский и древнегреческий языки относятся к разным языковым группам и довольно сильно отличаются друг от друга, что при буквальном переводе может вызвать ряд проблем, обусловленных различиями между латинским и древнегреческим словами в лексическом значении и сочетаемости.

Например, Габрио буквально переводит с древнегреческого фразу ὥς ἀπ' ὀμμάτων, πρόσω: («как кажется на взгляд, далеко») – *ut ab oculis, procul*, однако сочетание *ab oculis* значит или «[прочь] с глаз», или – в поздней латыни – «лишённый глаз», «слепой»<sup>187</sup>. В результате изначальный смысл текста затемняется. Другие переводчики пытаются справиться с этой проблемой с помощью описательного перевода: например, Винсхейм выбирает вариант *quantum procul videre licet* («насколько далеко можно видеть»), Лалеман – *quam procul prospicit acies* (букв. «насколько далеко видит острота [зрения]»).

Также возникают сложности, например, с буквальным переводом стиха 37: ἔχεις γὰρ χῶρον οὐχ ἁγνὸν πατεῖν («ты не можешь попираť эту священную землю»). В древнегреческом языке конструкция «ἔχειν + инфинитив» имеет значение «мочь сделать что-л.»<sup>188</sup>. В латинском языке конструкция «habere + инфинитив» также существует, но с другим значением: иметь обязанность<sup>189</sup>. У переводчика получается предложение: *habes nam locum non purum calcare* («тебе не нужно ступать на это священное место»), к тому же, положение частицы *non* также может запутать читателя: в древнегреческом порядок слов более свободный, и частица может находиться после слова, к которому она относится<sup>190</sup>. В латыни же частица

---

<sup>186</sup> Lamers, H. Janus Lascaris' Florentine Oration and the 'Reception' of Ancient Aeolism. / G. Abbamonte, St. Harrison, ed. // Making and rethinking the Renaissance: Between Greek and Latin in 15th–16th century Europe (Trends in Classics, supplementary volumes 77). – Berlin & Boston: De Gruyter, 2019. – P.28-29.

<sup>187</sup> Shumilin, M. Textual Notes on the Passio Nazarii, Celsi, Geruasii et Protasii (BHL 6043) // Philologia Classica. – 2022. – № 1. – P. 110.

<sup>188</sup> A Greek-English Lexicon / H.G. Liddell, R.A. Scott. – New York: Harper & Brothers, 1883. – P. 629-630.

<sup>189</sup> Oxford Latin Dictionary / A. Souter, C. Bailey, J.M. Wyllie, P.G.W. Glare, ed. – Oxford: Clarendon Press, 1968. – P. 781.

<sup>190</sup> Smyth, H.W. A Greek Grammar for Colleges. – New York: American Book Company, 1920. – P. 608.

*non* имеет более сильную превербальную позицию<sup>191</sup>. Данный пример демонстрирует сложности буквального перевода, вызванные не только лексическими, но и синтаксическими особенностями языков. Другие переводчики используют для перевода этого стиха инфинитив с *nefas* («нельзя», «не позволено богами»): например, в переводе Лалемана и Наогеорга: *calcare nefas* – «нельзя ступать».

Несмотря на стремление к буквальному переводу, Габио упускает ряд подробностей, связанных с внутренней формой сложных слов: например, словосочетание *χαλκόπους ὁδός* (дословно «медноногая дорога») он переводит просто как «медная дорога» (*aenea via*). Другие переводчики также не изобретают неологизмы, а выражают значение сложного слова через словосочетания: например, *ferri via* («путь железа») у Винсхейма.

На титульном листе другого перевода трагедий Софокла, выполненного Файтом Винсхеймом, указано, как было упомянуто выше, что издание предназначается *ad utilitatem juventutis* – «на пользу юношества». Однако, хотя Винсхейм, как и Габио, создаёт перевод для учебных целей, он выбирает другой подход: идёт по пути упрощения и незначительного сокращения текста. Винсхейм опускает некоторые прилагательные и наречия. Например, рассмотрим реплику Антигоны (Soph. Oed. Col. 1249-1251):

καὶ μὴν ὅδ' ἡμῖν, ὥς ἔοικεν, ὁ ξένος  
ἀνδρῶν γε μούνοιο, ὃ πάτερ, δι' ὀμματος  
ἄστακτὶ λείβων δάκρυον ὃδ' ὁδοιπορεῖ<sup>192</sup>.

Винсхейм переводит эти стихи более лаконично, опуская подробности, например, наречие «обильно»:

Sed hic ad nos, ut videtur, hospes  
Solus, o pater, ex oculis

---

<sup>191</sup> Tierney, M.C. A Syntactic Analysis of Negation in Latin: Negated Quantifier Phrases (Senior Honors Thesis). – New York, 2018. – P. 12.

<sup>192</sup> «...и вот этот незнакомец, как кажется, идёт к нам сюда,  
Без спутников, один, отец, из глаз  
Обильно проливая слёзы».

Lacrimas fillans, accedit<sup>193</sup>.

Более подробное сопоставление переводов *ad verbum* и *ad sensum* представлено в приложении 5, с. 174.

Итак, можно отметить, что Габио наиболее точно старается передать все лексические и грамматические особенности оригинала. Перевод Винсхейма довольно точен, однако в нём формы причастий заменены на личные формы глагола, возможно, для облегчения восприятия. Прилагательное αἰγιος («благоприятный», «удачный») заменено на наречное сочетание *in tempore* («вовремя»), что наблюдается и в других переводах *ad sensum*: Лалеман и Наогеорг используют наречие *commodum* («вовремя», «кстати»), Раталлер – сочетание *in ipso tempore* («в самое время»). Наиболее вольный перевод *ad sensum* у Жана Лалемана: переводчик вносит дополнительные смыслы, добавляя эпитеты *divus* («божественный») и *benignus* («внимательный», «радушный»), а также упоминает несчастье Эдипа. Внесение в текст произведения новых эпитетов и обилие синонимов – характерная черта перевода Лалемана, которая прослеживается на протяжении всего текста.

Итак, можно проследить эволюцию переводов: первая версия Джованни Баттисты Габио выполнена методом *ad verbum*, буквальность перевода не является преградой для восприятия его в качестве интерпретации<sup>194</sup> и свидетельствует об особом мировоззрении, приверженности идее сходства и соответствия между двумя классическими языками. Затем появляются четыре перевода *ad sensum*: более точный и лаконичный, предназначенный для учащихся (перевод Винсхейма), и более вольные переводы Лалемана, Наогеорга и Раталлера, предназначенные для определённого круга учёных людей (издания сопровождаются стихотворными обращениями к переводчикам от других гуманистов). Можно предположить, что

---

<sup>193</sup> «Но этот к нам, как кажется, незнакомец  
Один подходит, отец,  
Из глаз проливая слёзы».

<sup>194</sup> Теперик Т.Ф. Перевод как форма рецепции (на материале античных авторов) // Осенние коммуникативные чтения – 2018. Т. 1: сборник статей Международной научно-практической конференции. к 20-летию открытия лингвистического образования в РосНОУ / сост. О.Ю. Иванова. – М., 2020. – С. 196.



переводы *ad sensum* (по смыслу) были более понятны, поскольку лексически и грамматически больше соответствуют норме латинского языка. Однако и буквальные переводы сыграли свою роль в рецепции античных текстов: такие «подстрочники» нередко использовались при переводе на национальные языки: так, к текстам Габрио обращался один из первых переводчиков Софокла на итальянский – Бернардо Сеньи<sup>195</sup>.

#### **а) Перевод названий глав государств<sup>196</sup>.**

Роль лексики, обозначающей высшие государственные должности, имела большое значение в трагедиях Софокла, особенно в тех, где конфликт непосредственно затрагивает представителя власти или вызван им – речь о трагедиях «Эдип-царь» и «Антигона». Несмотря на то, что описываемые события весьма отдалены от событий, современных для Софокла, – и тем более отдалены от событий, современных для его переводчиков в XVI в., обращение к трагедиям показательно, поскольку в них ставится извечная проблема власти и ответственности царей<sup>197</sup>. Античная трагедия, несомненно, имела политическое значение, хотя отражение конкретных политических событий, понятных современникам, зачастую было завуалированным<sup>198</sup>. Однако делается немало попыток реконструировать тот политический контекст, который мог сопровождать постановку той или иной трагедии: например, «Царя Эдипа» многие исследователи связывают с так называемым «делом о гермах», что может также влиять на датировку трагедии<sup>199</sup>. Образ Эдипа в таком случае связывается с образом Алкивиада, обвинявшегося в осквернении герм. Поэтому термины власти,

---

<sup>195</sup> Dizionario Biografico degli Italiani / A. M. Ghisalberti, ed. – V. 51. Roma, 1998. – P. 209.

<sup>196</sup> Данные научные результаты опубликованы в статье: Преснова, Н.В. Названия глав государств в трагедиях Софокла (на материале латинских переводов «Антигоны» и «Эдипа-царя», XVI в.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2023. – № 27-2. – С. 936-945.

<sup>197</sup> Теперик, Т.Ф. Мотивы власти в древнегреческой трагедии («Электра» Софокла) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2022. – № 3 (51). – С. 168.

<sup>198</sup> Никольский, Б.Н. Политический смысл и художественная структура «Андромахи» Еврипида // Вестник древней истории. – 2014. – № 4. – С. 22.

<sup>199</sup> Гринцер, Н.П. Политический смысл «Эдипа-царя»: нужен ли ответ на вечный вопрос? // Шаги/Steps. – 2017. – №4. – С. 85.

несомненно, являются особенно важной лексической группой в трагедии, а их перевод может вызывать сложности из-за ассиметрии семантических полей «власть» в различных языках.

В трагедиях Софокла наиболее употребляемое слово, обозначающее властителя, – ἄναξ, чаще всего оно используется в качестве обращения: в «Антигоне» так обращаются к Креонту все, кроме самой Антигоны и Гемона, а в «Царе Эдипе» Эдип и Креонт обращаются так друг к другу, поскольку оба принадлежат к царской семье, один – так как разгадал загадку Сфинкса и стал действующим царём, другой – по праву рождения.

В «Антигоне» названия должности Креонта имеют принципиальное значение: так, сама Антигона называет его στρατῆγός (то есть «военачальник»), в то время как хор, страж и Исмена, обращаясь к нему, используют слова ἄναξ и βασιλεύς. Антигона, таким образом, выражает сомнение в законности правления Креонта, принижая его авторитет<sup>200</sup>. Она как бы игнорирует его право на трон, не называя его, что характеризует её отношение. Слово ἄναξ имеет древнее происхождение, встречается в микенском письме как *wa-na-ka* и обычно употреблялось в качестве титула единоличного правителя или бога – так оно употребляется и у Гомера<sup>201</sup>. Ἄναξ как обращение к богам встречается и в трагедиях Софокла. Обычно этот термин характеризует позицию более высокую, чем βασιλεύς, хотя оба слова могут обозначать самодержавного правителя – царя<sup>202</sup>. Βασιλεύς также возводится к микенскому аналогу – *qa-si-re-u*, в микенских табличках оно обычно обозначает вождя в широком смысле, локального правителя, не обладающего столь большой властью<sup>203</sup>. Ἄναξ также сближается по значению с латинским словом *dominus*, которое может называть хозяина, владыку, а также

<sup>200</sup> Simon, A. Das Gesetz in Sophokles' Antigone // Ereignis Literatur: Institutionelle Dispositive der Performativität von Texten. Bielefeld, 2014. – P. 248.

<sup>201</sup> Carlier, P. La royauté en Grèce avant Alexandre. – Strasbourg: AECR, 1984. – P. 45.

<sup>202</sup> HaCohen-Kerner, Ya., Nissan, E. Information Retrieval and Question Answering for Assisting Readers of the Late Antique to Medieval Corpora of the Aggadic Midrash // Language, Culture, Computation: Computational Linguistics and Linguistics: Essays Dedicated to Yaacov Choueka on the Occasion of His 75 Birthday, Part III. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2014. – P. 87.

<sup>203</sup> Carlier, P. Указ соч. С. 115.

применяться к богам<sup>204</sup>. Интересно, что ни один из переводчиков на латынь не использует слово *dominus* для перевода ἄναξ в контексте обращения к богам – возможно, потому, что оно связывается с христианским богом.

Что касается понятия τύραννος, то оно пришло, вероятно, из лидийского языка и, как правило, изначально не имело таких негативных коннотаций, как современное слово «тиран». Тем не менее, с самого своего появления понятия «тиран» и «тирания» имели отношение к единоличной власти, полученной необычным, чаще всего насильственным, путём<sup>205</sup>. В трагедиях Софокла слова τύραννος и τυραννίς могут иметь как нейтральный, так и пейоративный смысл. Например, в стихах 506-507 Антигона говорит: ἀλλ' ἡ τυραννίς πολλά τ' ἄλλ' εὐδαίμονεϊ / κάξεστιν αὐτῇ δρᾶν λέγειν θ' ἃ βούλεται<sup>206</sup>, очевидно, вкладывая в слово τυραννίς негативный смысл.

При переводе подобрать полноценные лексические соответствия для названий государственных должностей и глав государств затруднительно, поскольку лексико-семантическое поле «власть» сильно отличается в разных языках<sup>207</sup>. Так, в латинском языке для обозначения самодержавной власти использовались лексемы *rex* и *tyrannus*, которые после республиканского периода имели скорее негативный характер<sup>208</sup>, поэтому их сменили слова *imperator*, *dux* (первоначально, как и στρατηγός, связанные с военным командованием) и *princeps* (в период Республики – политический лидер, в период Империи – принцепс,

---

<sup>204</sup> Указ. соч. С. 142; в качестве обращения к богам ἄναξ наиболее часто встречается в партиях хора, поскольку обращение является «одной из организующих единиц, формирующих структуру большинства хоровых песен», а также выступает как фигура поэтического синтаксиса (Забудская, Я.Л. Элементы гимнической структуры в хоровых песнях греческой трагедии // Вопросы классической филологии. Вып. XIII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 80).

<sup>205</sup> Фролов, Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2001. – С. 67.

<sup>206</sup> Завидна жизнь царей: они лишь могут

И говорить, и делать, что хотят (пер. Ф.Ф. Зелинского).

<sup>207</sup> Вальтер, З.В. Лексико-семантическое поле «власть» в церковнославянских переводах с польского языка XVI–XVII вв. К проблеме адаптирующего перевода / З.В. Вальтер // Stephanos. – 2013. – № 6 (56). – С. 73.

<sup>208</sup> Audet, St. Agathocle de Sicile. Titres et pouvoir d'un acteur politique méditerranéen de la haute époque hellénistique (330-289 a.C.). – Québec: Université Laval, 2020. – P. 54-55.

носитель единоличной власти); таким образом, в период Империи по отношению к главе государства могли применяться сразу несколько терминов: *imperator*, *princeps* и *dux*<sup>209</sup>.

В предисловиях к рассматриваемым латинским изданиям отмечалось, что интерес к Софоклу – это не только филологический интерес к античности, но и интерес политический и этический, поскольку трагедии (и в первую очередь «Антигона») способны преподать нравственные уроки современным европейским правителям. Файт Винсхейм даже сопровождает свой перевод примечаниями на полях рядом с репликами Креонта, например, помета *Vox tyrannica* («голос тирана») присутствует при споре Креонта с Гемоном. То есть для переводчиков XVI в. слово *tyrannus* имеет куда более негативные коннотации, чем для самого Софокла, а перевод Винсхейма, в котором он настолько заостряет внимание на тиранических чертах Креонта, что посвящает им отдельные примечания, становится концептуальным, что, как отмечает В.Н. Ярхо<sup>210</sup>, очень важно для перевода древнегреческой трагедии. Итак, в переводных латинских версиях трагедий Софокла можно выявить следующие соответствия:

- ἄναξ практически всегда переводится как *rex*, причём часто встречается и вариант с заглавной буквы – *Rex*, особенно в качестве обращения. Файт Винсхейм в некоторых случаях вообще не переводит слово ἄναξ в функции обращения, опуская его. Это связано с общей лаконичностью, свойственной переводу Винсхейма: он стремился сделать текст менее нагруженным эпитетами и обращениями, поскольку его версии трагедий направлены *ad utilitatem juventutis* («на пользу юношества»), то есть преимущественно для обучающихся.

- Βασιλεύς встречается значительно реже и чаще всего переводится так же – *rex*, хотя у Лалемана и Раталлера иногда встречается вариант *princeps*.

---

<sup>209</sup> Andrés, G.H. Los términos "princeps, imperator y dux" a final de la república y principios del imperio romano: Tesis de Doctorado / Grogorio Hinojo Andrés.— Salamanca, 1976. – P. 3.

<sup>210</sup> Ярхо, В.Н. Рок. Грех. Совесть. (К переводческой трактовке древнегреческой трагедии) // Древнегреческая литература: Собрание трудов в 4-х т. Т. 2: Трагедия. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 306.

- Τύραννος и τυραννίς, как уже было сказано, могут быть как нейтральными наименованиями главы государства и единоличной формы правления соответственно, так и иметь некоторые негативные коннотации. В большинстве случаев τύραννος заменяется на аналогичное латинское слово *tyrannus*, иногда – на *rex*.

- Ἄρχων употребляется в стихе 156 «Антигоны» рядом с βασιλεύς (ἀλλ' ὅδε γὰρ δὴ βασιλεὺς χώρας / Κρέων ὁ Μενεκέως ἄρχων νεοχμὸς – «Но вот же и он, царь этой земли, Креонт, Менекеев сын, новый правитель»), поэтому в переводах обычно опускается, ведь на статус Креонта уже указывает слово βασιλεύς. Практически все переводчики вместо словосочетаний «царь страны» и «новый архонт» предпочитают составить одно словосочетание «новый царь страны», и лишь Файт Винсхейм использует оба обозначения статуса Креонта: *Sed Rex Urbis / Creon novus Dux...* («Но царь города, Креонт, новый вождь...»). Возможно также, что употребление рядом слов βασιλεύς и ἄρχων указывает на должность архонта-басилевса, то есть выборного царя, царя не по происхождению, существовавшую, например, в Афинах<sup>211</sup>.

- Στρατηγός используется Антигоной, когда она говорит о Креонте, как уже было упомянуто выше, не признавая его власть. Переводчики же как будто не замечают этой тонкости, наблюдаются варианты: *imperator*, *dux* и описательно – *regno qui praeest* («тот, кто находится у власти»). Винсхейм и Раталлер в своих переводах называют правителя не по должности, а по имени: в винительном падеже *Creontem* и *Creonta* соответственно, хотя в оригинале Антигона называет его по имени только в ироническом контексте, например, в стихах 31-32: τοιαῦτά φασι τὸν ἀγαθὸν Κρέοντα σοὶ / κάμοί, λέγω γὰρ κάμέ, κηρύξαντ' ἔχειν<sup>212</sup>. Поскольку номинация персонажей и обращения их друг к другу очень важны в художественном тексте, особенно в данном случае<sup>213</sup>, сохранение переводчиком исходной номинации

<sup>211</sup> Ленская, В.С. Архонт-басилевс в Афинах // Вестник древней истории. – 2001. – № 4 (239). – С. 127.

<sup>212</sup> Так приказал достойный наш Креонт / Всему народу, и тебе, и мне... (пер. Ф.Ф. Зелинского).

<sup>213</sup> Теперик, Т.Ф. «Антигона» Софокла в переводе Аполлона Григорьева: проблемы поэтики // Русская словесность. – 2023. – № 1. – С. 60.

сильно влияет на восприятие отношений между Антигоной и Креонтом, с первых строк трагедии указывая на конфликт между ними, как и в оригинале. В противном случае этот конфликт сглаживается и становится менее очевидным. Возможно, такое невнимание к отношению Антигоны вызвано тем, что в комментариях и предисловиях к трагедии переводчики уделяют больше внимания всё-таки фигуре Креонта как тирана, который слишком поздно раскаивается, осознав свои ошибки; Антигоне же и её протесту против власти тирана, как правило, посвящается не так много размышлений. Однако переводчики строго соблюдают различие между νόμοι (так свои приказы называет Креонт) и κηρύγματα – так их называет Антигона, а νόμοι и νόμιμα для неё – законы, установленные богами. В переводах νόμοι Креонта из его уст звучат как *leges*, Антигона же в большинстве версий называет их *edicta* (или *scita*), противопоставляя божественным законам – *leges* (или *jura*).

Итак, на месте греческих слов ἄναξ и βασιλεύς в переводе обычно используется *rex*, на месте τύραννος – также *rex* или аналогичное слово *tyrannus*, на месте ἄρχων и στρατηγός – *dux*. Однако, несмотря на довольно чётко вырисовывающееся во всех переводах соответствие, у каждого перевода – свои акценты, свои штрихи.

Так, первый перевод «Антигоны», выполненный итальянцем Джованни Габио, отличается буквализмом и чётким соответствием древнегреческих и латинских слов при переводе, не допускающим вариантов.

Файт Винсхейм иногда опускает термины власти, если они функционируют в качестве обращения, и может не придерживаться чёткого соответствия лексем (так, ἄναξ может переводиться и как *rex*, и как *princeps*, особенно когда речь идёт не конкретно о Креонте, а о «владыках Фив»: Θήβης ἄνακτες – *Thebani principes*). Также Винсхейм отмечает в предисловии, что трагедии позволяют правителям учиться на ошибках Креонта и Эдипа даже в нынешнее время, когда земля пылает от бесконечных войн и царит век жестокости (Винсхейм, как ярый приверженец Реформации, имеет в виду те преследования, которые она встречала на своём пути); именно с целью нравственного воспитания он снабжает свой перевод примечаниями на полях, указывающими на «тираническое» (*tyrannicum*) поведение

Креонта. Он также сопровождает свой труд письмом-посвящением *regi Angliae et Franciae Eduardo* («королю Англии и Франции Эдуарду») – вероятно, имеется в виду Эдуард VI, вступивший на престол всего в 9 лет, однако весьма сведущий в латыни и древнегреческом<sup>214</sup>. Он был сыном Генриха VIII, деспотичного и противоречивого правителя. Вполне вероятно, что Винсхейм, надеясь, что сын Генриха не пойдёт по его стопам, заранее предупреждал юного короля об опасностях абсолютной власти.

Георг Раталлер также обращается во вступительном письме к государственному деятелю – Фредерику Шампанье, участнику Нидерландской революции за независимость и будущему губернатору Антверпена<sup>215</sup>, отмечая, что античные трагедии помогают воспитывать достойных граждан, показывая падение великих царей и превратности судьбы.

Жан Лалеман и Георг Раталлер вводят в перевод ещё один термин – *procer*, обозначающий представителя аристократии: сочетание *Thebani proceres* («фиванская аристократия») встречается в их версиях на месте уже упомянутых Θῆβης ἄνακτες. Томас Наогеорг же предпочитает называть их *Thebes magistri*, вводя другой термин, *magister* – лицо, занимающее какую-либо государственную должность. Таким образом, все переводчики, кроме буквалиста Габио, подчёркивают различие статусов Креонта как единоличного правителя (*rex*) и фиванской аристократии (*principes, proceres или magistri*), хотя в оригинале во всех этих случаях используется одно и то же слово – ἄναξ.

Кроме примеров, где лексема ἄναξ употребляется как обозначение главы государства, включая обращение к нему, в трагедиях она встречается и как эпитет бога, в первую очередь, Аполлона (Φοῖβος Ἄναξ – «Феб-владыка»); в таком случае в переводе это слово может опускаться, однако чаще ему соответствует всё тот же *rex*. Особый интерес представляют стихи 284-285 трагедии «Царь Эдип», в которых два раза употреблено слово ἄναξ, и оба раза не в качестве названия главы

---

<sup>214</sup> Конский П.А. Эдуард VI // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XL: Шуйское – Электровозбудимость. – СПб., 1904. С. 181-182.

<sup>215</sup> Бутенко, А.В. Шампанье, Фредерик // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIX: Шенье – Шуйский монастырь. – СПб., 1903. С. 139.

государства: ἄνακτ' ἄνακτι ταῦθ' ὀρώωντ' ἐπίσταμαι / μάλιστα Φοῖβῳ Τειρεσίαν («Я знаю, что владыка Тиресий несомненно видит (предвидит) больше всего то же, что владыка Аполлон»). Эту фразу практически никто из исследуемых гуманистов не переводит буквально; так, Винсхейм убирает эпитет «владыка» и у Феба, и у Тиресия: *Scio Tiresiam eandem divinandi vim habere, quae Phoebus est* («Я знаю, что Тиресий имеет такую же силу прорицания, какая есть у Феба»), а Лалеман, напротив, добавляет свои эпитеты: Тиресия он называет *augustus* («священный»), а Феба – *rex et eximius ille Phoebus* («владыка и тот самый выдающийся Феб»). Раталлер в своём переводе не называет ни Феба, ни Тиресия «владыкой», а просто замечает, что Тиресий выдаётся искусством предсказания среди людей так же, как Аполлон – среди богов: *deos ut inter Apollo, Tiresias ita fatidica in hominibus arte praestat*.

Итак, можно предположить, что переводчики намеренно уменьшают контексты, в которых употребляется слово *rex*: прослеживается тенденция использовать его как перевод древнегреческого ἄναξ только для обозначения непосредственно царей, единоличных правителей, в то время как для случаев, где слово ἄναξ используется как почтительное обращение к представителям аристократии или богу, гуманисты стремятся использовать другие термины или эпитеты. В качестве обращения слово ἄναξ может быть и вовсе опущено при переводе, что встречается в версиях Винсхейма и Раталлера.

Нельзя не отметить разнообразие подходов к переводу, несмотря на некоторые общие тенденции. Несомненно, что перевод названий глав государств был крайне важным пунктом переводческой работы, поскольку в предисловиях к изданиям переводчики подчёркивают уязвимость человека к роковым стечениям обстоятельств (в «Царе Эдипе») и тираноборческий пафос (в «Антигоне»). Большинство переводчиков крайне внимательны к номинациям глав государств, а перевод Файта Винсхейма вполне можно назвать концептуальным. С помощью своих версий античных трагедий переводчики могут даже напрямую обращаться к монархам, призывая их учиться на ошибках мифических царей, поскольку



античная трагедия имела для деятелей XVI в. не только литературную, но и общественно-политическую, а также гуманистическую ценность.

Подробное сопоставление терминов власти, употребляемых переводчиками, приведено в приложении 6, с. 176. Стоит отметить, что подобная таблица даётся в статье К. Райан<sup>216</sup>, однако в ней приводятся примеры только из «Антигоны», а также не упоминаются переводы Эрве, Наогеорга и Уотсона.

### **б) Перевод теонимов и эпитетов богов<sup>217</sup>.**

Имена божеств – теонимы – представляют собой особый тип ономастики, поскольку отражают религиозную картину мира<sup>218</sup>. К древнегреческим богам могли обращаться тремя способами: только по имени (в повествовательной речи или повседневном контексте), только с помощью эпитета или по имени с прибавлением эпитета (в клятвах, молитвах, гимнах)<sup>219</sup>. И хотя значение и применение далеко не всех божественных эпитетов является понятным, очевидно, что упоминание определённого эпитета бога было важной составляющей обращения к нему.

Неудивительно, что перевод эпитетов богов представлял сложность для переводчиков; операции с единичными понятиями, в частности, именами собственными, предполагают принятие ряда серьёзных решений: например, ограничиться транслитерацией названия или найти для него эквивалент в языке перевода<sup>220</sup>. Поскольку в трагедиях религиозная составляющая играет большую роль и тесно связана с политической<sup>221</sup>, будут рассмотрены способы передачи

---

<sup>216</sup> Ryan, C. *Sophocles Sublimis // Anabases*. – 2015. – №21. – Pp. 79-97.

<sup>217</sup> Данные научные результаты опубликованы в статье: Преснова, Н.В. Греческие теонимы и их латинские соответствия (на материале переводов трагедии Софокла «Эдип в Колоне», выполненных в XVI веке) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – 2024. – № 28-2. – С. 1295-1304.

<sup>218</sup> Алексеев В.И. *Nomina sacra: теонимы как особый тип ономастического пространства* // *Вестник ИГЛУ*. – 2012. № 3(20). – С. 34.

<sup>219</sup> Parker, R. *The problem of the Greek cult epithet* // *Opuscula Atheniensia*. – 2003. – № 28. – P. 180.

<sup>220</sup> Гарбовский, Н.К. *Теория перевода: Учебник*. – Москва: Изд-во МГУ, 2004. – С. 469.

<sup>221</sup> Винничук, Л. *Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима*. Пер. с польск. В.К. Ронина. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 360.

греческих теонимов и эпитетов богов, используемые переводчиками. Особенно важна трагедия Софокла «Эдип в Колоне», поскольку в ней Афины и их окрестности предстают как наследник силы Эриний, преследующих людей за преступления, то есть Афины – духовный моральный лидер всей Греции<sup>222</sup>. Поэтому упоминания Эриний-Эвменид и их эпитетов встречаются в тексте трагедии часто и имеют особое значение. Так, Софокл использует эпитеты *πότνια* («владычицы»), *δεινῶπες* («с ужасным взором»), *μεγάλοι* («великие»). Вероятно, именно Эринии имеются в виду в четвёртом стасиме в качестве *χθόνια θεαί* (Soph. OC 1568, Jebb 1899: 55).

Передача эпитета-композиата *δεινῶπες* («со страшным взором») представляет сложность для перевода, поскольку для латинского языка композиты в целом характерны меньше, чем для греческого<sup>223</sup>. В большинстве случаев гуманисты предпочитают не создавать неологизмы, способные передать внутреннюю форму греческого эпитета, а перевести его описательно. Например, эпитет Посейдона «земледержец» (*τὸν πόντιον γαῖόχορον* – «морского земледержца», Soph. OC 1072-1073) Габио переводит как *marina terram continens* («державший морскую землю»), Винсхейм вводит придаточное предложение и добавляет латинское имя бога: *qui mari praeest Neptunus* («который стоит во главе моря, Нептун»). Раталер также добавляет имя бога и называет его просто «морской Нептун» (*Neptunus aequoreus*). Лалеман переводит эпитет *γαῖόχορος* как *concussor terrae* («сотрясатель земли»), Наогеорг – как *maris imperator* («владыка моря»). Таким образом, для подобных эпитетов все переводчики выбирают описательный перевод, а некоторые (Винсхейм и Раталер) вводят в свой перевод и поясняющий элемент, что облегчает восприятие текста читателем, который, возможно, не знаком с тонкостями мифологии<sup>224</sup>. Поскольку известно, что перевод Винсхейма создавался в учебных целях, неудивительно, что для

<sup>222</sup> Lardinois, A. Greek Myths for Athenian Rituals: Religion and Politics in Aeschylus' 'Eumenides' and Sophocles' 'Oedipus Coloneus' // Greek, Roman and Byzantine studies. – 1992, № 33 (4). – P. 327.

<sup>223</sup> Taylor, B. Lucretius and the Language of Nature. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 6.

<sup>224</sup> Ананьина, М.А., Ускова, Б.А. Трудности передачи лингвокультурной информации при переводе аллюзий на русский язык // Lingua mobilis. – 2014. – № 2 (48). – С. 24.

пояснения мифологических аллюзий или реалий часто используется дополняющий перевод. Например, когда речь идёт об Аполлоне и Артемиде, у Софокла она упоминается просто как «сестра» (κασιγνήτη); Винсхейм же также добавляет её латинское имя: *soror Diana*.

Пояснения могут быть вынесены и в виде примечаний на полях: особенно часто такие примечания встречаются у Наогеорга в его переводе «Эдипа в Колоне». Например, на словосочетание *inferna dea* («подземная богиня», в оригинале νερτέρα θεός) даётся примечание: *Proserpina*, на словосочетание *gnate terrae ac Tartari* («сын земли и Тартара», в оригинале – ὦ Γᾶς παῖ καὶ Ταρτάρου) – *Cerberus*. У других переводчиков также встречаются примечания, касающихся мифологических реалий.

Иногда переводчики прибегают к транслитерации эпитетов-композигов: например, буквалист Габио оставляет эпитет γλαυκῶπις (γλαυκῶπις Ἀθήνα – «светлоокая Афина») без перевода и лишь транслитерирует его: *Glaucopis Minerva*. Прочие переводчики используют слово *caesius* («серо-голубой», «сероглазый», «голубоглазый»). Это слово, говоря о глазах Минервы, употребляет и Цицерон в трактате «De natura deorum» (Cic. N.D. I, 30, 83). Однако это слово, хоть и соответствует по значению γλαυκῶπις, не является композитом. Тем не менее, большинство переводчиков придерживается школы перевода *ad sensum* (перевод по смыслу), поэтому для них сохранение всех греческих композигов не столь важно, если существует латинский эквивалент, пусть и не являющийся сложным словом.

Габио и Лалеман транслитерируют также эпитет Деметры εὐχλοος («зелёная») – *Ceres Euchloa*. Итальянец, вероятно, делает это из соображений буквализма, француз – из метрических соображений. Перевод Лалемана, как было упомянуто выше, в отличие от перевода Габио, эквиритмический, а транслитерация терминологических культовых понятий часто позволяет решить метрические задачи<sup>225</sup>. Раталлер опускает эпитет, возможно, также из

---

<sup>225</sup> Теперик, Т.Ф. Поэтика перевода и поэтика мотива: «Эдип-царь» в переводе Д.С. Мережковского // Мережковские и Европа. – М. : ИМЛИ РАН. – 2023. – С. 51.

метрических соображений, Винсхейм использует композит, не вполне соответствующий по значению, но имеющийся в латинском языке – *frugifera* («плодоносная»), а Наогеорг – образованное по той же модели сложное прилагательное *graminifera* («приносящая зелень»).

Впрочем, иногда для греческого сложного эпитета переводчики всё же находят соответствующий композит в латинском языке. Например, для эпитета Ареса χαλκοβόας («медноголосый», «с медным криком») Габио выбирает перевод *aereasonans* («меднозвучающий»), Винсхейм – *ferristrepus* (букв. «железозвучный»). Скорее всего, это связано с тем, что в классической латыни существовали композиты с корнем *ferr-*, в том числе близкий по значению *ferricrepinus* («звонящий железом», «лязгающий»<sup>226</sup>). Однако другие переводчики используют эпитеты *resonans* – «отдающийся звуком» (Лалеман) или *clamosus* – «крикливый» (Наогеорг). Раталлер же вновь опускает этот эпитет.

Если переводчики сталкиваются с композитом, для которого не могут найти полного или частичного соответствия в латинском языке, они, как уже было сказано выше, переводят его описательно.

Что касается самих теонимов, то перевод тех из них, для которых есть латинский эквивалент (Зевс – Юпитер, Артемиды – Диана, Афродиты – Венера и т.д.) не вызывает сложностей, но при переводе имён архаических богов, олицетворяющих время суток или явление (Ночь, Мрак и т.д.), наблюдается некоторое разнообразие. Во-первых, далеко не всегда при переводе эти теонимы пишутся с заглавной буквы: например, стих 39 «Эдипа в Колоне», где Эринии называются дочерьми Земли и Мрака (т.е. Геи и Скотоса), в переводе Винсхейма выглядит так: *terribiles Deae, terrae & noctis filiae* («ужасные богини, дочери земли и ночи»). Таким образом, для переводчика реальное мифологическое происхождение Эриний уже не имеет значения, а выражение «дочери земли и ночи» воспринимается им скорее как развёрнутая метафора. В переводах Габио

---

<sup>226</sup> Oxford Latin Dictionary / A. Souter, C. Bailey, J. M. Wyllie, P.G.W. Glare, ed. – Oxford: Clarendon Press, 1968. – P. 691.

и Наогеорга Эринии называются дочерьми земли и мрака (*terraeque & tenebrarum filiae*). Цицерон в трактате «О природе богов» упоминает божество *Tenebrae*, рождённое от Ночи и Эреба (Cic. N.D. III, 17, 44). Тем не менее, в рассматриваемых переводах речь идёт скорее о метафоре, а не о реальном происхождении богинь. Из всех переводчиков лишь Раталлер использует существительные, которые могут осмысляться как теонимы: он называет Эриний дочерьми Теллус (или Теллуры, римской богини земли; от *Tellus* – «почва») и Эреба (Мрака). Вероятно, Скотос отождествляется с Эребом, поскольку оба теонима переводятся как «мрак». Для Эреба в латинском пантеоне нет соответствия, поэтому используется транслитерация. Однако слово *tellus* в переводе Раталлера всё же не пишется с заглавной буквы, так что возникают сомнения в том, что он пытался воссоздать теонимы, соответствующие именам настоящих «родителей» Эриний.

Теонимы, являющиеся олицетворением каких-либо качеств (например, имя богини справедливости Дики – от Δίκη, «справедливость») также могут переводиться по-разному. Например, Лалеман прибегает к транслитерации, называя богиню *Dice*, Габио и Винсхейм пользуются латинскими понятиями (*Justitia* – «справедливость» – у Габио и *Vindicta* – «[справедливое] мщение, наказание» – у Винсхейма), Раталлер также добавляет слово *Dea*, называя Дику *Dea vindicta* («богиня-мщение»). Стоит обратить внимание, что на этот раз теоним или слово «богиня» пишется с заглавной буквы. Можно предположить, что олицетворение мрака, земли или ночи ассоциировалось у христианских переводчиков с язычеством, в то время как олицетворение таких качеств, как справедливость, их не смущало, поскольку персонажи-аллегии качеств и понятий были характерны для моралите – весьма актуального театрального жанра в XVI в.<sup>227</sup>.

Итак, наибольшее разнообразие наблюдается при переводе теонимов, совпадающих с названиями времени суток, природных явлений или

---

<sup>227</sup> Некрасова, И.А. Театральный жанр моралите и духовные конфликты XVI века // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – № 2 (4). – С. 1088.

абстрактных качеств (Никта-Ночь, Скотос-Мрак, Дике-Справедливость и т.д.). Они могут восприниматься как имена нарицательные и не писаться с заглавной буквы, в таком случае речь идёт уже о поэтическом, метафорическом осмыслении текста. Во-вторых, может встречаться двоякое соответствие латинских и греческих эквивалентов: так, греческий Скотос в латинском переводе может встречаться как Тенебре, Эреб или даже Нокс. Многообразие вариантов отмечается и при переводе эпитетов-композигов. Здесь также можно выделить несколько основных способов перевода: описательный, когда композит заменяется словосочетанием; перевод латинским композитом-калькой; опущение эпитета. Подробное сопоставление вариантов перевода теонимов представлено в приложении 7, с. 179.

### **с) Перевод лексики, отражающей мифологему судьбы.**

В древнегреческой трагедии лексика, принадлежащая к семантическому полю «судьба», играет очень важную роль<sup>228</sup>. Главными словами, характеризующими судьбу, являются: δαίμων («демон»), μοῖρα («удел»), ἀνάγκη («необходимость») и τύχη («случай»). Однако все эти лексемы являются разными ипостасями судьбы: τύχη – проявление случайности, случая, но одновременно – всеобщей необходимости; однако τύχη связана именно с человеческим представлением о судьбе как о череде случайностей, в то время как ἀνάγκη и μοῖρα связаны с объективным, истинным представлением о судьбе<sup>229</sup>. Но при этом μοῖρα обозначает «индивидуальную» судьбу, ἀνάγκη же – всеобщую. Δαίμων также связан с индивидуальной судьбой человека: «демон» насылает на человека какие-либо чувства или побуждает совершить какой-либо поступок<sup>230</sup>.

<sup>228</sup> Для религиозного сознания судьба – «обязательный компонент переживаемых событий. Она является проявлением высших сил, действие которых ощущает на себе человек (Гак, В.Г. Языковые преобразования. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 54).

<sup>229</sup> Михайлова О.В. Судьба в структуре трагедии Софокла «Царь Эдип» // Вопросы классической филологии. Вып. XIII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 71-72.

<sup>230</sup> Указ. соч. С. 72.

В переводах наиболее регулярное соответствие обнаруживается между словами τύχη и *fortuna*, так как оба они предполагают изменчивость и непредсказуемость судьбы. Перевод *fortuna* используется практически во всех контекстах (у Винсхейма также встречается *sors* – «жребий», но реже). В реплике Эдипа (ОТ, 80) ὄναξ Ἀπολλων, εἰ γὰρ ἐν τύχῃ γέ τῳ σωτήρι βαίῃ («владыка Аполлон, о если бы он пришёл нам на радость = букв. «в спасительной судьбе») некоторые переводчики также не используют слово *fortuna*: так, Винсхейм переводит ἐν τύχῃ γέ τῳ σωτήρι как *felici auspicio* («со счастливым предзнаменованием»), Раталлер – как *sidere prospero* («с благоприятным созвездием»).

Лексема δαίμων также чаще всего переводится как *fortuna*, однако буквалист Габио оставляет её без перевода: *tuam daemonem*, а Раталлер выбирает вариант *fortunae tuae incertae vices* («неопределённые перипетии твоей судьбы»), возможно, чтобы показать, что имеется в виду именно индивидуальный путь Эдипа, его «личный» демон, индивидуальная судьба.

С переводом слова μοῖρα расхождений практически не наблюдается: все переводчики используют вариант *fatum* или *fata*.

Что касается ἀνάγκη, в случае, когда лексема употребляется в конструкции ἀνάγκη ἐστί («необходимо»), наблюдаются разные варианты: некоторые переводчики используют описательное спряжение с герундивом (Винсхейм и Раталлер), Наогеорг – конструкцию *opus est*, Лалеман – безличное употребление *decet* («приличествует»). В тех контекстах, где ἀνάγκη обозначает судьбу и божественную необходимость, большинство переводчиков использует слово *necessitas* («необходимость»), у Раталлера также встречается перевод *exitium* («исход, гибель») в ст. 877 «Царя Эдипа», где упоминается ὕβρις («дерзость, бесчинство»), которая стремглав несётся в Необходимость, т.е. к предопределённому свыше печальному концу.

Итак, можно заключить, что переводчики не испытывают каких-либо особых сложностей с переводом лексики, отражающей мифологему судьбы; большинство придерживаются строгого соответствия между греческими и латинскими обозначениями. Например, чётко маркируется различие между τύχη-*fortuna* и

μοῖρα-fata. Однако в латинском переводе часто стирается граница между τύχη и δαίμων, поскольку обе лексемы в большинстве случаев переводятся как *fortuna*.

### 3.2.3. Грамматические особенности<sup>231</sup>.

#### а) Перевод конструкции *Genetivus absolutus*.

Древнегреческий язык обладает большой синтаксической гибкостью и может формировать абсолютные конструкции с причастиями в любом падеже, однако наиболее часто встречающейся и развитой конструкцией является *Genetivus absolutus*<sup>232</sup>.

В основном переводчики не стремились воспроизводить синтаксическую модель греческого подлинника средствами латинского языка. Однако *Genetivus absolutus* нередко передаётся в латинском переводе с помощью *Ablativus absolutus* (например, ὦ σχετλία, Κρέοντος ἀντειρηκότος; – O misera, Creonte contradicente? – «несчастливая, при том, что Креонт против?») Переводы таких контекстов с *Genetivus Absolutus* (в «Антигоне» их всего пять) представлены в приложении. В некоторых случаях смысл фрагмента позволяет в результате небольшого преобразования получить вместо оборота с независимым падежом дополнение в инструментальной функции, стоящее в аблативе без предлога или с предлогом *cum* (см. приложение 8, с. 182).

#### б) Перевод причастий.

Интерес вызывает и то, как переводчики подходят к переводу аористных активных причастий, аналогов которых нет в латинском языке. Здесь наблюдается несколько стратегий: наиболее распространённой является перевод активными причастиями настоящего времени. Однако при этом теряется оттенок

---

<sup>231</sup> Данные научные результаты опубликованы в статье: Преснова, Н.В. Латинские ренессансные переводы «Эдипа в Колоне»: *ad verbum* и *ad sensum* // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), № 4, 2023. – С. 103-112.

<sup>232</sup> Муханова, В.В. О природе вариативности абсолютных конструкций в греческом языке // Вопросы классической филологии. Выпуск XIII. *Argumenta classica*: труды молодых учёных. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 136.



завершённости действия: например, когда в оригинале стражники садятся следить за тем, чтобы никто не приближался к мёртвому телу Полиника, «очистив с него прах» и «обнажив сгнивший труп» (πᾶσαν κόνιν σήραντες, ἣ κατεῖχε τὸν νέκυν, μυδῶν τε σῶμα γυμνώσαντες εὖ – Soph. Ant. 409-410), во многих переводах употребляется активное причастие настоящего времени, см. в переводе Габио – *omnem pulverem expurgantes putrefactumque cadaver nudantes bene*. Такой перевод может создать впечатление, что эти действия совершались параллельно с тем, как стражи сидели и охраняли труп, а не перед этим: «весь прах очищая и сгнивший труп как следует обнажая». Точный перевод причастий важен для отражения видовременных отношений: причастия позволяют создать «визуальную картину многопланового действия»,<sup>233</sup> поэтому нарушение видовременной соотнесённости, заложенной в оригинале, приводит к искажению смысла.

Также довольно часто при переводе Participium aoristi activi встречается переход конструкции в пассивный залог и употребление Ablativus absolutus с пассивным страдательным причастием (например, те же строки 409-410 Жантьен Эрве переводит следующим образом: *terra remota, pulchre repurgatoque glebis corpore*). Наименее распространённый вариант – перевод с помощью придаточного предложения времени или просто глагола в перфекте, например, у Раталлера: *detersimus mox pulverem, tabique corpus diffluens nudavimus*. Встречается и более радикальный способ справиться с данной проблемой – опустить причастие, если оно не несёт на себе серьёзной смысловой нагрузки. Так часто поступает Винсхейм, который вообще склонен избавляться от всего «лишнего» в своём переводе: могут опускаться причастия, эпитеты, ряды однородных членов.

Джованни Габио предпочитает давать два варианта перевода: с активным причастием настоящего времени – в самом тексте, с пассивным перфектным причастием – в примечании на полях.

<sup>233</sup> Муханова, В.В. Употребление причастий у Плутарха // Вопросы классической филологии. Вып. XII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 255.

Подробнее разные способы перевода активных аористных причастий приведены в таблице (см. приложение 9, с. 187).

Таким образом, неправильный подбор латинских эквивалентов синтаксических конструкций может приводить к искажению смысла и нарушению временных отношений. Наблюдается разнообразие переводческих решений этой проблемы: часто выбор того или иного способа зависит от контекста, а также может быть обусловлен метрически.

### с) Способы выражения цели.

В древнегреческом языке цель может выражаться с помощью союза ὥς, после которого следует причастие будущего времени (ὥς + participium futuri). В латинском языке этой конструкции соответствует супин, союз *ut* с глаголом в коъюнктиве или (редко) причастие будущего времени, но без союза<sup>234</sup>. Габрио же объединяет в своём переводе союз *ut* и причастие будущего времени; например, стих 71 «Эдипа в Колоне» (ὥς πρὸς τί λέξων ἢ καταρτύσων μολεῖν; – «чтобы сказать что-то или подготовить приход [афинского царя]?») он переводит буквально, то есть калькирует греческую синтаксическую конструкцию: *ut ad quid dicturus, vel praeparaturus veniret*. Другие переводчики используют конъюнктив, причастие будущего времени без союза *ut* или личные формы будущего времени:

Винсхейм: Quid ille **dicet**? an ut veniat **hortabitur** ipsum? (Futurum indicativi activi)

Лалеман: An quid **dicturus**, an **jussurus** veniat? (Participium futuri)

Наогеорг: Quid **dicat** ille, **comparetque** nuntius? (Praesens conjunctivi activi)

Раталлеп: Quid illi nuntii **portabit**, ane ut veniat huc **hortabitur**? (Futurum indicativi activi)

Все эти варианты, несомненно, лучше соответствуют синтаксической структуре латинского языка, поэтому неудивительно, что переводы *ad sensum* превосходят по количеству переводы *ad verbum* и чаще переиздаются.

---

<sup>234</sup> Черный Э. Греческая грамматика. Часть I. Греческая этимология. Часть II. Греческий синтаксис. / Под ред. Д.В. Бугая. – М.: Академический проспект, 2008. – С. 573.

### 3.2.4. Перевод сентенций и соблюдение границ сентенции<sup>235</sup>.

Употребление в речи кратких высказываний общего содержания (гном, сентенций и афоризмов), а также их цитирование и объединение в сборники имеет очень давнюю традицию. Ещё Аристотель упоминает такие изречения (γνῶμαι) в Риторике и советует пользоваться ими в речах (Arist. rhet. 2.21). Основные критерии сентенции – содержательный (выражает нравственные истины), функциональный (используется как средство убеждения) и формальный (представляет собой обобщённое высказывание), при этом наиболее важным является формальный критерий<sup>236</sup>. Довольно часто сентенции могут иметь и грамматический способ выражения: глагол ἐστί в сочетании с прилагательным или существительным; конструкции с οὐκ ἐστί («невозможно»), ἔοικεν («приличествует», «подобает»), χρή («необходимо», «следует»); предложения с подлежащим, выраженным местоимением τίς в значении «всякий»; предложения, в которых субъектом выступает собирательный образ (родитель, правитель и т.д.)<sup>237</sup>.

Сентенции, несомненно, привлекали внимание переводчиков XVI в., так как с началом эпохи Возрождения книги сентенций, извлечённых из различных античных авторов, получают всё большее распространение и популярность<sup>238</sup>. Кроме этого, неоднократно издаётся «Антология» Иоанна Стобея, византийского компилятора V века, собравшего цитаты античных авторов и расположившего их по тематическому принципу<sup>239</sup>. Значимое место в литературе XVI века принадлежит труду *Polyanthea* Доминика Нана Мирабеллия, впервые опубликованному в 1503 году и представляющему собой сборник цитат из

---

<sup>235</sup> Данные научные результаты опубликованы в статье: Преснова, Н.В. Особенности перевода сентенций (на материале латинских переводов «Антигоны» Софокла в XVI в.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2022. – № 26-2. – С. 977-986.

<sup>236</sup> Мостовая, В. Г. Функция сентенций в гомеровском эпосе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Мостовая Вера Геннадиевна. – М., 2008. – С. 27.

<sup>237</sup> Ук. соч. С. 29-30.

<sup>238</sup> Encyclopedia of Renaissance Philosophy / M. Sgarbi, ed. – Dordrecht: Springer International Publishing, 2022. – P. 799.

<sup>239</sup> Пичугина, В.К. Homo ineptus или homo sapiens: Иоанн Стобей и его универсальное знание в образовательном пространстве Поздней Античности / В.К. Пичугина // НΥΡΟΤΗΚΑΙ. – 2019. – № 3. – С. 87.

произведений более 150 авторитетных авторов, от древнегреческих до Данте<sup>240</sup>. Цитаты эти, как правило, имеют обобщённо-личный характер, то есть являются сентенциями. Ещё более известен сборник “*Adagia*” Эразма Роттердамского, впервые опубликованный в 1500 г. Он содержит античные пословицы, встречающиеся в произведениях Гомера, Цицерона, античных комедиографов, трагиков и философов. *Adagia* многократно перерабатывались автором и переиздавались – особенно известно Базельское издание 1515 года<sup>241</sup>.

Первое печатное издание сентенций Софокла появляется в 1545 году в Риме. На титульном листе книги сообщается: *Hoc libello haec continentur. Sophoclis tragici poetae vita non prius in lucem edita. Ejusdem Poetae sententiae pulcherrimae, interprete Bartholomeo Marliano* («В данной книге содержится следующее: биография трагического поэта Софокла, не первый раз изданная в свет; этого же поэта красивейшие сентенции, в переводе Бартоломео Марлиани»). Бартоломео Марлиани – итальянский топограф, наиболее известный своим трудом «Топография Древнего Рима» (*Antiquae Romae topographia*), опубликованным в 1534 г.)<sup>242</sup>. Он также интересовался древнегреческой литературой: в его личной библиотеке находились многочисленные рукописи античных авторов, которые он затем завещал Библиотеке Анджелика в Риме<sup>243</sup>, однако сборник сентенций Софокла был единственной его публикацией, связанной с литературными произведениями Античности. Издание начинается с предисловия, затем следует *Vita Sophoclis* («Жизнеописание Софокла») – биографическое сочинение, сохранившееся в ряде рукописей; оригинал на древнегреческом языке приведён вместе с параллельным переводом на латынь. Основную часть издания составляют сентенции из семи сохранившихся трагедий (они также представлены в оригинале и в латинском переводе). Так, из трагедии «Аякс-биченосец» приводится 52

---

<sup>240</sup> Collison, R. *Encyclopedias: Their History throughout the Ages*. – New York and London, 1964. – P. 76-77.

<sup>241</sup> Маркиш, С.П. Знакомство с Эразмом из Роттердама. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 68.

<sup>242</sup> Albanese, M. Bartolomeo Marliani // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 70 / F. Pintor, A. Frugoni, A.M. Ghisalberti, ed. – Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana.

<sup>243</sup> там же.

сентенции, из «Электры» – 24, из «Царя Эдипа» – 24, из «Антигоны» – 52, из «Эдипа в Колоне» – 23, из «Трахинянок» – 24.

Интерес к сентенциям в эпоху Возрождения проявляется не только в создании соответствующих сборников, но и в маркировании сентенций в изданиях текстов самих трагедий: в большинстве случаев это делается с помощью кавычек на полях. Такой способ обозначения нравоучительных высказываний общего характера закрепляется как раз в XVI веке<sup>244</sup>. Подобные обозначения можно встретить в большинстве из рассматриваемых изданий: Габио, Лалемана, Наогеорга, Раталлера и Уотсона. В переводах Наогеорга сентенции также пронумерованы и вынесены в конец издания отдельно, о чём сообщается на титульном листе: *Collectae sunt etiam γνῶμαι, dictaque proverbialia ex hisce Tragoediis, ... adque finem Operis adjectae Graece et Latine* – «собраны также гномы и пословицы из этих трагедий и в конце книги приведены на греческом и латыни».

Наибольшее количество сентенций маркируется в самых поздних из рассматриваемых изданий – Наогеорга, Раталлера и Уотсона; их количество нередко превышает количество сентенций, приведённых в сборнике Марлиани. В изданиях Габио и Лалемана, напротив, маркируется существенно меньше сентенций. Однако наибольшей популярностью у переводчиков пользуются следующие:

1. В трагедии «Царь Эдип» все переводчики отмечают стихи 609-615 из монолога Креонта:

οὐ γὰρ δίκαιον οὔτε τοὺς κακοὺς μάτην  
χρηστοὺς νομίζειν οὔτε τοὺς χρηστοὺς κακοῦς.  
φίλον γὰρ ἐσθλὸν ἐκβαλεῖν ἴσον λέγω  
καὶ τὸν παρ' αὐτῷ βίοντον, ὃν πλεῖστον, φιλεῖ.  
ἀλλ' ἐν χρόνῳ γνῶσει τάδ' ἀσφαλῶς, ἐπεὶ  
χρόνος δίκαιον ἄνδρα δείκνυσιν μόνος:

---

<sup>244</sup> Houston, K. Shady characters: the secret life of punctuation, symbols & other typographical marks. – New York, London: W. W. Norton., 2013. – P. 99.

κακὸν δὲ καὶ ἐν ἡμέρᾳ γνοίης μᾶ <sup>245</sup>.

При этом Марлиани делит эту сентенцию на две части: *Non aequum est, nec malos temere bonos, nec bonos malos esse, exisitimare* («Несправедливо необдуманно считать ни плохих хорошими, ни хороших плохими») и *Solum tempus indicat virum bonum: / malum autem vel uno die cognosces* («Лишь время показывает хорошего мужа; плохого же узнаешь в один день»). Сентенция мотивирует оправдание Креонта: он намекает Эдипу, что он потеряет лучшего друга, если изгонит его из города<sup>246</sup>. Джованни Габио даёт дословный перевод сентенции, остальные гуманисты переводят её более свободно, но всё же близко к тексту.

Все переводчики также отмечают стихи 1430-1431 «Царя Эдипа» (и снова – в реплике Креонта):

τοῖς ἐν γένει γὰρ τὰγγενῇ μάλισθ' ὁρᾶν

μόνοις τ' ἀκούειν εὐσεβῶς ἔχει κακά.

(«Только тем, кто одного рода, больше всего подобает видеть и слышать родственные несчастья»).

Эти строки мотивируют приказ Креонта хору: не слушать просьб Эдипа об изгнании, а забрать его домой, поскольку в несчастье нужно быть рядом с родными<sup>247</sup>. Данную сентенцию Жан Лалеман переводит весьма пространно, что вообще является особенностью его перевода:

Cognatis etenim solis vel maxime,

Adversos casus proximorum genere,

Adnataque mala & auribus capessere,

Et haurire oculis, summa est religio,

---

<sup>245</sup> Противно правде – и дурных напрасно

Считать друзьями, и врагами добрых.

Кто друга верного изгнал, – тот жизни

Своей любимейший отрезал цвет.

Что ж, час придет – поймешь ты, что ты сделал.

Одно лишь время – добрым оправданье,

Других же в день ты уличишь один (пер. Ф.Ф. Зелинского).

<sup>246</sup> Теперик, Т.Ф. Функция сентенций в трагедиях Софокла: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Теперик Тамара Фёдоровна. – М., 1984. – С. 108.

<sup>247</sup> Указ. соч. С. 118.

Pietatisque opus.

(«Действительно, больше всего одним только родственникам неблагоприятные происшествия ближних по роду и родственные несчастья и ушами воспринимать, и глазами видеть – высший долг и необходимость благочестия»).

Таким образом, переводчик существенно расширяет границы сентенции, используя синонимы и добавления (например, вместо древнегреческого εὐσεβῶς – «благочестиво», «праведно» – он употребляет два понятия: *religio* и *pietas*. В отличие от строго религиозного понятия *religio*, *pietas* имеет отношение к долгу и обязательствам в целом, не только в религиозной, но и, например, в семейной или гражданской сфере<sup>248</sup>. Из-за обилия синонимов сентенции теряют лаконичность, которая является важным свойством таких афористичных высказываний общего содержания<sup>249</sup>.

Все переводчики отмечают финальные строки трагедии «Царь Эдип»: в них корифей возвещает о том, что человеческое счастье непостоянно и судьба непредсказуема (ὥστε θνητὸν ὄντα κείνην τὴν τελευταίαν ἰδεῖν / ἡμέραν ἐπισκοποῦντα μηδέν' ὀλβίζειν, πρὶν ἂν / τέρμα τοῦ βίου περάσῃ μηδέν ἄλγεινὸν παθών, Soph. OT 1528-1530 – «Не считай счастливым мужа под улыбкой божества / Раньше, чем стопой безбольной рубежа коснётся он<sup>250</sup>»). При этом в переводе Томаса Наогерога на полях рядом с этой сентенцией расположено примечание: *epiphonemate claudit fabulam*, то есть «завершает пьесу эпифонемой» – нравоучительным заключением). Неудивительно, что эта сентенция привлекает внимание переводчиков: в предисловиях к изданиям многие из них также отмечают, что древнегреческие трагедии показывают непредсказуемость человеческой судьбы.

2. В трагедии «Антигона» во всех рассматриваемых изданиях отмечаются следующие сентенции:

- стихи 175-183, в которых Креонт рассуждает о том, что власть показывает истинную сущность человека; все переводчики отмечают эту

<sup>248</sup> Natali, B. *Pietas: Gods, Family, Homeland, Empire: Doctoral thesis* / Natali Bryan. – Calgary, 2014. – P. 22-23.

<sup>249</sup> Ук. соч. С. 55.

<sup>250</sup> пер. Ф.Ф. Зелинского.

сентенцию, однако по-разному выделяют её границы: стихи 175-183 или 175-190. Эти строки – самое знаменитое и часто цитируемое место «Антигоны», они также приводятся в *Adagia* Эразма Роттердамского и *Polyanthea* Доминика Нана Мирабеллия. Во-первых, они связаны с древнегреческой пословицей Ἀρχὴ τὸν ἄνδρα δείκνυσιν – «власть показывает человека», а Эразм при составлении сборника обращал внимание в первую очередь на пословицы и устойчивые выражения. Во-вторых, сами переводчики (например, Жан Лалеман) упоминают приведённую выше пословицу в своих предисловиях как отражающую основную тему трагедии.

- стих 277 «Никто не любит вестника несчастий»<sup>251</sup> – сентенция психологического характера, отражающая страх стража, произносящего её<sup>252</sup>; эта сентенция также отмечается всеми переводчиками и присутствует в сборнике Марльяно. Возможно, такая популярность связана с лаконичностью этой сентенции, а также с тем, что это классический пример эпифонемы – сентенции, завершающей реплику.

- Фрагмент монолога Креонта, в котором он утверждает, что нет ничего хуже, чем деньги, которые побуждают людей совершать плохие поступки. Границы этой сентенции также выделяются переводчиками по-разному: стихи 295 – 303 или 295 – 301.

- стихи 661 – 666 из монолога Креонта, в которых он рассуждает о том, что тот, кто честен в семейных делах, верно поступает и в делах государственных, а также о важности послушания: необходимо во всём следовать воле властителя – «и в справедливом, и в противоположном» (καὶ δίκαια καὶ τὰναντία). Эта сентенция также имеет различный объём в изданиях и бывает поделена на несколько частей: действительно, в современном понимании данные стихи скорее представляют две или более сентенции. Например, Раталлер разделяет эту сентенцию на две части; возможно, предполагается, что они будут цитироваться в разных ситуациях: первая служит для мотивировки решения, вторая – для мотивировки приказа<sup>253</sup>.

---

<sup>251</sup> пер. Ф.Ф. Зелинского

<sup>252</sup> Теперик, Т.Ф. Указ. соч. С. 164-165.

<sup>253</sup> Теперик, Т.Ф. Указ. соч. С. 55.



- стихи 710-711, в которых Гемон пытается переубедить отца, говоря, что прислушиваться к чужому мнению не позорно; этой репликой юноша пытается изменить мнение Креонта. Также наблюдается разнообразие в выделении границ сентенции: стихи 710-711, 707-711 и 707-717.

- наконец, стихи 1348-1353 – финальная реплика хора, в которой однозначно показано его неодобрение к Креонту<sup>254</sup>. Неслучайно в обеих трагедиях, завершающихся сентенцией – «Царе Эдипе» и «Антигоне» – переводчики обращают особое внимание на финальную реплику хора: она резюмирует всё действие, делает из него вывод. Хор в трагедиях Софокла выполняет отчётливо выраженную дидактическую функцию<sup>255</sup>. Хор также является своего рода «блюстителем настроения в трагедии», выражающим объективный взгляд на происходящее<sup>256</sup>. Дидактизм хора импонирует переводчикам XVI века, которые трактовали античную трагедию в первую очередь в моралистическом ключе.

Итак, из наиболее популярных сентенций практически все относятся к образу Креонта и тирана в целом. Это неслучайно: в посвянительных письмах к изданиям переводчики нередко упоминают о том, что трагедия полезна в первую очередь для правителей: она показывает, какие роковые ошибки он может допустить.

3. В трагедии «Эдип в Колоне» в переводе Жана Лалемана не отмечено ни одной сентенции, что, возможно, связано с меньшей популярностью этой трагедии в сравнении с «Царём Эдипом» или «Антигоной». В прочих переводах наиболее часто маркируются следующие сентенции (их встречаем как в сборнике, так и в изданиях Габио, Наогеорга и Раталлера): стихи 806-807, в которых Эдип сообщает Креонту, что тот, кто хорошо говорит обо всём, не может во всём быть прав; стихи 1281-1283, в которых Антигона говорит Полинику о том, что многие слова могут вернуть голос безгласным (сентенция служит для мотивировки отказа: Антигона утверждает, что Полиник должен сам говорить с отцом, и отказывается

---

<sup>254</sup> Забудская, Я.Л. Функциональное значение хора в жанровой структуре греческой трагедии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Забудская Яна Леонидовна. – М., 2001. – С. 73.

<sup>255</sup> Указ. соч. С. 85.

<sup>256</sup> Зелинский, Ф.Ф. Софокл и героическая трагедия // Софокл. Драмы. Т. 2. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1915. – С. 19.

просить за него<sup>257</sup>); наконец, стихи 1536-1537 из монолога Эдипа: боги всегда замечают, пусть и спустя какое-то время, если кто-то нарушает их законы. Последнюю сентенцию Эдип произносит, чтобы попросить Тесея сохранить таинство его ухода из жизни<sup>258</sup>.

Что касается техники перевода сентенций, основными критериями, по которым версии гуманистов отличаются друг от друга, будут следующие:

1. Точный или вольный перевод? Техника перевода сентенций в данном случае согласуется с техникой перевода текста в целом: так, Джованни Габио выполняет дословный перевод, например (Soph. Ant. 462-463):

ὅστις γὰρ ἐν πολλοῖσιν ὥς ἐγὼ κακοῖς  
ζῆ, πῶς ὁδ' οὐχὶ καθ'αὐτὸν κέρδος φέρει;

Quicunque nam in multis, ut ego, malis

Vivit: quomodo ille non mortuus lucrum fert?

(Греческий текст: «Ибо всякий, кто в множестве зол, как я, живёт, как он, умерев, не вынесет из этого пользу?»).

Латинский текст: перевод аналогичен).

Или, например, вышеупомянутые стихи 609-615 он переводит так:

Non nam justum, neque malos frustra

Bonos existimare, neque bonos malos.

Amicum nam bonum ejicere, aequale dico,

Et apud seipsum vitam, quam plurimum amat.

Sed in tempore cognosces haec tuto. quoniam

Tempus justum hominem ostendit solum:

Malum autem, & in die cognoscere una.

Таким образом, можно отметить буквальное соответствие древнегреческих слов латинским (кроме артиклей). В переводе Габио также наблюдается полное соответствие порядка слов. Это может быть объяснено использованием перевода в качестве подстрочника в педагогической практике: возможно, на занятиях он

---

<sup>257</sup> Теперик, Т.Ф. Указ. соч. С. 125.

<sup>258</sup> Теперик, Т.Ф. Указ. соч. С. 140.

использовал метод параллельного чтения греческой и латинской версий текста, который был популярным способом изучения древних языков в эпоху Возрождения<sup>259</sup>.

Что касается других гуманистов, Георг Раталлер, Томас Наогеорг и Томас Уотсон отказываются от пословного перевода, но всё же их версии довольно точны по смыслу, хотя и не очень точны лексически. Уотсон, как известно, внёс в свою версию «Антигоны» существенные изменения, поделив трагедию на акты с целью поставить её в театре<sup>260</sup>. Жан Лалеман использует вольный перевод с обилием синонимов и добавлений, что существенно увеличивает границы сентенции, и из-за этого она теряет свою лаконичность. Например, один стих из партии хора Лалеман переводит тремя (Soph. Ant. 951):

ἀλλ' ἃ μοιρίδια τις δύνασις δεινά:

Sed Parcarum potentia,

Fatorumque necessitas,

Et violenta est & cogens.

(Греческий текст: «Но страшно могущество судьбы».

Латинский текст: «Но сила Парок и необходимость рока и жестокая, и гнетущая»).

Вместо «силы судьбы», о которой идёт речь в оригинальном тексте, Лалеман использует сразу два обозначения: «сила Парок» и «необходимость рока».

А уже упомянутая сентенция Креонта ἀμήχανον δὲ παντὸς ἀνδρὸς ἐκμαθεῖν / ψυχὴν τε καὶ φρόνημα καὶ γνώμην, / πρὶν ἂν ἀρχαῖς τε καὶ νόμοισιν ἐντριβῆς φανῇ (Soph. Ant. 175-177: «Я знаю: безрассудно полагать, / Что понял мысль и душу человека, / Покуда власти не отведал он»<sup>261</sup>) в переводе Лалемана занимает шесть строк, а не три, как в оригинале: *At cuiusvis est perdifficile hominis / Mentem novisse, mores et prudentiam: / Nec quid quisquam gerat abditum latebris / Animi, quis novisse poterat*

<sup>259</sup> Botley, P. Learning Greek in Western Europe 1476–1516 / C. Holmes, J. Waring, ed. // Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beyond. – Leiden-Boston-Köln: Brill, 2002. – P. 204.

<sup>260</sup> Miola, R.S. Early modern Antigones: Receptions, Refractions, Replays // Classical Receptions Journal. – 2014. – №6.2. – P.13.

<sup>261</sup> Перевод Ф.Ф. Зелинского.

*prius, / Quam publico fuerit functus munere, / Et probe versatus urbis in legibus* («Очень сложно узнать душу, характер и ум любого человека, и то, что каждый в секрете носит в затаённых уголках души, никто не может понять прежде, чем [этот человек] будет облечён общественной должностью и как следует повращается среди законов города»). Разумеется, такой длинный перевод также нарушает лаконичность сентенции. В отличие от Лалемана, другие переводчики сохраняют количество строк оригинала и стараются воссоздать афористичность сентенции. Например, сравним стих 806 Эдипа в Колоне в переводе Габио, Наогеорга, Раталлера и Лалемана:

**Софокл:** ἄνδρα δ' οὐδέν' οἶδ' ἐγὼ

δίκαιον ὅστις ἐξ ἅπαντος εὖ λέγει

(«Я не знаю никакого справедливого мужа, который хорошо говорит обо всём»).

**Габио:** hominem nullum novi ego

Justum, qui ex omni bene dicat.

(«Я не знал никакого справедливого мужа, который хорошо говорил бы обо всём»; единственное изменение, которое вносит в перевод Габио – ставит глагол «говорить» в конъюнктив, хотя в оригинале он стоит в индикативе; в остальном перевод является предельно точным не только лексически, но и грамматически: например, глагол οἶδα – «знать», употребляющийся в форме перфекта в значении презенса, он переводит именно перфектом глагола *nosco*).

**Наогеорг:** ast ego neminem

Justum adeo scio, bene qui loquitur in omnibus.

(«Я не знаю никого столь справедливого, кто хорошо говорит во всех [делах]»).

**Раталлер:** sed nunquam ego videre me

Memini virum, qui recta ubique diceret.

(«Я не помню, чтобы я когда-либо видел мужа, который везде (в любой ситуации) говорил бы верно»).

Переводы Наогеорга и Раталлера, хотя и не всегда точны лексически, но довольно точно передают смысл текста. Лалеман же увеличивает сентенцию вдвое:

**Лалеман:** *At ego nunquam quemquam indicavero*

*Probum virum & aequum, qui velit publice*

*Abs cunctis videri dicere aequissima*

*Cum contra faciat.*

(«Но я никогда не оценивал кого-либо как порядочного и справедливого мужа, кто говорит обо всём справедливейшим образом, в то время как делает наоборот»).

Здесь переводчик не ограничивается одним словом со значением «справедливый» (*aequus*), но добавляет синоним *probus* – «честный», «порядочный». Также он добавляет в реплику Эдипа новую мысль – *cum contra faciat*, «в то время как делает противоположное», чтобы пояснить, что, по мнению Эдипа, слова Креонта расходятся с его поступками. Таким образом, Лалеман стремится к более подробному переводу всех смыслов, в том числе выраженных имплицитно, и поэтому прибегает к синонимам и авторским добавлениям. Как уже отмечалось, увеличение количества строк оригинала при переводе особенно свойственно именно французской переводческой традиции XVI в. С одной стороны, это позволяет лучше передать метрику и смысл оригинала; с другой, теряется лаконичность афористичных высказываний общего содержания, то есть сентенций.

Тем не менее, благодаря такому подходу и вольному переводу, Лалеману часто удаётся сохранить размер оригинала хотя бы вне партий хора. Ведь, если переводчик не стремится к эквилинеарному переводу и увеличивает количество строк, это даёт ему возможность решить многие переводческие проблемы. Поэтому иногда увеличение объёма текста позволяет испытывать меньше трудностей с сохранением метрики и смысла оригинала<sup>262</sup>.

---

<sup>262</sup> Holmes, J.S. *Translation Studies: The State of the Art: Proceedings of the First James S. Holmes Symposium on Translation Studies* / J.S. Holmes. – Amsterdam: Rodopi, 1991. – P. 131.

2. Является ли перевод эквиритмическим? Переводы Лалемана, Наогеорга и Раталлера, в отличие от буквального перевода Габио, передают размер оригинала в эпизодиях (ямбический триметр), однако в партиях хора переводчики часто упрощают метрику. Это касается и предложений, встречающихся в некоторых стасимах. Так, стихи 1225-1229 третьего стасима «Эдипа в Колоне» (о том, что лучше не рождаться на свет) отмечены в качестве предложения в изданиях Наогеорга и Раталлера. Наогеорг и Лалеман переводят весь стасим трохаическим диметром, и лишь Георг Раталлер стремится передать логоэдические стихи оригинала, основу которых составляет второй гликоней<sup>263</sup>.

3. Совпадают ли границы синтагм, представляющих собой предложения, с делением на строки? Как было сказано выше, характерной чертой перевода Томаса Наогеорга является большое количество анжамбеманов, то есть конец синтагмы, который в оригинале довольно часто совпадает с концом строки, переносится в начало следующего стиха. Такая особенность может затруднять восприятие предложения как часто цитируемого общего места. Например, одна из предложений (Soph. Ant. 312-314) у Наогеорга переведена следующим образом:

ἐκ τῶν γὰρ αἰσχυρῶν λημμάτων τοὺς πλείονας

ἀτωμένους ἴδοις ἂν ἢ σεσωσμένους.

...Videlicet lucris ex turpibus

Plures tulisse damna videas, quam suae

Vitae salutem...

(Греческий текст: «От позорной наживы, больше [людей], / ты, пожалуй, увидишь, страдает, чем спасется»).

Латинский текст: «Очевидно, что из позорной наживы, / ты, пожалуй, увидишь, больше [людей] понесли убытки, нежели своей / жизни благополучие»).

В отличие от Наогеорга, Раталлер и Уотсон стремятся избегать анжамбеманов.

---

<sup>263</sup> Sophocles. The Oedipus Coloneus. With a commentary, abridged from large edition of Sir Richard Jebb by E.S. Shuckburgh. – Cambridge: Cambridge University Press, 1955. – P. xlvii.

Стоит также отметить, что полностью совпадающих переводов одной и той же сентенции обнаружено не было: переводчики, как правило, не пользуются текстами предшественников, а предлагают всё новые варианты. Некоторое влияние текстов друг на друга всё же отмечается, однако полных совпадений нет, что говорит о самостоятельности переводчиков и разнообразии их подходов.

Таким образом, гуманисты обращают на сентенции особое внимание, что объясняется несколькими факторами: а) сентенции могут быть использованы в речах или трактатах; б) они могут быть включены в различные сборники; в) они связаны с моралистической трактовкой трагедии, которая была основным руслом интерпретации в XVI в.<sup>264</sup> Маркирование в тексте изречений нравоучительного характера помогает показать воспитательную роль трагедии. Следует помнить и о том, что термин «сентенция», вероятно, понимается переводчиками XVI в. более широко, чем в современном литературоведении: сюда могли входить так называемые «общие места» (отсюда объёмность многих сентенций) или примечательные реплики героев, которые можно было бы процитировать в качестве риторического приёма.

Разные подходы к переводу сентенций отражают различные переводческие стратегии: Габио стремился к дословному переводу, поскольку, вероятно, мог использовать его в качестве подстрочника в педагогической практике; Лалеман хотел передать все оттенки смысла оригинала и потому расширил оригинальный текст дополнениями и синонимами; в более поздних изданиях Наогеорга и Раталлера увеличивается количество примечаний и маркированных сентенций, поскольку переводчики ориентируются на довольно узкий круг образованных людей; перевод Раталлера также ориентирован на гуманистов и отличается наиболее полным метрическим соответствием. Стоит отметить, что именно версия Раталлера переиздавалась чаще всего, в том числе в сборнике «*Tragoediae selectae Aeschyli, Sophoclis, Eurypidis*» (1567 г.). Все рассматриваемые версии оригинальны и разнообразны, что говорит об отсутствии какой-либо строго принятой нормы

---

<sup>264</sup> Power of Form: Recycling Myths / A.R. Fernandes, P.B. Serra, R.C. Fonseca, ed. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015. – P.97.

перевода античных текстов: он может быть эквиритмическим полностью или частично, может быть выполнен *ad verbum* или *ad sensum*, может стремиться к эквилинеарности или существенно превышать размер оригинала.

Сопоставление переводов наиболее часто маркируемых предложений представлено в приложении 10, с. 188.

### 3.2.5. Перевод партий хора.

Большую сложность для гуманистов представляли партии хора в древнегреческих трагедиях, поскольку они отличаются метрическим разнообразием, наличием диалектизмов, сложными и многогранными образами. Ещё Эразм Роттердамский, ставший своего рода первопроходцем в переводе древнегреческих трагедий на латынь (в 1506 г. были изданы латинские версии «Гекубы» и «Ифигении в Авлиде» Еврипида) сетует на то, что *obscuritas* («темнота», «неясность») во многих частях трагедий, особенно в партиях хора, затрудняет перевод, и разгадать её может скорее Эдип или Дельфийский оракул, чем комментатор<sup>265</sup>. Жан Лалеман и Томас Наогеорг также отмечает *obscuritas* партий хора в своих предисловиях.

В «Антигоне» партии хора представлены пародом и пятью стасимами, а также коммосами Антигоны с хором и Креонта с хором. В «Царе Эдипе» – пародом и четырьмя стасимами, а также коммосом Эдипа с хором. Однако наибольшим участием хора характеризуется «Эдип в Колоне» (парод, четыре стасима и три коммоса: Эдипа с хором, Антигоны и Эдипа с хором, Антигоны и Исмены с хором). Также именно в «Эдипе в Колоне» хор принимает активное участие в драматическом диалоге, особенно в первой половине трагедии<sup>266</sup>.

Буквалист Джованни Габио следует принципам дословного перевода и в партиях хора, сохраняя точный порядок слов, как и в эпизодиях.

---

<sup>265</sup> Rummel, E. Erasmus as a Translator of the Classics. – Toronto: University of Toronto Press, 1985. – P. 31.

<sup>266</sup> Забудская, Я.Л. Указ. соч. С. 82.



Винсхейм же довольно часто отходит от оригинального порядка слов, а также опускает некоторые эпитеты и наречия, стремясь к упрощению, и довольно небрежно относится к метрике (по сути, его перевод представляют собой прозаический текст, поделённый на строки).

Жан Лалеман увеличивает количество стихов в пародах и стасимах ещё больше, чем в эпизодиях, вводя в текст обилие синонимов, пояснений, парафрастических конструкций, чтобы прояснить тёмные места. Что касается метрики, Лалеман не следует с точностью метрике оригинала, в пародах и стасимах используя ямбический диметр, трохеический диметр и гликоней. Также после своей версии парода «Антигоны» он помещает этот парод в переводе Раталлера (сапфической строфой), что говорит о том, что Лалеман, очевидно, был знаком с изданием Раталлера 1550 г.

Неизвестно, были ли доступны Лалеману метрические схолии Димитрия Триклиния, но они точно были доступны двум последующим переводчикам — Наогеоргу и Раталлеру. Схолии были впервые опубликованы в 1553 г. в издании трагедий Софокла, осуществлённом Адрианом Турнебом, вместе с более древними схолиями из рукописи L (*codex Laurentianus*)<sup>267</sup>. Это значительно упростило переводчикам работу с текстом.

О том, что Наогеорг скорее всего был знаком с изданием Турнеба, свидетельствуют примечания на полях, полностью совпадающие с опубликованными схолиями, только переведённые на латинский язык.

Во вступительном письме Наогеорг пишет, что размеры он использовал такие, *ut veteres Graeci et Latini usi sunt* («какими пользовались древние греки и римляне»). Переводчик перечисляет их: это ямбический диметр, трохеический диметр, анапестический диметр и другие. Перед каждой песней хора он указывает, какие размеры используются. Таким образом, он старается сохранить метрические особенности оригинала; впрочем, иногда он упрощает оригинал, выбирая один размер, которому следует на протяжении всего стасима (например, в гимне Эроту —

---

<sup>267</sup> Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. Introduction // *Sophoclea: Studies on the text of Sophocles*. — Oxford: Clarendon Press, 1990. — P. 17.

третьем стасиме «Антигоны» – в оригинале используются и гликоней, и хорейямбический диметр, и адоний, и ферекрытий, Наогеорг же переводит весь текст ямбическими диметрами, устраняя разнообразие в метрике и длине стиха). Так же он поступает и в четвёртом, и в пятом стасимах «Антигоны». В «Царе Эдипе» все стасимы он переводит либо ямбическими, либо анапестическими диметрами, хотя метрика оригинала гораздо разнообразнее и сложнее. Что касается лексических особенностей перевода Наогеорга, он довольно близок к тексту, но превосходит по числу строк оригинал на 10-14%.

Георг Раталлер также точно был знаком со схолиями Триклиния, поскольку к ним он отсылает тех, кто хочет подробнее узнать об античной метрике, в своей заметке *De ratione versuum ad lectorem*. В этом комментарии переводчик сообщает о том, что сохранил размер подлинника в нехоровых частях трагедий. Что касается партий хора, в них, как отмечает Раталлер, используются многообразные размеры, не всегда точно известные и «не употребительные у латинян», поэтому он предпочёл переводить их размерами, более характерными для римской литературы. Например, парод в «Антигоне» Раталлер решил передать с помощью сапфической строфы: при этом перевод получился довольно вольным, а объём существенно увеличился. Однако во многих других случаях гуманист стремится воссоздать метрику оригинала: так, перед пятым стасимом «Антигоны», представляющим собой гимн Вакху, он отмечает: *varie mixtus, eodem paene carm. genere, quo est usus Sophocles* («разнообразные размеры, почти те же, которые использовал Софокл» – здесь следует обратить внимание на слово «почти», т.е. некоторые отступления от оригинала всё же допускаются). Перед другими стасимами также следуют заметки: «*anapest., ut in Graeco*», «*varie mixti*» и т.д. («анапестические метры, как в греческом оригинале», «разнообразные чередующиеся размеры»). В «Царе Эдипе» также используются размеры, близкие к оригиналу, которые переводчик упоминает перед стасимами, например: *Glyconici, Anapaestici, Iambici varii generis* («гликонические, анапестические, ямбические стопы разного рода»). Конечно, детального соблюдения метрики оригинала нет, но переводчик старается максимально приблизиться к тому разнообразию размеров, которое мы наблюдаем в греческой

трагедии. Лексически переводы также довольно точны, если не считать уже упомянутый парод «Антигоны», переведённый относительно вольно.

Томас Уотсон также стремится к тому, чтобы сохранить размер оригинала в хоровых партиях, о чём он сообщает в примечаниях к стасимам: *Carmen Chori varie mixtum, et ejusdem generis cum Graeco* («песнь хора очень [метрически] разнообразная, такого же рода, как в греческом»).

Итак, можно сделать вывод, что с течением времени переводы партий хора становятся всё более близкими к оригиналу: первые переводы стремились к содержательной точности вплоть до порядка слов, но при этом терялась эквиритмичность; в более позднем переводе Жана Лалемана используются античные размеры, но не столь разнообразные, как в оригинале, к тому же перевод является не очень точным из-за существенного увеличения количества строк; наконец, в позднейших из рассматриваемых переводов XVI в. (версии Наогеорга, Раталлера и Уотсона) лучше всего выполнены обе задачи: перевести близко к тексту по содержанию и сохранить при этом метрический облик оригинала. Такое улучшение качества перевода может объясняться в том числе публикацией схолий к трагедиям Софокла.

Стоит также отметить, что при переводе трагедий именно партии хора являются той областью, в которой ярче всего отображается разнообразие переводческих стратегий. Это актуально для переводов не только на латынь, но и на национальные языки: так, в 1533 г. Луиджи Аламанти публикует свою «Tragedia di Antigone», которая довольно близка к тексту Софокла, но всё же имеет определённые расхождения, касающиеся партий хора: их заменяют *canzoni*, не всегда соответствующие по содержанию оригиналу. Например, в «Антигоне» Софокла четвёртый стасим рассказывает о мифологических сюжетах, в которых присутствует заключение в темницу: заключение Данаи, заключение братьев Финидов (таким образом, проводятся параллели с заключением Антигоны). Аламанти же посвящает эту партию хора жизни – её непредсказуемости и двойственности: жизнь то даёт человеку счастливые моменты, то нападает на него.

А пятый стасим, который у Софокла посвящён Дионису, Аламанни начинает с обращения к Фортуне: она могущественна, но в то же время хрупка и нестабильна.

Таким образом, проблема адекватного перевода партий хора в древнегреческой драме возникла уже давно и до сих пор остаётся актуальной. Одни из самых популярных решений – прозаический подстрочник и эквиритмическая передача – были применены ещё в XVI в. в первых латинских переводах, выполненных гуманистами, и применяются до сих пор.

Переводчики, стремящиеся к эквиритмическому переводу, не сообщают в предисловиях, использовали ли они какие-либо ещё сведения о латинской метрике, кроме схолий Триклиния, однако известно, что уже в Античности существовало немало сочинений, посвящённых латинской метрике – они, как правило, входили в состав грамматик (*Liber de metris* Псевдо-Басса, *De metris* Терентиана Мавра, *Ars Grammatica* Элия Доната, *Commentarium in metra Terentiana* Руфина, *Institutiones Grammaticae* Присциана<sup>268</sup>). Многие из этих произведений были опубликованы в XVI в.: Терентиана Мавра издавали в 1503 и 1532 гг., Басса – в 1510 г., Присциана – в 1516 г., Доната – в 1536 г., однако до этого они были известны в рукописных источниках. Поэтому теоретически эти трактаты могли быть доступны всем рассматриваемым переводчикам. Также они могли быть знакомы с трудами по метрике, написанными в XV в., например, сочинениями Николая Перотта. Однако главным источником при работе с партиями хора для авторов поэтических переводов всё же оставались схолии Триклиния.

### 3.2.6. Расширение и дополнение оригинала.

В данном разделе рассматривается перевод «Антигоны» Томаса Уотсона, в котором наблюдается существенная художественная переработка текста.

После основного текста трагедии в латинском переводе следуют ранее упомянутые *Potrae* (шествия олицетворённых качеств и понятий) и *Themata* («темы»). В качестве эпиграфа к ним переводчик прилагает восьмистишие, в

---

<sup>268</sup> Кузнецов, А.Е. Латинская метрика. – Тула: Гриф и К, 2006. – С. 339-346.

котором просит читателя, если ему понравился перевод, принять и эти дополнения к основному тексту трагедии, которые дала благосклонная муза незнатному мужу (см. приложение 11, с. 195). Также перед шествием помещён монолог, который произносит Поэт: он говорит, что во всяком роде искусства видна божественная мудрость и провидение, но, пожалуй, нигде это не прослеживается так ясно, как в поэзии, которая показывает заблудшему человеку истинный путь с помощью вымышленных характеров, масок. Например, «Антигона» показывает, сколь ужасны непреклонность и упрямство Креонта, не желающего изменить своё решение. А различные качества героев – как положительные, так и отрицательные, – в виде масок, пройдут в так называемом «Шествии Антигоны» (*Pompa Antigoniae*). Вернее, это даже четыре шествия: *Prima Pompa*, *Secunda Pompa* и т.д.

Первое шествие посвящено качествам Креонта. Открывает его *Iustitia* (Правосудие). Каждый участник шествия несёт в руках свой предмет-символ, у Правосудия это – скипетр. Правосудие заявляет, что оно единственный и главный судья в государстве, держащий бразды правления, а также устроитель мира и разрешитель всех дел (*Judex habenas solus imperiii tenens / Sum pacis auctor, sumque casarum arbiter*). Его задача – бороться с несправедливостью, устраивать тяжбы, устанавливать законы, награждать честных людей и наказывать тех, кто является источником зла. За Правосудием следует *Aequitas, mulier cum bilance* (Справедливость, Равенство: женщина, держащая весы). Её задача – защищать от произвола (*licentia*), соблюдать меру и усмирять гнев, а также пересматривать судебные решения и менять их, если потребуется (*si fit necesse, muto iudicium datum*). Она, в отличие от Правосудия, скорее служанка, чем госпожа: служит на благо отечества и граждан. Далее шествует *Rigor, vir cum gladio* (Непреклонность, муж с мечом). Он считает, что мягкость правителя потворствует преступлениям, поэтому ему необходимо быть негибким и непреклонным, а страх – верный страж, позволяющий сохранить власть, в то время как надежда на снисхождение, напротив, приводит города к гибели (*Custos fidelis servat imperium metus. / Labefactat urbes sola spes veniae*). Непреклонности вторит *Obstinatio, vir cum lorica* (Твёрдость, Упрямство – муж, одетый в панцирь): его броня сопротивляется и стрелам, и мечам,

его не трогают ласковые, умоляющие речи; он называет себя сыном мужа-Непреклонности и всегда следует за ним. Ещё один участник шествия – Бесчестие, он также вооружён острым мечом (*Impietas, vir cum mucrone*), нарушает божественные законы (*fas omne rumpo*); меч его не щадит никого, даже самого Юпитера (*Hic mucro parcat nemini, quemvis ferit, / Ipsique summo vel Jovi vulnus dabit*). Следующий персонаж – муж, вооружённый кнутом, которого так и зовут – Кнут (*Flagellum, vir cum flagello*). Он называет себя орудием Юпитера, поражающим преступников. Кары бога невозможно избежать: она может быть лишь отложена (*Tardat Jovis, sed tollitur nunquam ultio*). Завершает шествие муж, носящий имя «Запоздалое Раскаяние» (*Sera Poenitentia, vir*): он недоумевает, как безумный гнев мог завладеть его сердцем; теперь же его мучит ужасное несчастье.

Шествие аллегорически показывает изменения, со временем происходящие с Креонтом: он начинал как достойный и справедливый правитель (о чём говорит и Тиресий), затем им овладели непреклонность и упрямство, и наконец было совершено преступление (Креонт стал виновником сразу нескольких смертей), за которым последовало позднее раскаяние.

Поэт объявляет второе шествие: если первое было посвящено качествам Креонта, то второе описывает борьбу, происходящую в душе Антигоны. Открывает его женщина, названная Благородством Души (*Magnanimitas, mulier*). Она может снисходительно смотреть на несущественные прегрешения, но не может оставаться равнодушной к большому злу и разражается праведным гневом (*Immota parvis, non levi irritor malo*); она страстно защищает то, что ей дорого, но не спешит принимать решение, пока её не призовут к долгу родина и законы кровного родства. И действительно, сразу же за Благородством Души следуют Старуха-родина (*Patria, anus*) и Кровное Родство, муж в грязном платье (*Cognatio, vir squallidus*). Родина взывает к Антигоне, напоминая о том, как она растила и кормила её, как страдал Улисс, пытаясь найти дорогу домой, как важно процветание отечества и как почётно умереть за него. Кровное Родство упрекает девушку в том, что она позабыла о нём и что оно, вероятно, умрёт, так и не дождавшись помощи, если Антигона не исполнит того, что велит сама природа, то есть не похоронит брата. На

просьбы Родины и Кровного Родства о помощи Благородство Души отвечает согласием. Однако за ними шествуют мужи, олицетворяющие на первый взгляд отрицательные качества – Преступление Законов (*Transgressio*), Упорное Неповиновение (*Contumacia, vir*) и Ненависть (*Odium, vir*). Тем не менее, если мы внимательно прочитаем монолог Преступления Законов, мы убедимся в том, что побуждения, которыми оно руководствуется, весьма чисты: оно следует туда, куда ведёт его свободная воля, может преодолеть любые преграды, размыть все границы, даже преступить общественные законы – но только ради идеала нравственности и честности (*Species honesti si qua, nil quicquam moror*). Упорное Неповиновение также изображено весьма положительно: оно обладает мятежным духом, не боится приговора судьи и готово перенести любые повороты судьбы. Под Ненавистью же имеется в виду ненависть к нечестивым людям и преступлениям. Завершает шествие Наказание, несущее топор (*Supplicium, cum securi*). Оно заявляет, что приносит с собой изгнание, смерть и заключение и его топор не отклонит ни один подсудимый (*Exilia, mortem, carcerem hac dextra fero... / Saevam hanc securim nemo declinat reus*). Таким образом, Антигона показана мятежной фигурой, но всё же не способной избежать наказания.

На сцене снова появляется поэт и объявляет уже третье шествие – на сей раз посвящённое Гемону. Первый персонаж, который в нём изображается, – Любовная Страсть, мальчик с луком и стрелами, Купидон (*Cupido, puer cum arcu & sagittis*). Он говорит о себе, что пользуется дурной славой (*infamis sum*) ведь его стрела может, пронзив печень, подчинить своей власти кого угодно. Он путешествует по всем странам и везде учиняет свои козни. Спутник Купидона – *Temeritas* (Необдуманность, Безрассудство): им правит некая неясная сила, а не разум (*Incerta me fors, nulla sed ratio regit*), оно дерзко и безумно, презирает взвешенные и обдуманные решения. За ним следуют Бесстыдство (*Impudentia*) и Порыв (*Impetus*), которые в итоге приводят юношу к Погибели (*Interitus*). Таким образом, Уотсон весьма критически относится к Гемону, считая, что им руководит юношеская горячность и его действия необдуманны.

Наконец поэт объявляет четвёртое, заключительное шествие, которое должно

показать, какие же качества следует воспитывать, чтобы избежать несчастий, изображённых в «Антигоне». В нём участвуют Разум (*Ratio*), Благочестие (*Pietas*), Послушание (*Obedientia*) – очевидно, именно этого, по мнению Уотсона, не хватало Гемону – и, как неотъемлемые спутники этих качеств, завершают шествие Невредимость (*Incolumitas*) и Счастье, на голову которого водружён венец (*Felicitas, cum corona*).

Благодаря дополнению в виде шествий Уотсон совместил анализ характеров и поступков главных героев трагедии с представлением читателю её «морали» и тех уроков, которые можно из неё вынести. Как и его предшественники, переводчик понимает трагедию в моралистическом ключе, однако воздерживается от явного осуждения Антигоны, хотя и не признаёт её исключительно положительной фигурой. Аллегорическое представление качеств придаёт пьесе Уотсона дидактический характер и вместе с тем позволяет понять, какие особенности он выделяет в каждом из героев. Изображение отвлечённых понятий в виде людей, держащих определённые атрибуты или символы, – типичная черта популярного в XVI в. жанра моралите<sup>269</sup>.

Текст Уотсона полностью адаптирован для постановки: трагедия поделена на акты, имеется пролог, произносимый от лица Природы; не случайно исследователь Роберт Миола считает, что эта пьеса была создана именно с целью поставить «Антигону» на сцене<sup>270</sup>. Более того, существование таких произведений, как латинская версия Уотсона, в которой причудливо переплетаются черты античной драмы и средневековой мистерии, позволяет предположить, что латинские переводы древнегреческих трагедий – своего рода переходная ступень между моралите и французской трагедией классицизма<sup>271</sup>; в частности, такое предположение делают исследователи эпохи Возрождения Дж. Аббамонте и С.

---

<sup>269</sup> Некрасова, И.А. Театральный жанр моралите и духовные конфликты XVI века // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – № 2 (4). – С. 1088.

<sup>270</sup> Miola, R.S. Early modern Antigones: Receptions, Refractions, Replays // Classical Receptions Journal. – 2014. – №6.2. – P. 239.

<sup>271</sup> Abbamonte, G., Harrison, S. Making and Rethinking the Renaissance: Between Greek and Latin in 15th -16th Century Europe. – Oxford: De Gruyter, 2019. – P. 105.



Харрисон. Таким образом, новолатинские переводы важны не только для истории изучения античной литературы, но и для изучения литературного процесса в XVI-XVII вв.

### 3.2.7. Примечания переводчиков.

В отличие от комментариев в виде отдельных заметок, обращений или стихотворений, расположенных перед переводом, примечания, содержащие разного рода дополнительную информацию, располагаются на полях рядом с самим текстом. При этом в тексте то место, к которому относится примечание, может выделяться различными знаками (обычно это звёздочка или скобка).

Можно отметить, что количество примечаний в более поздних изданиях увеличивается: так, в первом издании (перевод Жантьена Эрве) мы не наблюдаем их вообще. Однако практически во всех последующих изданиях (перевод Габио, 1543; перевод Винсхейма, 1549; перевод Наогеорга, 1558; второе издание переводов Раталлера, 1576; перевод Уотсона, 1581 гг.) имеется большое количество примечаний и сносок на полях.

Джованни Габио бóльшую часть своих примечаний посвящает указанию других вариантов перевода определённых слов или же более понятных эквивалентов, например (здесь и далее примечания выделены жирным шрифтом):

- *nihil novi superius* **Superius ) amplius** («я не знаю ничего больше» – букв. «я не знаю ничего выше / шире», Ant. 16: οὐδὲν οἶδ' ὑπέρτερον).
- *aspectus illidens ipse propria manu*: **Aspectus ) geminos oculos** («ударив взор сам собственной рукой». Ant. 52: ὄψεις ἀράξας αὐτὸς αὐτοῦρῳ χερὶ. Поясняется, что под взором имеются в виду глаза, то есть идёт речь о том, что Эдип сам себя ослепил. Вероятно, переводчик добавляет пояснение, так как словосочетание «ударить взгляд» кажется ему проблематичным для понимания, однако именно слово *aspectus* больше соответствует оригинальному ὄψις. Винсхейм же, например, переводит это словосочетание как *effodiens oculos* – «вырывая глаза».

- *a duplici fato, una / in die perierunt* **Duplici ) mutuo** («от двойного / взаимного рока в один день погибли», Ant. 170-171: πρὸς διπλῆς μοίρας μίαν καθ' ἡμέραν ὄλοντο).
- *Tale meum consilium* **consilium ) sententia est** («таково моё решение / мнение». Ant. 207: τοιόνδ' ἐμὸν φρόνημα. Переводчик даёт два соответствия греческому слову φρόνημα, которое может обозначать как «суждение», так и «намерение»).
- *Multa gravia, & nihil ho- / Mine gravius existit.* **Gravius ) callidius, ingeniosius, prudentius.** («много есть значительного, но не существует ничего значительнее / искуснее / талантливее / благоразумнее человека», Ant. 332-334: πολλὰ τὰ δεινὰ κοῦδέν ἀνθρώπου δεινότερον πέλει.). Очевидно, Габио подбирает много аналогов для этого случая, поскольку испытывает сложности с переводом слова δεινός, которое может иметь значение как «страшный», так и «необычайный», «великий».
- *Filii mihi blanditur sonus:* **Blanditur ) videtur** («меня ласкает голос сына / мне кажется голос сына», Ant. 1214: παιδός με σαίνει φθόγγος). Рядом с буквальным вариантом перевода помещён менее точный, но более понятный вариант.
- *Neque nuntius quis, neuque adjutor viae vidit:* **Adjutor ) comes** («ни вестник какой-либо, ни помощник в дороге не видел; помощник = спутник», OT, 116-117: οὐδ' ἄγγελός τις οὐδὲ συμπράκτωρ ὁδοῦ κατεῖδ', ὅτου τις ἐκμαθὼν ἐχρήσατ' ἄν;).

В подобных примечаниях обычно даются контекстные синонимы. Очевидно, переводчик сомневался, какое из слов использовать, и решил разместить второй вариант на полях. Также есть случаи, когда одно слово соответствует буквальному переводу, а другое, вынесенное в примечания и как бы объясняющее его, имеет меньшее соответствие с греческим оригиналом, но более уместно в данном контексте.

Немало и пояснительных комментариев, например, уточняющих, о ком из героев трагедии, мифологических персонажей или явлений идёт речь в тексте:

- *Et nunc quid hoc rursus aiunt frequenti civitati edictum posuisse Ducem nuper?* **Ducem ) Creontem principem.** Антигона называет Креонта не по имени, а

стратегом (Ant. 8); Габио оставляет эту номинацию, однако помещает примечание на полях, чтобы читатель убедился в том, что речь идёт о Креонте.

- *Praeterquam odiosi, qui patre uno / Matreque una nati... Odiosi ) Eteocles & Polynices.* Габио поясняет, что *odiosi* – ненавистные друг другу – это Этеокл и Полиник.
- *o aurei / diei palpebra Palpebra ) lux* («веко / свет золотого дня» Ant.103-104: ὁ χρυσεῆς ἡμέρας βλέφαρον). Поясняется, что под «веком дня» имеется в виду дневной свет.
- *Audivi quidem infelicissimam periisse / Phrygiam hospitam Hospitam ) Nioben Tantalii filiam.* Под «Фригийской гостьей» имеется в виду Ниоба, дочь Тантала, о чём Габио и сообщает в примечании.
- *Abducite vanum virum ex pedibus Virum ) me.* Креонт говорит о себе третьем лице, называя себя «ничтожным мужем» (μάταιον ἄνδρ', Ant. 1339); Габио приводит на полях местоимение первого лица, чтобы было понятно, что Креонт имеет в виду себя самого.
- *Talis circum dorsa intentus est / Strepitus Martis adverso / Difficilis subjurgatio Dracone. Dorsa ) aquilae, id est Polynicis et Argivi exercitus. Dracone ) id est Thebano milite.* В пародии «Антигоны» упоминается битва орла и дракона, и Габио в примечании указывает, что это аллегорическое изображение войска Полиника и аргивян с одной стороны и фиванцев – с другой.

Ясно, что такие комментарии ориентированы в первую очередь на читателя, который не очень хорошо знаком с мифологией или может не понять, о каком герое трагедии идёт речь, если его имя не называется напрямую.

Часто примечания более подробно раскрывают смысл текста, в случае, когда он может быть неясен напрямую из перевода:

- *Alterum quidem honorans, alterum vero inhonorans habet? Honorans & c. ) Honoravit & inhonoravit: alterum sepultura ornavit, alterum insepultum abiecit.* Переводчик указывает, что Антигона, говоря о том, что одного из её братьев Креонт почтил, а другого нет, имеет в виду, что один был погребён, а другой брошен непогребённым (Ant. 22)

- *Neque sub jugo / Cristam juste habebant. Cristam ) metaphora ab animalibus jugum detractantibus sumpta.* Переводчик указывает, что ярмо на шее (букв. «на гребне»), о котором говорит Креонт, – «животная» метафора: под находящимися под ярмом царь подразумевает своих подданных.

- *Rex, mortalibus nihil est juramento denegatum, Juramento & c. ) nemo inquam juret hoc se illudve non esse facturum.* Габио поясняет сентенцию стража о том, что смертным нельзя ни от чего зарекаться клятвой, ведь человек не может быть уверен, что этого не произойдёт.

- *Terra mea ablegatus sum a meis ipsius seminibus. Seminibus ) filiis.* Переводчик уточняет, что, говоря о «семенах», Эдип имеет в виду своих сыновей.

Встречаются и грамматические комментарии, например, с указанием функций падежей:

- *qui pro sua ipsius patria / amicum existimat, hunc nullius dico. Nullius ) pretii, aestimationis.* Переводчик указывает, что родительный падеж в данном случае имеет функцию цены, оценки (*genetivus pretii*).

Известно, что Габио более 20 лет возглавлял кафедру греческого языка в Римском университете, поэтому такие комментарии, скорее всего, были ориентированы на студентов (ведь чтение трагедий часто входило в курс обучения греческому языку).

То, что Габио уделяет большое внимание именно грамматике, подтверждает и указание на полях вариантов перевода активных аористных причастий:

- *Ducis autem hanc, quo modo? unde accipiens? Accipiens ) acceptam, deprehensam.*

- *Omnem pulverem expurgantes, qui detinebat hunc / Mortuum putrefactumque cadaver nudantes bene, Expurgantes ) detracto; nudantes ) denudato.*

- *Vis quid majus, quam interficere me capiens? Capiens ) captam.*

- *Accipiensque regionis perfectam monarchiam / Gubernabat, Accipiens ) acceptam.*

- *Corrumpens quidem cum baccis fructuosis terrae, Corrumpens, aut corrupta.*

Перевод активных аористных причастий, соответствия которым нет в латинском языке, часто представляет собой проблему. Вероятно, Габио, будучи знатоком классической грамматики, понимал, что перевод с помощью активного причастия настоящего времени не всегда сможет передать те видовременные отношения, которые заложены в оригинале, поэтому специально привёл на полях вариант с пассивными перфектными причастиями.

Примечаниями сопровождаются и партии хора. Например, парод «Антигоны» снабжён примечанием *Diei commendatio, quo argivorum excercitus a Thebarum obsidione discesserat*: Габио указывает, что в пароде описывается день, когда войско аргивян отступило от Фив.

В издании переводов **Файта Винсхейма** находим также примечания, касающиеся композиции трагедии: например, первым строкам «Антигоны» сопутствует сноска на полях: *Querela, & quaedam παρασκευή ad fabulae protasin* («жалоба и некоторая подготовка к теме пьесы (завязка)»). Риторические примечания сопровождают и монологи героев: **narratio** (рассказ), **conclusio** («заключение»), *παρασκευή ad epistasin* («подготовка к эпитасису» – от греч. ἐπίτασις – «напряжение», «нарастаение»), **insinuatio** («инсинуация», от лат. *insinuare* – «вкрасться к кому-л. в доверие»), **consolatio** («утешение»), **comminatio** («угроза»), **dehortatio** («отговаривание»), **concertatio** («состязание», «спор»). Особое внимание переводчик уделяет такой форме, как **concertatio (disputatio)** – споры персонажей. В «Антигоне» он выделяет пять таких споров, в последнем участвуют Креонт и Тиресий.

Встречается также помета **πάθος** («аффект», «волнение») при эмоциональной реплике корифея, опечаленного тем, что Антигону ведут в склеп. Затем появляется сама Антигона: её стенания (помета **Tragicae querelae** – «трагические жалобы») перемежаются с партиями хора. Винсхейм выделяет **catastrophe fabulae** («катастрофа пьесы» – поворот, развязка) – появление вестника, который сообщает о смерти Антигоны и Гемона. Затем **catastrophe spargitur in plurimas personas** – «трагический поворот событий распространяется на большее число

персонажей»: появляется Евридика и узнаёт о произошедшем. Раскаяние Креонта сопровождается пометой **sera poenitentia** («позднее раскаяние»).

Как уже было упомянуто, свой перевод Винсхейм осуществлял «на пользу юношества»: известно, что он занимался преподавательской деятельностью в нескольких школах и университетах. Вероятно, в обучении студентов древним языкам он особое значение придавал риторической теории, опираясь на античную модель образования: отсюда обилие соответствующих терминов в его комментариях. Таким образом, трагедия в его понимании (как, возможно, и все произведения древних) – отличный материал, на котором можно раскрыть смысл терминов композиции и риторики: ведь именно он писал в письме-посвящении о том, что читать трагиков полезно *eloquentiae causa* – т.е. для развития красноречия.

Винсхейм пользуется терминами композиции трагедии, употребляемыми у римского грамматика Элия Доната (*De comoedia* XVII, 1): пролог; протасис – начало действия; эпитасис – завязка; катастрофа – развязка<sup>272</sup>. Такой четырёхчастный принцип деления драмы существовал в ренессансной традиции наряду с более привычным нам пятичастным, или пятиактным, который в итоге одержал верх<sup>273</sup>.

Многие примечания служат своего рода кратким содержанием происходящих событий, например: **Narratio, quomodo in ipso facto sit deprehensa** («рассказ, как она была задержана во время самого деяния» – когда страж рассказывает, как была схвачена Антигона); **Defensio sive confirmatio: meum hoc factum habet mandatum divinum, & est consentaneum legi naturae** («защита, или подкрепление доказательством: это моё деяние было послано свыше и находится в соответствии с законом природы» – когда Антигона объясняет, что божественные законы для неё стоят выше законов Креонта) и т.д.

Примечания, несущие в себе основное содержание того или иного фрагмента трагедии, у Винсхейма обязательно присутствуют перед всеми партиями хора. Например, он предваряет «гимн человеку» следующим комментарием: **Locus**

---

<sup>272</sup> Забудская, Я.Л. Античные истоки пятиактного деления драмы // Вестник Московского университета. – 2018. – Серия 9. Филология. № 1. – С. 82.

<sup>273</sup> Указ. соч. С. 81-82.

**communis & distributio: humana mens omnia tentat, omnia audet** («общее место и дистрибуция (распределение)<sup>274</sup>: человеческий ум ко всему стремится, на всё дерзает»). Второй стасим он характеризует следующим образом: **Querela de calamitatibus familiae, insertis locis communibus** («жалоба о несчастьях семьи, с включением общих мест»). Третий стасим – об Эроте – Винсхейм, конечно, связывает с Гемоном и его чувствами: **Chorus inserto loco communi deplorat Haemonis impotentiam animi, qui non obtemperet voluntati patris, victus scilicet amore puellae** («хор в этом вставленном общем месте оплакивает необузданность чувств Гемона, который не повинуетя воле отца, конечно, побеждённый любовью к девушке»). То есть Винсхейм, как и Томас Уотсон, скорее осуждает непослушание Гемона. Третий стасим «Эдипа в Колоне» также сопровождается примечанием **Locus communis** («общее место»): **taxat immoderatas cupiditates, laudat mediocritatem** («высмеивает необузданные желания и восхваляет умеренность»). Примеры из мифологии, встречающиеся в партиях хора, снабжены комментариями о героях мифов, как и в издании Габио.

Примечания могут отражать определённое отношение переводчика к героям трагедии. Например, когда Креонт, не желая слушать предположение о том, что обряд, совершённый над Полиником, мог быть делом рук богов, говорит: *Desine, priusquam ira me impleas loquens* («Прекрати, прежде чем, говоря [так], наполнишь меня гневом»), Винсхейм сопровождает это примечанием **Impatientia audiendi tyrannica** («свойственная тиранам нетерпеливость в выслушивании»); когда же Креонт жалуется на недовольство граждан и на их нежелание «находиться под ярмом», примечание снова указывает на качества, присущие тирану: **Hoc proprie tyrannicum est, esse suspicacem, odisse omnem libertatem** («это особенно свойственно тиранам, быть склонными к подозрению, ненавидеть любую свободу»). Помета **Vox tyrannica** («голос тирана») присутствует и при споре Креонта с Гемоном, а именно – при словах Креонта: *Sed quem urbs praeficit, hic*

<sup>274</sup> Дистрибуция – риторический приём, состоящий в разделении целого на части (Куприянова, А.А. *Distributio* ('разделение') как одна из «фигур мысли» в «Риторике для Геренния» (I в. до н.э.). Рефлексы в современном гуманитарном знании // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 2. – Минск: «ИВЦ Минфина», 2016. – С. 96).

*audiendus est, / De parvis, justis & injustis* («но кому город предоставил власть, того и нужно слушать о малом, справедливом и несправедливом»), а также **Nos vere tyrannicum est** («это поистине свойственно тирану») – когда Гемон упрекает отца в том, что он хочет только говорить, но не слушать (*Vis loqui, & loquens neminem vis audire* – «ты хочешь говорить, и, говоря, никого не хочешь слушать») и **Pertinacia tyrannica** («тираническое упрямство») – когда Креонт уже почти готов уступить, но признаётся, что это сложно (*Difficile est cedere*).

Элементы анализа присутствуют и в примечаниях, сопровождающих реплики Антигоны: так, когда она заявляет Креонту о том, что не боится умереть, Винсхейм комментирует это следующим образом: **Nihil metuit, quia mori parata est, ergo tantum insultat tyranno** («она ничего не боится, так как готова умереть, следовательно, настолько она насмехается над тираном»). Стих 523 οὔτοι συνέχθειν, ἀλλὰ συμφιλεῖν ἔφυν (в версии Винсхейма – *Non odisse tecum, sed simul amare debeo* – «не ненавидеть вместе с тобой, но любить вместе я должна») переводчик также не оставляет без внимания: **Humanissima vox: non mutuis odiis, sed mutuo amore certandum** («очень человеколюбивая речь: нужно стремиться не к взаимной ненависти, но к взаимной любви»).

В комментариях Винсхейма также объясняется значение некоторых слов, например:

- *Creon... procedit, aliquam sententiam remigans. Remigans ) id est moliens, movens*
- *... quam nec somnus capit aeternus... \*id est, mors, neque temporis ulla diuturnitas.*

Вероятно, это те места, которые могли оказаться для студентов непонятными. Они объяснены через более простые синонимы: *remigare* буквально значит «грести», и Винсхейм объясняет это слово более нейтральными словами со значением «двигать», «приводить в движение»; поясняется также, что «вечный сон» – это метафора смерти.

Сентенции также сопровождаются примечаниями: более пространные Винсхейм определяет как *loci* – «места» (например, **Locus de pertinacia** – «место



об упрямстве» – стихи 473-478). Более короткие снабжаются пометой *ἐπιφώνημα* («эпифонема», «нравоучительное заключение») на полях.

Сентенциям уделяется внимание практически во всех изданиях. Это объясняется широкой сферой применения цитат из античных авторов: они могли употребляться в проповедях и трактатах в качестве *exempla*, в письмах, в сборниках изречений древних и т.д. Только в самом первом переводе, выполненном Эрве, сентенции никак не выделяются, поскольку его издание, как было сказано выше, лишено примечаний вообще.

В примечании к сентенции может быть и указание на то, что она встречается у другого античного автора. Так, к сентенции *Non nasci omnia vincit argumenta* («Лучше всего не рождаться», ОС, 1225) даётся примечание, что эта мысль встречается также у философов и у Феогида: *Sententia vulgo a Philosophis agitata, optimum non nasci, secundo, natum statim mori, est & in Theognide*. В другом месте Винсхейм ссылается на Овидия и приводит его цитату (**Ovidius: et miseros cum re consiliumque fugit** – «благоразумие оставляет несчастных»), когда Креонт заявляет, что и Антигона, и Исмена сошли с ума. Также встречается помета **Hesiodi sententia** («сентенция Гесиода») при словах Гемона о том, что нет ничего плохого в том, чтобы прислушиваться к советам (*Equidem fateor, excellere / Virum plenum sapientia: / Sed si secus est, raro enim hoc accidere solet, Honestum est alios etiam audire*).

Другим переводом, лишённым примечаний, является перевод Лалемана (1557 г.). Лалеман анализирует некоторые фрагменты «Антигоны» уже в предисловии к трагедии, к тому же целью переводчика, как он сам признаёт, было сделать перевод как можно более подробным и понятным; вероятно, по его мнению, такой перевод не нуждается в примечаниях. Тем не менее, в издании трудов Лалемана сентенции всё же маркированы с помощью кавычек на полях. Также переводчик указывает перед некоторыми партиями хора, какие стихотворные размеры он использует.

Что касается латинской версии Георга Раталлера, комментарии и примечания появляются только в тех изданиях, которые содержат все семь трагедий (т.е. в

антверпенском издании 1576 г. и его переиздании 1584 г.), а первое издание его переводов (1550 г.), включающее только «Аякса-биченосца», «Антигону» и «Электру», не снабжено никакими примечаниями, что неудивительно, учитывая, как снисходительно о нём отзывается сам переводчик, называя его *editio praematura* («незрелое издание»). Примечания Раталлера в основном содержат краткое изложение событий трагедий; также встречаются метрические указания (при смене размера), ссылки на схожие места у других античных авторов, например, Вергилия или Овидия. В примечаниях может выражаться отношение к героям трагедии: так, рядом с третьим стасимом «Царя Эдипа» помещено примечание: *Chorus ut bonum civem decet, omnia de principe meliora ominatur* («Хор, как и подобает хорошему гражданину, предсказывает лучшее о государе»). У Раталлера, как и у Винсхейма, более пространственные сентенции обозначаются на полях как *loci*, например, *locus de fragilitate & vicissitudine rerum humanarum* – «место о хрупкости и переменчивости человеческих дел»).

Многие примечания в изданиях Наогеорга и Раталлера являются переводом схолий Димитрия Триклиния, которые были впервые опубликованы на древнегреческом уже после издания некоторых исследуемых переводов, в 1552-1553 гг. Поэтому увеличение количества примечаний в более поздних переводах может быть отчасти обусловлено доступностью издания со схолиями.

Итак, примечания в рассматриваемых латинских версиях могут содержать следующую информацию:

- краткое содержание определённой части трагедии / тему хоровой партии или монолога героя.

- другие варианты перевода определённого слова или пояснение этого слова. Такой вид примечаний особо часто встречается у Габио: слово, могущее представлять некую трудность для понимания или перевода, выносится на поля со знаком «)». После следует объяснение этого слова или его синонимы и эквиваленты. Например, если герой в тексте называется не по имени, в примечании указывается, о ком идёт речь.

- указание на то, что какая-либо строка или строки представляют собой предложение.

- риторические термины или термины, относящиеся к структуре и композиции трагедии.

- метрические указания.

Такой материал придаёт изданиям справочный и энциклопедический характер и существенно облегчает читателю знакомство с греческой трагедией. Подробные риторические примечания и местами упрощённый перевод в латинской версии Файта Винсхейма показывают, что издание ориентировано в первую очередь на учащихся.

### Итоги.

В результате проделанной работы можно дать краткую характеристику переводческих установок и стратегий. Под переводческой установкой понимается интерпретационная позиция, которую занимает переводчик по отношению к исходному тексту<sup>275</sup>. Та или иная переводческая установка лежит в основе переводческой стратегии, которая «обусловлена отчасти возможностями переводящего языка и требованиями переводящей культуры, а отчасти личными свойствами и предпочтениями переводчика»<sup>276</sup>.

Можно отметить некоторые особенности, присущие тому или иному переводу в целом, как бы определяющие его «лицо»: так, первые переводы – **Эрве** и **Габио** – наиболее близки к тексту, практически буквальны. Перевод **Винсхейма** тоже достаточно близок к тексту, но более лаконичен: в нём иногда встречаются пропуски одного из однородных членов, какого-либо определения и наречия, то есть эта версия является более простой и практичной. Перевод **Раталлера** более свободный: автор позволяет себе перефразировать некоторые конструкции и не воспроизводить их буквально, особенно эта позиция видна в первом издании

---

<sup>275</sup> Казакова, Т.А. Художественный перевод: Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – С. 16.

<sup>276</sup> Там же.

перевода «Антигоны»; во второй редакции переводчик стремится сгладить некоторые из своих «вольностей». **Жан Лалеман** часто увеличивает количество строк, нередко он несколько раз синонимично выражает одно и то же предложение и конструкцию, как бы предлагая нам несколько вариантов перевода сразу. Также он может добавлять от себя некоторые детали и уточнения. Перевод **Наогеорга** менее радикален, но и этот гуманист также позволяет себе отойти от принципа буквализма. Наконец, **Томас Уотсон**, можно сказать, создаёт свою собственную трагедию по мотивам «Антигоны», но с очень плотной опорой на оригинальный текст.

Эти особенности переводов не в последнюю очередь вызваны разнообразием целей и взглядов переводчиков. Нельзя забывать и о влиянии на литературный перевод внешних факторов – таких, как личные контакты, политика, идеология, культурная среда<sup>277</sup>. Многие переводчики упоминают о противостоянии между католиками и протестантами, а также посвящают свои творения конкретным людям – патронам, влиятельным покровителям искусств. Плодородная университетская и гуманистическая среда также способствовала серьёзной филологической работе, которую проделали переводчики и издатели.

---

<sup>277</sup> Школьникова, О.Ю. Русская литература в Италии и итальянская литература в России: влияние «внешних» факторов // Учёные записки орловского государственного университета. – Орёл, 2015. – том 1, № 64. – С. 233.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, латинские переводы древнегреческих трагедий в XVI в. отличались большим разнообразием переводческих средств и установок и сыграли немалую роль в развитии как новолатинской литературы, так и классической филологии.

Поскольку у каждого переводчика были свои цели и задачи, это отразилось на характере перевода. Так, **Жантьен Эрве** занимался этой работой в первую очередь «для себя» или для узкого круга лиц. Перевод «Антигоны» он включил в издание своих сочинений, а также использовал древнегреческие цитаты с латинским переводом в своих новолатинских речах и трактатах в качестве *exempla*. Отсутствие каких-либо комментариев также свидетельствует о том, что перевод вряд ли был ориентирован на учащихся, хотя Эрве, как и большинство упомянутых в данной работе гуманистов, занимался в том числе преподавательской деятельностью.

Некоторые переводчики, напротив, прежде всего ориентировались на студентов: так, прямо на титульном листе издания перевода **Файта Винсхейма** указано, что он направлен *ad utilitatem juventutis* – на пользу юношества, поэтому эта версия отличается наибольшей простотой и лаконичностью, могут быть опущены некоторые прилагательные и наречия.

**Джованни Габио** делает свой перевод практически дословным, очевидно, для того чтобы сделать возможным сопоставление в процессе учёбы греческого и латинского текстов. Также его издание отличается большим количеством примечаний, в частности, предлагающих различные варианты перевода тех или иных слов.

**Жан Лалеман** в письме-посвящении заявляет о том, что хотел испытать свои силы и узнать мнение учёных мужей о нём как о переводчике, поэтому его перевод в первую очередь ориентирован на людей образованных, владевших классическими языками. Переводческая деятельность не являлась основной специальностью Лалемана, поэтому неудивительно, что он опирался на опыт своего предшественника, Георга Раталлера, иногда заимствуя у него целые фрагменты текста, например, парод «Антигоны». Лалеман утверждал, что

стремился точно передать смысл каждого предложения в трагедии, – но в результате этого перевод получился более многословным, чем в других случаях, а тексты трагедий увеличились более чем в полтора раза. Также перевод Лалемана отличается отсутствием примечаний, однако каждой трагедии предшествует довольно подробное предисловие.

**Томас Наогеорг** в письме-посвящении пишет, что осуществлял свой перевод для того, чтобы учёные люди, которые знают латынь, но не знают (или недостаточно хорошо знают) древнегреческий, могли бы ознакомиться с произведениями великого трагика. Его перевод тоже местами не столь точен, как первые переводы (Эрве, Габио и Винсхейма), отличается большим количеством анжанбеманов и незначительным увеличением количества строк (на 10-14%).

Вокруг перевода **Георга Раталлера** группируется несколько посвящённых ему стихотворений на древнегреческом и латинском языке, что подчеркивает концептуальность этого издания. В предисловии Раталлер указывает, что изначально делал перевод «для себя», не желая его публиковать, поэтому он получился достаточно вольным, хоть и близким к тексту. В дальнейшем переводчик ориентировался уже на круг своих знакомых-гуманистов, а также на всех учёных людей, поэтому исправил некоторые неточности перевода в более позднем издании и снабдил его примечаниями, во многом опирающимися на схолии Димитрия Триклиния. Версия Раталлера также отличается увеличением количества строк оригинального текста (около 20%).

**Томас Уотсон** переводит «Антигону» Софокла для постановки на сцене и снабжает её авторскими добавлениями, придающими пьесе дидактический характер и раскрывающими качества персонажей. Сам текст трагедии переведён довольно точно, однако наличие «шествий», аллегорически представляющих качества героев трагедии, существенно преобразует его.

Таким образом, наиболее точными являются переводы, ориентированные на учащихся, менее точными – на учёных-гуманистов. Наконец, наибольшее количество авторских добавлений или изменений допускает версия, предназначенная для постановки.

Параллельное исследование переводов и сопровождающих их писем-посвящений, вступлений, заметок и примечаний позволяет воссоздать объёмную картину переводческого процесса, узнать цели и задачи переводчика, его мнение об античной литературе и отдельных её произведениях.

Необходимо отметить, что с течением времени в рассматриваемых изданиях возрастает количество комментариев и примечаний. Так, в издании Жантьена Эрве нет примечаний на полях, в изданиях Габио и Винсхейма их уже довольно много: у Габио на полях помещаются в основном контекстные синонимы, у Винсхейма – риторические термины, а также примечания, относящиеся к содержанию трагедии. В издании Винсхейма помещается заметка Иохима Камерария «Об авторах трагедии»; каждая трагедия предваряется не только кратким содержанием (*argumentum*), но и предисловием. Издание Жана Лалемана лишено примечаний на полях, однако трагедии сопровождаются подробными предисловиями, также присутствуют стихотворные посвящения переводчику от других гуманистов. Количество таких предисловий в последующих изданиях (Наогеорга, Раталлера и Уотсона) только возрастает, некоторые из них написаны на древнегреческом языке; встречаются обращения переводчика к читателю, заметки о метрике, различные примечания на полях. Перевод Томаса Уотсона, помимо всего вышеупомянутого, содержит и авторские добавления. Таким образом, наблюдается эволюция изданий от более лаконичных до концептуальных (в последнем случае публикация перевода – настоящее событие в кругу учёных людей, сопровождаемое посвящениями, рецензиями и т.д.).

В более поздних изданиях увеличивается и количество маркируемых сентенций: от 1-17 у Габио до 33-48 у Раталлера и 70 у Уотсона. Переводчики уделяют сентенциям особое внимание, поскольку они могли использоваться как *exempla* в риторических сочинениях, а также считались источником древней мудрости.

Существенное различие наблюдается между переводами *ad verbum* (перевод Джованни Габио) и *ad sensum* (прочие переводы). Так, перевод *ad verbum* едва ли может быть эквиритмическим, однако приближается к эквилинеарному и

представляет собой нечто вроде подстрочника. Переводы *ad sensum*, напротив, полностью или частично воспроизводят метрические особенности оригинала, однако могут существенно превосходить его по количеству строк.

На перевод могут оказывать влияние национальные особенности: здесь больше всего выделяется версия француза Жана Лалемана, превышающая оригинал по количеству строк более, чем в полтора раза; увеличение количества строк за счёт употребления различных синонимических вариаций – особенность французских переводов XVI в. Вероисповедание переводчиков отражается в предисловиях и комментариях: многие из них упоминали о противостоянии между католиками и протестантами; Жантьен Эрве вёл острую полемику с кальвинистами, в то время как Винсхейм, Наогеорг и Раталлер, напротив, были убеждёнными сторонниками Реформации.

Примечания в рассматриваемых изданиях играют важную роль, а их характер, как и характер самого перевода, обусловлен задачами переводчика: в переводах Габио и Винсхейма, предназначенных для студентов, примечания часто носят грамматический и риторический характер; у Наогеорга, Раталлера и Уотсона чаще встречаются метрические указания, сентенции и краткое изложение тех или иных эпизодов.

По авторским предисловиям и примечаниям можно сделать вывод об отношении переводчиков к действующим лицам трагедий Фиванского цикла. Так, фигура Антигоны вызывает непонимание у Жана Лалемана, но одобрение – у Уотсона. Тем не менее, для всех переводчиков центральное место в повествовании занимает не она, а Креонт: они неоднократно подчёркивают недопустимость его поведения в «Антигоне». Здесь особо выделяется перевод Винсхейма, в примечаниях к которому постоянно упоминается тиранический характер Креонта. Фигура Эдипа в основном вызывает у переводчиков сочувствие, поскольку с её помощью Софокл демонстрирует неумолимость рока, который может настичь каждого. Гемон же кажется некоторым переводчикам (Винсхейму и Уотсону) незрелым персонажем; его непослушание отцу осуждается, хотя действия самого Креонта осуждаются ещё больше.



Несмотря на то, что исследуемые переводы существенно отличаются друг от друга, всё же необходимо отметить, что все они вписываются в контекст идеи *imitatio & aemulatio* («подражание и соперничество»): каждый переводчик стремится не только воссоздать дух оригинальной трагедии, но и превзойти предшественников, сделав свой перевод ещё более художественно ценным и подробным и снабдив его детальными примечаниями. Таким образом, новолатинские переводы составляют важную часть литературного процесса эпохи Возрождения, ознаменовавшейся совершенствованием типографий и кропотливой текстологической работой с произведениями античных авторов для их последующей публикации.

Изучение переводов XVI в. позволяет выявить те представления об античной трагедии, которых придерживались деятели Возрождения: так, в трагедии ценится прежде всего мораль и идея о том, что нужно учиться на ошибках персонажей; впрочем, некоторые авторы упоминают и о непреодолимой силе рока, которая может настичь любого человека, даже праведного. Однако к трагедии переводчики обращаются в первую очередь из этических соображений: она может преподать урок как власть имущим, так и обычным людям.

Сближает исследуемых переводчиков и то, что сам процесс перевода они нередко аллегорически представляют в виде переодевания из греческой одежды в римскую; к трагедии же нередко применяется образ зеркала, в котором мы можем видеть людские несчастья.

Важным пунктом лексического анализа латинских версий является изучение способов перевода терминов власти, поскольку все переводчики отмечают важность фигуры царя или тирана в трагедии. Способы перевода теонимов также представляют интерес. Обе эти группы древнегреческих реалий могут вызывать сложность при переводе, поскольку они часто не совпадают ни с римскими, ни с современными переводчикам реалиями.

Наконец, важно обратить внимание и на перевод партий хора как наиболее сложных и «тёмных» мест трагедии: большинство переводчиков, работая с ними,

упрощают метрическое разнообразие оригинала, однако выделяется перевод Георга Раталлера, стремящийся к наибольшей эквиритмичности.

Итак, переводы гуманистов, выполненные в XVI веке, весьма интересны с точки зрения рецепции античного наследия. Авторы более поздних переводов редко напрямую опираются на труды своих предшественников, тем не менее, с течением времени издания античных текстов становятся всё более насыщенными примечаниями, вступлениями и пояснениями и, а перевод – всё более вольным.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Приложение 1. Томас Наогеорг объясняет, какие размеры он использовал при переводе трагедии.

Carminibus autem reddidi **Iambicis trimetris**, quae prima ac tertia sede quinque pedes indifferenter recipiunt, dactylum, tribrachium, anapaestum, spondeum & iambum; in quarto loco tres, dactylum, spondeum & iambum; in paribus autem locis, iambum duntaxat, aut tribrachium; praeter ultimum, quem iambus solus, aut pyrrhichius, obtinet.

In Choris dimetris usus sum **partim Iambicis, partim Trochaicis, partim etiam Anapaesticis**, legitimisque illis, qualibet & veteres Graeci ac Latini usi sunt, Anapaesticis exceptis, in quibus dactylo sum paribus in locis usus, praeter aliorum consuetudinem, atque hoc duntaxat in Ajace ac Philocteta factum est. Haec ideo commemorare visum est, ut si quis versus examinare ac metiri velit, habeat quid sequatur.

Русский перевод:

«Я передал [стихи трагедии] ямбическим триметром, в котором на первом и третьем месте (в первой и третьей стопе) равно приемлемы пять размеров: дактиль, трибрахий, анапест, спондей и ямб; в чётных же местах (стопах), только ямб или трибрахий, кроме последней, которую занимает только ямб или пиррихий. В партиях хора я пользовался местами ямбическими, местами трохеическими, местами даже анапестическими [стопами] и теми приличествующими, какими пользовались и древние греки, и латиняне (не считая анапестических [стоп], в которых я использовал дактиль в чётных стопах, противоположно обыкновению прочих [поэтов], причём это было сделано только в «Аяксе» и «Филоктете»). Мне показалось, что это нужно отметить, для того чтобы, если кто-то захотел бы исследовать и измерить стихосложение, он имел, чему следовать».

### Приложение 2. Эпиграмма, написанная Иоанном Стурмием и помещённая в издании Томаса Наогеорга.

Quaeris, cur Latii Sophocles sermone loquatur?

Causa mihi prompta est: exulat e patria.

Quaeris cur nullus converterit hunc Italorum?

Nescio quid possint Ausones, hic potuit.

Русский перевод:

«Ты спрашиваешь, почему Софокл говорит по-латински?

Причина мне очевидна: был изгнан с родины.

Спрашиваешь, почему никто из итальянцев его не перевёл?

Уж не знаю, что там могут Авзоны, а он [Наогеорг] смог».

### **Приложение 3. Латинский текст заметки Георга Раталлера “*De ratione versuum ad lectorem*”.**

De ratione carminum, quibus usus est Sophocles, non puto abs re fore, si paucis admoneam, extra Choros vix alio genere, quam Iambicis Trimetris Acatalecticis usum fuisse. Sub finem Oedipi Tyranni aliquot sunt versus Trochaici Tetrametri, ut etiam in Oedipo Coloneo, & aliquot Hexametri in Philoctete, quos ubique etiam nos reddidimus. In Choris ob varia, & Latinis inusitata, & multa incognita genera, id praestare non licuit, sed ubi in iis notare atque animadvertere potuimus Anapestica, Trochaica, & alia id genus Latinis usitata, ea... expressimus. Qui autem περὶ μέτρων, quae usurpat in Choris Sophocles, plenius erudiri desiderat, is, quae huc pertinebunt, ex Demetrio Triclinio Graeco Grammatico petat, qui opusculum ea de re editum reliquit.

Русский перевод:

«Об устройстве стихов, которыми пользовался Софокл, я не считаю, что будет не относящимся к делу напомнить: вне хора он едва ли пользовался каким-либо другим размером, кроме ямбического акаталектического триметра. Ближе к финалу «Царя Эдипа» есть несколько стихов, [написанных] трохеическим тетраметром, как и в «Эдипе в Колоне», и несколько – гекзаметром – в «Филоктете», которые везде именно так мы и передали. В хоре же, поскольку размеры очень разнообразные, и неупотребительные у латинян, и во многом неясные, выполнить это было нельзя, но, где мы смогли отличить и заметить [размеры], мы выразили их анапестическими, трохеическими и прочими употребительными у латинян метрами. А кто хочет подробнее ознакомиться с метрами, которые в партиях хора использовал Софокл, тот за тем, что к этому относится, пусть обратится к греческому грамматiku Димитрию

Триклинίου, который оставил небольшой труд на эту тему».

**Приложение 4. Фрагмент перевода, выполненного Томасом Наогеоргом (стихи 253-261).**

Nobis ut autem primus excubitor die  
Ostendit, omnibus fuit miraculum  
Difficile. nil corruptum erat enim. Non quidem  
Tumulus erat factus. tenuis arena sed  
Dumtaxat injecta erat, ut a piaculum  
Fugiente. Porro signa nulla bestiae  
Alicujus usquam apparuere, nec canis  
Venientis aut rapientis. Inter nos ibi  
Mala resonabant verba. Nam vigilem vigil  
Redarguebat, adque plagas denique  
Res propemodum venit, neque aderat quispiam  
Prohibens.

Ср. с оригиналом:

ὅπως δ' ὁ πρῶτος ἡμῖν ἡμεροσκόπος  
δείκνυσι, πᾶσι θαῦμα δυσχερὲς παρῆν.  
255 ὁ μὲν γὰρ ἠφάνιστο, τυμβήρης μὲν οὔ,  
λεπτὴ δ', ἄγος φεύγοντος ὥς, ἐπῆν κόνις  
σημεῖα δ' οὔτε θηρὸς οὔτε του κυνῶν  
ἐλθόντος, οὐ σπᾶσαντος ἐξεφαίνετο.  
λόγοι δ' ἐν ἀλλήλοισιν ἐρρόθουν κακοί,  
260 φύλαξ ἐλέγχων φύλακα, κἄν ἐγίγνετο  
πληγὴ τελευτῶσ', οὐδ' ὁ κωλύσων παρῆν.

**Приложение 5. Лексические особенности переводов *ad verbum* и *ad sensum*.**

**Софокл. Реплика Эдипа (Soph. Oed. Col. 33-35).**

ὦ ξεῖν', ἀκούων τῆσδε τῆς ὑπέρ τ' ἐμοῦ  
αὐτῆς θ' ὀρώσης, οὐνεχ' ἡμῖν αἴσιος  
σκοπὸς προσήκεις ὧν ἀδηλοῦμεν φράσαι

(«Чужестранец, слыша от этой [девушки], и за меня, и за себя видящей, что ты пришёл к нам благоприятным наблюдателем/разведчиком сказать то, чего мы не знаем...»).

**Перевод *ad verbum* – Габио:**

O hospes audiens hanc proque me  
Seque videntem: quoniam nobis legitimus

Speculator advenisti eorum, quae interrogabimus, dicere

(«Чужестранец, слыша от этой [девушки], и за меня, и за себя видящей, поскольку ты пришёл к нам законным разведчиком сказать то, что мы спросим...»).

**Переводы *ad sensum*.**

**Винсхейм:**

O hospes, cognovi ex hac, quae pro me

Et pro se videt, te in tempore

Advenire speculatorem,

Dic ergo nobis quaeso ea quae interrogabimus

(«Чужестранец, я узнал от той, что видит за меня и за себя, что ты вовремя пришёл к нам в качестве разведчика. Так скажи нам, прошу, то, что мы спросим»).

**Лалеман:**

Quando tu nobis, hospes, commodum advenis,

Et quasi divus nostrae ades miseriae

Speculator, certiores qui facere

Nos possis, & nostra ad rogata partier

Respondere, hanc audi benignus virginem,

Geminis pro se meque praeditam oculis

(«Когда ты к нам, чужестранец, вовремя пришёл, и являешься словно божественным наблюдателем нашего несчастья, [ты], что мог бы сделать нас более осведомлёнными и на наши вопросы равным образом отвечать, послушай внимательно эту деву, снабжённую за себя и за меня двойными глазами (=двумя парами глаз)»).

**Наогеорг:**

Audivi ob has,

O hospes, ambobus oculos quae commodat

Visumque nobis, te venire commodum

Modo speculatorem, ea uti nobis indices

Quae te rogamus

(«Я услышал от неё, чужестранец, обоими глазами (=двумя парами глаз) которая обеспечивает наше зрение, что ты приходишь вовремя сейчас в качестве разведчика, чтобы ты указал нам то, что мы спрашиваем»).

**Раталлер:**

Hospes, audio

Ex virgine ista, quae vice duorum, simul

Pro se atque pro me, fungitur jam luminis

Usura, in ipso tempore huc nobis ades,

Speculator, ut quae inquirere volumus, explices

(«Чужестранец, я слышу от этой девушки, которая за двоих, одновременно за себя и за меня, пользуется теперь глазами (букв. «исполняет использование глаз», вовремя сюда ты к нам являешься, разведчик, чтобы объяснить то, что мы бы хотели узнать»).

## Приложение 6.

**Таблица 6.1 – Употребляемые переводчиками термины власти: «Антигона».**

| Софокл<br>(по изданию<br>R.D.<br>Dawe)                                                                                                         | перевод<br>Эрве<br>(1541 г.) | перевод<br>Габио<br>(1543 г.) | перевод<br>Винсхейма<br>(1549 г.) | перевод<br>Раталлера<br>(первая/<br>вторая<br>редакция,<br>1550/1576<br>гг.) | перевод<br>Лалемана<br>(1557 г.)    | перевод<br>Наогеорга<br>(1558 г.) | перевод<br>Уотсона<br>(1581 г.)                               |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------|-------------------------------|-----------------------------------|------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------|-----------------------------------|---------------------------------------------------------------|
| ст. 8<br>τὸν<br>στρατηγόν<br>(Антигона – о Креонте)                                                                                            | imperator                    | ducem                         | Ducem                             | Creonta/<br>Creonta                                                          | Creontem                            | ducem                             | regno qui<br>praeest                                          |
| ст. 60<br>ψῆφον<br>τυράννων<br>(Имена – о царях в целом <sup>1</sup> )                                                                         | potentia<br>Regis            | judicium<br>tyrannorum        | edictum<br>Tyranni                | legibus<br>potentiorum<br>/tyrannica<br>edicta                               | leges<br>Tyrannorum                 | edictum<br>tyranni                | Tyranni<br>imperia                                            |
| ст. 156<br>ἄρχων<br>νεοχμὸς<br>(Хор – о Креонте)                                                                                               | recens<br>urbis<br>rex       | rex<br>recens                 | novus Dux                         | rex... imperio<br>recens potitus                                             | rex... imperio<br>recens<br>potitus | hujus<br>regionis rex<br>novus    | rector...<br>Creon...<br>recenti<br>divum<br>solio<br>tumidus |
| ст. 278<br>ἄναξ<br>(хор – Креонту)                                                                                                             | o rex                        | rex                           | rex                               | Creon                                                                        | Creon rex                           | o rex                             | rex                                                           |
| ст. 388<br>ἄναξ,<br>ст. 398<br>ἄναξ<br>(страж – Креонту)                                                                                       | o rex, o<br>rex              | rex, rex                      | rex, rex                          | rex, rex sume                                                                | princeps<br>Creon, rex              | o rex,<br>Rex                     | Rex, Rex                                                      |
| ст. 506<br>реплика<br>Антигоны:<br>ἀλλ' ἡ<br>τυραννὶς<br>πολλά τ'<br>ἄλλ'<br>εὐδαιμονεῖ<br>καῖ' ἔστιν<br>αὐτῇ δρᾶν<br>λέγειν θ' ἂ<br>βούλεται. | tyrannis                     | tyrannis                      | tyrannis                          | tyrannis                                                                     | Tyrannis                            | tyrannis                          | tyrannis                                                      |



|                                                                                                                                                  |                 |                                |                            |                                         |                      |                    |                                                                   |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------|--------------------------------|----------------------------|-----------------------------------------|----------------------|--------------------|-------------------------------------------------------------------|
| ст. 563<br>ὦναξ<br>(Имена –<br>Креонту)                                                                                                          | o rex           | o rex                          | нет<br>обраще-<br>ния      | o rex / rex                             | rex                  | o rex              | o Rex                                                             |
| ст. 724<br>ἄναξ (хор<br>–<br>Креонту)                                                                                                            | o Rex           | Rex                            | rex                        | rex                                     | o rex                | rex                | o Rex                                                             |
| ст. 940<br>Θήβης οἱ<br>κοιρανίδαι<br>(Антиго-<br>на – к<br>фиван-<br>цам)                                                                        | o princip<br>es | The-<br>barum<br>princip<br>es | Theba-<br>rum<br>principes | Thebani<br>principes                    | Thebani<br>principes | Thebes<br>reguli   | o Theba-<br>nae terrae<br>urbs<br>patria. et<br>penates<br>patrii |
| ст. 956<br>βασιλεύς<br>(хор о<br>сыне<br>Дрианта,<br>Эдоний-<br>ском<br>царе)                                                                    | Rex             | rex                            | Rex                        | rex                                     | princeps             | rex                | rex                                                               |
| ст. 988<br>Θήβης<br>ἄνακτες<br>(Тиресий<br>–<br>фиванцам<br>)                                                                                    | reges           | reges                          | o Thebani<br>principes     | proceres<br>Agenoridae                  | Thebani<br>proceres  | Thebes<br>magistri | Thebane<br>rex                                                    |
| ст. 1103<br>ἄναξ (хор<br>–<br>Креонту)                                                                                                           | rex             | rex                            | без<br>обраще-<br>ния      | без<br>обращения                        | rex                  | o rex              | Rex                                                               |
| ст. 1172<br>τί δ' αὖ<br>τόδ' ἄχθος<br><b>βασιλέων</b><br>ἦκεις<br>φέρων;<br>(хор –<br>вестнику:<br>«какое<br>горе<br>царей<br>вновь<br>несёшь?») | regum           | regum                          | regum                      | regii (oneris<br>regii) / de<br>regibus | regi                 | principum          | regis                                                             |

**Таблица 6.2 – Употребляемые переводчиками термины власти: «Эдип-царь».**

| оригинал (по изданию R.D. Dawe)                                                                                                                                       | перевод Габио (1543 г.)                               | перевод Винсхейма (1549 г.)                              | перевод Лалемана (1557 г.)                                             | перевод Наогеорга (1558 г.)                      | перевод Раталлера (1576 г.)                                            |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------|
| ст. 80<br>(реплика Эдипа)<br>ῥναξ<br>Ἄπολλον                                                                                                                          | o rex Apollo                                          | o Apollo                                                 | o rex Apollo                                                           | o Phoebe rex                                     | o Rex Apollo                                                           |
| ст. 203<br>Λύκει' ἄναξ<br>(хор – Аполлону)                                                                                                                            | Lycee rex                                             | O Rex Lycie                                              | o Apollo rex Lycee                                                     | O Lyciae rex                                     | o Rex Lyciae                                                           |
| ст. 284<br>ἄνακτ' ἄνακτι<br>ταῦθ' ὀρῶντ'<br>ἐπίσταμαι<br>μάλιστα<br>Φοῖβῳ<br>Τειρεσίαν<br>(хор: «я знаю, что владыка Тиресий такой же провидец, как владыка Аполлон») | regem regi eadem videntem scio maxime Phoebo Tiresiam | Scio Tiresiam eadem divinandi vim habere quae Phoebo est | Augustus scio Tiresias eadem prorsus quae & rex & eximius ille Phoebus | Cum rege, regem nosse Tiresiam scio maxime eadem | deos ut inter Apollo, Tiresias ita fatidica in hominibus arte praestat |
| ст. 304 ῥναξ<br>(Эдип – Тиресию)                                                                                                                                      | o rex                                                 | o Rex                                                    | нет обращения                                                          | o rex                                            | нет обращения                                                          |
| ст. 514 τὸν τύραννον Οἰδίπου<br>(Креонт об Эдипе)                                                                                                                     | Tyrannum Oedipum                                      | Regem                                                    | rex... Oedipus                                                         | tyrannus Oedipus                                 | ab Oedipo                                                              |
| ст. 617 ἄναξ<br>(хор – Эдипу)                                                                                                                                         | rex                                                   | o Rex                                                    | princeps                                                               | o rex                                            | нет обращения                                                          |
| ст. 631 ἄνακτες (хор к Эдипу и Креонту)                                                                                                                               | reges                                                 | reges                                                    | o principes                                                            | reges                                            | reges                                                                  |
| ст. 697 ἄναξ<br>(Иокаста – Эдипу)                                                                                                                                     | rex                                                   | rex                                                      | princeps                                                               | o rex                                            | o Rex                                                                  |
| ст. 873 ὄβρις φυτεύει<br>τύραννον                                                                                                                                     | contumelia plantat tyrannum                           | injustitia plantat tyrannidem                            | tyrannum fastus & superbia impiumque facit                             | Tyrannidem serit injusta vis                     | injuria peperit tyrannum                                               |
| ст. 1043                                                                                                                                                              | domini                                                | Rex                                                      | regis                                                                  | tyrannus                                         | Rex                                                                    |

|                                                      |             |       |        |       |       |
|------------------------------------------------------|-------------|-------|--------|-------|-------|
| τυράννου (ο<br>Лае,<br>прежнем<br>царе Фив)          |             |       |        |       |       |
| ст. 1426<br>ἄνακτος<br>Ἡλίου<br>(Креонт ο<br>солнце) | regis solis | Solis | Phoebi | Solis | solis |

## Приложение 7.

**Таблица 7.1 – Перевод теонимов и эпитетов богов в трагедии «Эдип в Колоне»:**

| Софокл                                      | перевод<br>Габио                                             | перевод<br>Винсхейма                          | перевод<br>Лалемана                                          | перевод<br>Наогеорга                                     | перевод<br>Раталлера                                            |
|---------------------------------------------|--------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------|--------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------|
| ἔμφοβοι θεαί,<br>Γῆς τε καὶ<br>Σκότου κόραι | terraeque &<br>tenebrarum<br>filiae                          | terribilis Deae,<br>terrae & noctis<br>filiae | venerandae &<br>terrificae Deae<br>Noctis & terrae<br>filiae | horribiles deae,<br>tenebrarum<br>atque terrae<br>filiae | terrificae<br>tellure, et atro<br>Erebo editae<br>Deae          |
| τὰς πάνθ’<br>ὀρώσας<br>Εὐμενίδας            | omnia<br>videnetes<br>Eumenides                              | Eumenidas,<br>omnia videntes                  | Euminides facta<br>scelerate<br>lustrantes omnia             | Eumenidas,<br>videntes omnia                             | omnia videntes<br>Eumenidas                                     |
| ὦ πότνια<br>δεινῶπες                        | O venerandae<br>furiae                                       | o venerandae<br>Deae, terribili<br>aspectu    | O venerandae<br>furiae                                       | Deae o<br>colendae<br>plurimum                           | veneranda<br>semper o mihi<br>numina, o<br>truces visu<br>deae! |
| ὦ γλυκεῖαι<br>παῖδες<br>ἀρχαίου<br>Σκότου,  | o dulces<br>filiae<br>antiquarum<br>tenebrarum               | o dulces filiae<br>antiquae<br>caliginis      | o dilectae pallidi<br>natae Orci                             | dulces filiae<br>Noctis vetustae                         | dulces veteris<br>Erebi filiae                                  |
| Ζεῦ ἀλεξήτορ                                | Juppiter<br>depulsor<br>malorum                              | Juppiter<br>propullator                       | malorum<br>averruncator<br>Juppiter                          | Summe<br>Juppiter<br>adjutor                             | depulsor<br>portentorum<br>Juppiter                             |
| ὁ βακχιώτας<br>ἀεὶ Διόνυσος                 | Bacchiotes<br>semper<br>Bacchus                              | Bacchus                                       | Bacchiotes<br>Dyonisus                                       | Bacchus                                                  | Bacchus                                                         |
| μεγάλαιν<br>θεᾶν                            | magnarum<br>Dearum –<br>сноска:<br>Cereris et<br>Proserpinae | magnis deabus                                 | venerandarum<br>dearum                                       | maximis<br>deabus                                        | venerandis<br>deabus                                            |

|                                                                                             |                                                                 |                                                                      |                                                                       |                                                                               |                                                                |
|---------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------|
| χρυσάνιος<br>Ἀφροδίτα                                                                       | Aurea Venus                                                     | Aurea Venus                                                          | Aurea Venus                                                           | Venus quae<br>fertur habenis<br>aureis                                        | Venus aurea                                                    |
| γλαυκῶπις<br>Ἀθάνα                                                                          | Glaucopis<br>Minerva                                            | caesia Pallas                                                        | caesia Minerva                                                        | caesia Pallas                                                                 | caesia Pallas                                                  |
| ἄναξ<br>Ποσειδάν                                                                            | rex Neptune                                                     | o Neptune                                                            | rex o sacer<br>Neptune                                                | Neptune rector                                                                | Neptune                                                        |
| τῶν<br>ἐκατομπόδων<br>Νηρήδων                                                               | centipedes<br>Nereides                                          | Nereidas                                                             | Nereides<br>centipedes                                                | Nereidum                                                                      | centipedes<br>Nereidas                                         |
| τὸν<br>χαλκοβόαν<br>Ἄρη                                                                     | Aereasonan-<br>tem Martem                                       | Ferristrepum<br>Martem                                               | resonanti Marte                                                       | Mavorte<br>clamoso                                                            | proelia Martis                                                 |
| οὗ πότνιαι<br>σεμνὰ<br>τιθηνοῦνται<br>τέλη<br>θνατοῖσιν,<br>(в<br>манускрип-<br>тах σεμναί) | ubi<br>venerandae<br>graves<br>nutriunt sacra<br>mortalibus     | ubi venerandae<br>sacerdotes<br>fovent sacra<br>Cereris<br>hominibus | ubi castae &<br>graves Deae                                           | ubi / Cereris<br>fovent<br>mysteria /<br>Mortalibus                           | ubi dedita<br>Cereri /<br>Veneranda<br>facit sacra<br>sacerdos |
| τὰν ἱππίαν<br>Ἀθάναν                                                                        | equestrem<br>Minervam                                           | equestrem<br>Minervam                                                | Minervam...<br>equestrem                                              | equestrem<br>Pallada                                                          | Minervam...<br>equestrem                                       |
| καὶ τὸν<br>πόντιον<br>γαιόχορον<br>Ῥέας φίλον<br>υἷον.                                      | marinum<br>terram<br>continentem<br>Rheae<br>dilectum<br>filium | et qui mari<br>praeest<br>Neptunum,<br>Rheae filium                  | aequoreum /<br>Terrae<br>concussorem<br>Deum Rheae<br>dilectum filium | Terraeque<br>vectorem<br>colunt, / Maris<br>imperatorem,<br>Rheae /<br>Gnatum | progenitum<br>matre Rhea<br>aequoreum<br>Neptunum              |
| Ζεὺς                                                                                        | Juppiter                                                        | Deus                                                                 | Juppiter                                                              | Juppiter                                                                      | Jovis                                                          |
| παντ-<br>όπτα Ζεῦ                                                                           | Juppiter<br>imperator<br>deorum                                 | o Juppiter<br>Deorum Rex                                             | O princeps<br>Deum Juppiter /<br>Summe                                | o Juppiter rex<br>omnium<br>deorum                                            | Rex Deorum                                                     |
| Παλλὰς<br>Ἀθάνα.                                                                            | Pallas<br>Minerva                                               | inclyta filia<br>Jovis Minerva                                       | Minerva quoque<br>Pallas veneranda<br>tua nata                        | veneranda<br>Jovis Minerva<br>filia                                           | praeclara Jovis<br>filia Pallas                                |
| ἀγρευτὰν<br>Ἀπόλλω                                                                          | venatorem<br>Apollinem                                          | venator Apollo                                                       | venatorem<br>Apollinem                                                | venaticum<br>quoque<br>Apollinem                                              | venator Apollo                                                 |
| κασιγνήταν                                                                                  | sororem                                                         | et sororem<br>Dianam                                                 | sororemque ejus                                                       | sororem<br>Deliam                                                             | tuam sororem                                                   |
| Ποσειδῶνος                                                                                  | Neptuni                                                         | Neptuni                                                              | Neptuni                                                               | Neptuni                                                                       | Neptuni                                                        |
| τοῦ θεοῦ                                                                                    | dei                                                             | deum                                                                 | numinis                                                               | dei                                                                           | Diis                                                           |
| Ζηνὶ<br>σύνθακος<br>θρόνων                                                                  | Jovi<br>consessor<br>Thronorum                                  | verum adstat<br>throno Jovis /                                       | At enim Jovi ut<br>thronis semper<br>assidet / Pudor                  | pudor, Jovis<br>etiam assistens<br>throno                                     | quae aureo<br>assistit throno<br>semper Jovis /                |

|                                                |                                   |                                                                       |                                                                  |                                                                           |                                                                                               |
|------------------------------------------------|-----------------------------------|-----------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------|
| Αἰδώς                                          | Pudor                             | Reverentia in omnibus factis                                          |                                                                  |                                                                           | Sanctra reverentia                                                                            |
| αὐτὸν τὸν θεὸν                                 | ipsum deum                        | ipsum Deum                                                            | numinis                                                          | ipsum deum                                                                | Deum                                                                                          |
| τοιᾶσδ' ἄρας<br>(проклятия)                    | imprecationes                     | talibus diris (dira, -orum, n – страшные предзнаменования, проклятия) | tales.... / Diras                                                | hisce execrationibus                                                      | talibus... Erinnybus                                                                          |
| ἡ παλαίφατος Δίκη<br>ξύνεδρος<br>Ζηνὸς         | praedicta Justitia assetrix Jovis | apud antiquos celebrata Vindicta assidet Jovi                         | Si quidem antiqua illa Dice Jovi veteri instituto soliis assidet | si quidem / Antiquitus celebrata vindicta assidet / Jovi vetustis legibus | Si modo / veterum celebrata ore Dea vindicta adhuc,/ quo olim solet loco , Jovi summo assidet |
| τὸ Ταρτάρου<br>1390στῦγνὸν<br>πατρῶν<br>ἔρεβος | Tartari invisum paternum Erebum   | Tartari / Tristes tenebras                                            | patrius / Tartari .... Erebus                                    | Tartari / Triste et paternum Erebus                                       | Manes profundos tristis... Tartari                                                            |
| Ἄρη                                            | Martem                            | Martem                                                                | Martem                                                           | Gradivum (Gradivus – шагающий – один из эпитетов бога Марса)              | Martem                                                                                        |
| τοῦδ' ἐρινύων                                  | hujus furiis                      | diras                                                                 | furiis                                                           | Erinnyas                                                                  | Erinnyes                                                                                      |
| Ζεὺς                                           | o Juppiter                        | o Jupiter                                                             | Juppiter                                                         | o Juppiter!                                                               | Jupiter                                                                                       |
| Διὸς                                           | Jovis                             | Jovis                                                                 | Jovis                                                            | Jovis                                                                     | Jovis ... Tonantis                                                                            |
| πρὸς Ἄιδην                                     | ad infernum                       | ad inferos                                                            | ad orcum                                                         | ad inferos                                                                | ad inferas... umbras                                                                          |
| ὦ Ζεῦ                                          | o Juppiter                        | o Jupiter                                                             | o Juppiter                                                       | Optime / O Juppiter                                                       | summe o Juppiter                                                                              |
| αἰθήρ                                          | aether                            | coelum                                                                | o caelum                                                         | O magnus aether                                                           | o summe aether                                                                                |
| γᾶ<br>ματέρι                                   | terrae matri                      | terrae                                                                | patriae isti educatrici meae et altrici                          | terrae Atticae                                                            | telluri Atticae                                                                               |
| Ζεῦ                                            | Juppiter                          | o Jupiter Rex                                                         | o rex Juppiter                                                   | / Rex Juppiter                                                            | o Juppiter                                                                                    |

|                            |                                       |                                           |                                                                 |                                                                   |                                                   |
|----------------------------|---------------------------------------|-------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------|
| ἐναλίῳ<br>Ποσειδωνίῳ       | marino<br>Neptuno                     | marini Neptuni                            | Neptuno<br>aequoreo Deo                                         | maris / Deo....<br>Supremo... /<br>... Neptuno                    | aequoris...<br>Neptuno                            |
| Ἑρμῆς ὁ<br>πομπὸς          | Mercurius<br>dux                      | Mercurius<br>deductor                     | Agit Mercurius                                                  | Cyllenius /<br>Deductor                                           | Manium dux<br>Mercurius                           |
| νερτέρᾱ θεὸς               | inferior dea                          | inferorum Dea                             | tartari Dea                                                     | inferna... dea<br>примечание -<br>Proserpina                      | inferi Dea<br>lacus                               |
| τὰν ἄφανῃ<br>θεὸν          | obscuram<br>deam                      | caliginosam<br>Deam                       | obscuram...<br>Deam                                             | obscuram<br>deam<br>примечание -<br>Proserpina                    | opacae Divam<br>noctis                            |
| ἐννυχίων<br>ἄναξ           | nocturnorum<br>rex                    | inferorum<br>Rex                          | noctis... / Rex                                                 | o rex manium                                                      | qui evanidas<br>premis umbras<br>/                |
| Αἰδωνεῦ<br>Αἰδωνεῦ         | Pluto, Pluto                          | -                                         | o Pluto                                                         | Pluto                                                             | Tartaree Pluto                                    |
| ὦ Γᾶς παῖ καὶ<br>Ταρτάρου, | terrae fili, &<br>Tartari             | terrae &<br>Tartari filium                | o sate / Terra<br>simul & tartaro                               | o gnate terrae<br>ac Tartari<br>примечание:<br>gnate –<br>Cerbere | Telluris et<br>Erebi / Partus                     |
| εὐχλόου<br>Δήμητρος        | Euchloae<br>Cereris                   | frugiferae<br>Cereris                     | Euchloae<br>Cereris                                             | Graminiferae<br>Cereris                                           | Cereri                                            |
| Ζεὺς χθόνιος               | Juppiter<br>terrestris                | Jupiter<br>terrestris                     | terrestris...<br>Juppiter                                       | terrestris<br>Juppiter                                            | intremuit<br>humus (нет<br>упоминания<br>Юпитера) |
| πάντ' ἄϋων<br>Διὸς Ὀρκος.  | omnia<br>audiens Jovis<br>jusjurandum | jusjurandum<br>Jovis, quod<br>audit omnia | et haec, qui<br>jurejuranda<br>audit omnia,<br>Juppiter audivit | jusjurandum<br>Jovis, / Vulgo<br>quod audit<br>omnia              | quod cuncta<br>exaudit Jovis<br>jusjurandum       |

## Приложение 8. Перевод конструкции Genetivus absolutus.

### Пример 1)

строка 47:

**Sophocles:**

ὦ σχετλία, Κρέοντος ἀντειρηκότος;

**Hervetus:**

O misera, hoc ages, cum vetet Creon? (придаточное с cum)

**Gabia:**

O misera Creonte contradicente? (Abl. abs.)

**Winshemius:**

O misera, Creonte prohibente? (Abl. abs.)

**Ratallerus:**

Quid misera, cum Creon id inibuit, paras? (Придаточное с cum)

**Lalamantius:**

Creonte vetante, misera, facies? (Abl. abs.)

**Naogeorgus:**

Prohibente num Creonte? (Abl. abs.)

**Watsonus:**

O misera, si contrareum jubeat Creon? (Придаточное с si).

**Пример 2) строки 337-340:****Sophocles:**

θεῶν τε τὰν ὑπερτάταν, Γᾶν  
ἄφθιτον, ἀκαμάταν, ἀποτρύεται  
ἰλλομένων ἀρότρων ἔτος εἰς ἔτος  
ἱππεΐῳ γένει πολεῦων.

**Hervetus:**

...deumque supremam tellurem  
Integram, perpetuam,  
Excolit, rigidis feriens aratri, (Abl. instr.)  
Annuis equorum laboribus subigens

**Gabia:**

Deorumque supremam terram  
Incorruptibilem, infatigabilem  
Ferit agitatis aratri (Abl. abs.)  
Anno in annum, equino  
Genere vertens.

**Winshemius:**

Et summam Deorum terram  
Immortalem, indefessam,  
Proscindit circumactis aratri, (Abl. abs.)  
Singulis annis,  
Equorum genere exercens.

**Ratallerus:**

ac Deorum  
Summam, Tellurem incorruptam, &  
Indefessam obliquis  
Scindit aratri. (Abl. instr.)  
Annosque exercet per singulos,  
Equisque validis versat.

**Lalamantius:**

Idem Deorum maximam,  
Necnon & celeberrimam  
Tellurem, immarcessibilem  
et vel in defessam Deam

Aratris proscindentibus (Abl. abs.)

Et sauciente vomere  
Fatigat, & in singulos  
Sulcis semper voluentibus  
Exercet annos, sobole  
Pro scindente sonipedum,  
Et equis invertentibus  
Alumnae terrae glebular.

**Naogeorgus:**

Dum terram quoque  
Summam deorum, quae neque  
Lassatur aut corrumpitur.

Versis atris atterit, (Abl. abs.)

Annos dans per singulos  
Mulis.

**Watsonus:**

Deumque nobilissimam terram  
Assiduam, solidam,  
Subigit, terit vomere vulnifico, (Abl. instr.)  
Equorum genere auda-  
Ci colens quotannis.

**Пример 3) Строки 422-423:**

**Sophocles:**

καὶ τοῦδ' ἀπαλλαγέντος ἐν χρόνῳ μακρῷ,  
ἢ παῖς ὁρᾶται

**Hervetus:**

Longo hoc recessit ubi post sed tempore, (Verbum fin., perf.)  
Puella cernitur.

**Gabia:**

Et hoc recedente in tempore longo (Abl. abs.)  
Haec puella conspicitur.

**Winshemius:**

Et hoc vento sublato diu (Abl. abs.)  
Puella cernitur.

**Ratallerus:**

At cessante turbinis impetu (Abl. abs.)  
Postea puella cernitur.

**Lalamantius:**

quo longo post tempore  
tandem abeunte, puella conspicitur (Abl. abs.)

**Naogeorgus:**

atque tandem eo  
Post tempus ablato haud pusillum, cernitur (Abl. abs.)



Puella

**Watsonus:**

Post, temporis cessante spatio turbine, (Abl. abs.)

Visa est puella.

**Пример 4) Строки 911-912:**

**Sophocles:**

μητρὸς δ' ἐν Ἰδου καὶ πατρὸς κεκευθότων

οὐκ ἔστ' ἀδελφὸς ὅστις ἂν βλάστοι ποτέ.

**Hervetus:**

Sed cum pater mihi, & mater sunt mortui, (Придаточное с cum)

Non frater est ullus mihi, qui germinet.

**Gabia:**

Matre enim in inferno et patre occultatis (Abl. abs.)

Non est frater, qui nasceretur unquam.

**Winshemius:**

Sed matre & patre sepultis, (Abl. abs.)

Non potest iterum nasci frater.

**Ratallerus:**

Sed patre

Ac matre tenebroso obrutis Orco, haud queat (Abl. abs.)

Unquam mihi frater alius nasci.

**Lalamantius:**

At vero sepultis patreque matreque (Abl. abs.)

Haud alius unquam suscitari queat

Mihi frater.

**Naogeorgus:**

Patre atque matre apud inferos versantibus (Abl. abs.)

Nullus alius mihi nasceretur frater.

**Watsonus:**

Parente utroque Orco receptis, quis novum (Abl. abs.)

In posterum generare germanum potest?

**Пример 5)**

**Строки 1134-1135:**

**Sophocles:**

καὶ σε Νυσαίων ὀρέων

κισσήρεις ὄχθαι χλωρά τ' ἄκτᾱ

πολυστάφυλος πέμπει,

ἀμβρότων ἐπέων

εὐαζόντων Θηβαΐας ἐπισκοποῦντ' ἀγυΐας:

**Hervetus:**

Te Nysseorum hederis

Jugorum convestitae ripae,

Gravesque racemis  
Dulcibus modulis deducunt, (Abl. instr.)  
Thebanas videas ut aedes.

**Gabia:**

Te Nyssaeorum montium  
Hederiferae ripae, virideque litus  
Vitiferum mittit,  
Immortalibus verbis celebrantibus (Abl. abs.)  
Thebanas speculantem vias.

**Winshemius:**

Et Nyssaeorum montium  
Haederacei tumuli, & virides colles,  
Vitiferi deducunt te  
Sonantibus Hymnis, (Abl. abs.)  
Thebanae urbis praesidem.

**Ratallerus:**

Ubi Castalius fons ex Nyssaeorum  
Montium hederacei  
Tumuli, viridesque & vitiferi  
Carmine resonanti (Abl. instr.)  
Deducunt te colles,  
Thebanae urbis praesidem.

**Lalamantius:**

Quin Nissaeorum montium  
Decluvia juga, hederam  
Operta, & litus viridans  
Uvaeque semper fertilis  
Te mittit (immortalibus  
Decantatis passim in tuum,  
Bacche, honorem carminibus). (Abl. abs.)  
Visitantem instar praesidis  
Latas Thebanae urbis vias.

**Naogeorgus:**

Nyssaeque ripae hederaciae  
Viridesque te atque vitibus  
Ubique consitae petrae  
Comitantur, immortalibus (с предлогом cum)  
Cum cantibus Bacchantium,  
Thebana quando compita  
Invisis

**Watsonus:**

Nissaeae ripae, & florens litus  
Racemiferum laetis  
Cantionibus effusis mittunt (Abl. abs.)

Thebani Ducem soli potentem.

## Приложение 9. Способы перевода древнегреческих активных аористных причастий.

### Пример 1)

Ст. 409-410:

**Sophocles:**

πᾶσαν κόνιν σήραντες, ἣ κατεῖχε τὸν  
νέκυν, μυδῶν τε σῶμα γυμνῶσαντες εὖ,

**Hervetus:**

terra **remota**

pulchre **repurgatoque** glebis corpore

**Gabia:**

omnem pulverem **expurgantes**, putrefactumque  
cadaver **nudantes** bene

(На полях сноски: **Expurgantes** ) **detracto**, **Nudantes** ) **denudato**

**Winshemius:**

pulverem **verrentes**, quo tenebatur cadaver,  
et squalens corpus **nudantes**

**Ratallerus:**

**detersimus** mox pulverem

Taboque corpus diffluens **nudavimus**

(во второй редакции так же)

**Lalamantius:**

Pulverem excussimus foetensque & putridum

Corpus perpulchre nudatum reteximus

**Naogeorgius**

Omnemque scopis pulverem **deterimus** & corpus putre

**Nudavimus** probe,

**Watsonus**

Omnem **amoventes** pulverem

putremque **nudantes** cutem

### Пример 2)

Ст. 497:

**Sophocles:**

θέλεις τι μείζον ἢ κατακτεῖναι μ' ἐλὼν

**Hervetus:**

An quid petis majus, neci **quam me dare?**

**Gabia:**

Vis quid majus, quam interficere me **capiens?**

На полях сноски: **Capiens** ) **captam**.

**Winshemius:**

Visne aliquid, quam me **captam** occidere?

**Ratallerus:**

An majus aliquid **quam necare** me potes?

(во второй редакции так же)

**Lalamantius:**

Vis quid amplius, **quam comprehensam tollere**?

**Naogeorgius**

Visne amplius aliquid facere **quam occidere**?

**Watsonus**

Majusne quid vis, **quam neci captam dare**?

## Приложение 10. Сентенции, маркируемые переводчиками в трагедии «Антигона».

Таблица 10.1. Количество сентенций, маркируемых в трагедии «Антигона».

| сборник<br>сентенций<br>Марлиани | издание<br>Габио | издание<br>Лалемана | издание<br>Наогеорга | издание<br>Раталлера | издание<br>Уотсона |
|----------------------------------|------------------|---------------------|----------------------|----------------------|--------------------|
| 52                               | 17               | 33                  | 56                   | 48                   | 70                 |

### Наиболее популярные сентенции, маркируемые всеми переводчиками:

#### Пример 1)

Ст. 67-68, Исмена:

**Sophocles:**

τοῖς ἐν τέλει βεβῶσι πείσομαι: τὸ γὰρ  
περισσὰ πράσσειν οὐκ ἔχει νοῦν οὐδένα.

(«Я подчинюсь вступившим во власть: ведь  
Делать излишнее не имеет никакого смысла»).

**Marlianus:**

Magistratus gerentibus parendum est,  
Qui modum excedit, non mentis est compos.

(«Нужно повиноваться исполняющим государственные должности:  
Кто преступает меру, не владеет умом»).

**Gabia:**

Nam

Superflua facere, non habet mentem ullam.

(«Ведь делать излишнее не имеет никакого смысла»).

**Lalamantius:**

Nam audere & moliri majora viribus,  
Temeritas, & insignis amentiae est.

(«Ведь осмеливаться и замышлять то, что больше сил, — Безрассудство и свойственно безумию»).

**Naogeorgus:**

Nam quippiam aggredi supra vires, caret  
Ratione prorsus.

(«Ведь кто-либо, кто [хочет] выступить за пределы своих сил, лишён Разума совершенно»).

**Ratallerus:**

Vires supra quid aggredi dementia est.

(«Выступать в чём-то за пределы своих сил — это безумие»).

**Watsonus:**

Temere ad opus qui fertur, amentem puto.

(«Того, кто необдуманно несётся к делу, я считаю безумным»).

**Пример 2)**

**Ст. 175-183, Креонт:**

**Sophocles:**

ἀμήχανον δὲ παντὸς ἀνδρὸς ἐκμαθεῖν  
ψυχὴν τε καὶ φρόνημα καὶ γνώμην, πρὶν ἂν  
ἀρχαῖς τε καὶ νόμοισιν ἐντρίβῃς φανῇ.

(«Невозможно узнать душу, и образ мыслей, и ум всякого человека, прежде чем он не окажется сведущим (букв. «поистёртым») во власти и законах»).

**Marlianus:**

Fieri nam nequaquam potest, ut prius alterius  
Animum, prudentiamque & sententiam noris,  
Quam in magistratu, atque jure dicendo versatus videris.

(«Никоим образом не может быть так, чтобы ты узнал душу, и ум, и мнение другого, прежде чем увидел бы его в государственной должности или в объявлении закона»).

**Gabia:**

Impossibile autem omnis viri percipere  
Animumque, & sensum, & mentem, priusquam  
Imperiisque & legibus versans apparuerit.

(«Невозможно познать душу, и образ мыслей, и ум всякого человека, прежде чем он не повращается во власти и законах»).

**Lalamantius:**

At cujusvis est perdifficile hominis  
Mentem novisse, mores & prudentiam  
Nec quid quisquam gerat abditum latebris  
Animi, quis novisse poterit prius,  
Quam publico fuerit functus munere,  
Et probe versatus urbis in legibus.

(«Очень сложно узнать душу, характер и ум любого человека, и то, что каждый в секрете носит в затаённых уголках души, никто не может понять прежде, чем [этот человек] будет облечён общественной должностью и как следует повращается среди законов города»).

**Naogeorgus:**

Impossibile vero est, viri perdiscere  
Animumque mentemque prius ac sententiam,  
Quam principatu tritus atque legibus  
Appareat.

(«Невозможно, однако, изучить душу, и ум, и мнение мужа, Прежде чем он обвыкнется (букв. «окажется истёртым») в верховной власти и законах»).

**Ratallerus:**

At difficillimum puto viri ullius  
Perspicere penitus indolem, aut pernoscere  
Sensus, Magistratu nisi sit functus, &  
Bene Urbis ante exercitatus legibus.

(«Однако я считаю, что крайне сложно полностью постичь врождённые качества какого-либо мужа, или основательно узнать его чувства, если он не исполнял бы государственную должность, и прежде чем он изрядно позанимается законами города»).

**Watsonus:**

Aegre fit, ut cujusque calleas viri  
Sententiam, sensumque, & ingenium prius,  
Quam legibus praefectus imperium gerat.

(«Редко (букв. «нездорово») бывает, чтобы ты узнал какого угодно мужа мнение, и чувство, и врождённое свойство, прежде чем он, поставленный во главе законами, возобладает властью»).

**Пример 3)**

**Ст. 277, страж:**

**Sophocles:**

στέργει γὰρ οὐδεὶς ἄγγελον κακῶν ἐπῶν

(«Ведь никто не любит вестника плохих слов»).

**Marlianus:**

Tristium verborum nuntium nemo est qui amat.

(«Нет никого, кто любит вестника печальных слов»).

**Gabia:**

Amat nam nullus nuntium malorum verborum

(«Ведь никто не любит вестника плохих слов»).

**Lalamantius:**

Haud enim quisquam amet aut colat nuntium

Sinistrorum verborum malive ominis.

(«В самом деле, никто не любил бы и не почитал бы вестника Неблагоприятных слов или всякого зла»).

**Naogeorgus:**

Nemo siquidem mala nuntiantem diligit.

(«...так как никто сообщающего плохое не уважает»).

**Ratallerus:**

Nam nemo nuntia adferentem amat mala.

(«Ведь никто не любит приносящего плохие вести»).

**Watsonus:**

Verborum amat nemo malorum nuntium.

(«Никто не любит вестника плохих слов»).

**Таблица 10.2 – Количество сентенций, маркируемых в трагедии «Царь Эдип».**

| сборник<br>сентенций<br>Марлиани | издание Габио | издание<br>Лалемана | издание<br>Наогеорга | издание<br>Раталлера |
|----------------------------------|---------------|---------------------|----------------------|----------------------|
| 24                               | 1             | 4                   | 26                   | 33                   |

**Наиболее популярная сентенция, маркируемая всеми переводчиками:**

**Ст. 609-615, Креонт:**

**Sophocles:**

οὐ γὰρ δίκαιον οὔτε τοὺς κακοὺς μάτην  
χρηστοὺς νομίζειν οὔτε τοὺς χρηστοὺς κακοῦς.  
φίλον γὰρ ἐσθλὸν ἐκβαλεῖν ἴσον λέγω  
καὶ τὸν παρ' αὐτῷ βίοντον, ὃν πλεῖστον, φιλεῖ.  
ἀλλ' ἐν χρόνῳ γνώσει τάδ' ἀσφαλῶς, ἐπεὶ  
χρόνος δίκαιον ἄνδρα δείκνυσιν μόνος:  
κακὸν δὲ καὶ ἐν ἡμέρᾳ γνοίης μῖα.

(«Ведь несправедливо ни напрасно считать плохих полезными, ни полезных – плохими. Выгнать славного друга, я утверждаю, равно [тому, чтобы изгнать] собственную жизнь. Но со временем ты узнаешь это надёжно, так как лишь время показывает справедливого человека, плохого же ты узнаешь, пожалуй, и за один день»).

**Marlianus (ст. 609-610):**

Non aequum est, nec malos temere  
bonos, nec bonos malos esse, exisitimare.

(«Несправедливо необдуманно считать ни плохих хорошими, ни хороших плохими»).

**ст. 614-615:**

Solum tempus indicat virum bonum

malum autem vel uno die cognosces.

(«Лишь время показывает хорошего мужа; плохого же узнаешь в один день»).

**Gabia:**

Non nam justum, neque malos frustra  
Bonos existimare, neque bonos malos.  
Amicum nam bonum ejicere, æquale dico,  
Et apud seipsum vitam, quam plurimum amat.  
Sed in tempore cognosces haec tuto. quoniam  
Tempus justum hominem ostendit solum:  
Malum autem, & in die cognosceres una.

(«Ведь несправедливо ни напрасно считать плохих хорошими, ни хороших — плохими. Выгнать хорошего друга, я утверждаю, равно [тому, чтобы изгнать] собственную жизнь. Но со временем ты узнаешь это точно (букв. «безопасно»): Так как лишь время показывает справедливого человека, плохого же ты узнал бы и за один день»).

**Lalamantius:**

Nam pro malis bonos, contraque temere  
Pro bonis habere malos, censuerim  
Esse aequum nunquam, Quin aequè grave putem  
Quem frugi amicum sis nactus & candidum  
Relegare, illique domo interdicere  
Tua, ac ejus vitam qua nihil habeat  
Carius, petere. Quod tamen temporis  
Processu longe noris certius. Dies  
Quippe sola sincerum revelat virum  
Probumque. At vel una cognoris improbum  
Die.

(«Ведь я, пожалуй, никогда не считал бы справедливым необдуманно держать хороших за плохих, и наоборот, плохих за хороших, и действительно, одинаково тяжёлым считал бы сослать друга, которого ты приобрёл себе на пользу, и прекрасного, и запрещать ему [входить в] дом, и покушаться на его жизнь, которой нет у него ничего дороже. Ты, пожалуй, узнаешь это точнее позже, с ходом времени. Так как только время открывает искреннего и порядочного мужа, а бесчестного ты узнаешь, пожалуй, за один день»).

*Примечание: помимо того, что Лалеман существенно увеличивает размер оригинального текста, он понимает τὸν παρ' αὐτοῦ βίον как «его жизнь» вместо «собственную жизнь». Такой перевод мог быть связан с чтением παρ' αὐτοῦ вместо παρ' αὐτῷ, однако ни в editio princeps Мануция, ни в издании Турнеба такого чтения не встречается; впрочем, возможно, что Лалеман имел дело с рукописями, в которых отсутствовала акцентуация, и этим объясняется его неверное понимание указанного места.*

**Naogeorgus (ст. 609-610):**

Non enim aequum est, ut mali  
Qui sunt, boni temere putentur, aut boni



Mali.

(«Ведь несправедливо, чтобы, те, кто плох, необдуманно считались хорошими, или хорошие – плохими»).

**ст. 611-613:**

Bonum quippe ejicere amicum, puto  
Idem esse, vitam ac si quis ejiciat suam  
Quam maxime diligit.

(«Так как изгнать хорошего друга, я считаю, – то же самое, как если кто-то [изгнал бы] свою жизнь, которую больше всего ценит»).

**ст. 614-615:**

At haec cum tempore  
Tuto valebis nosse. Nam justum virum  
Duntaxat ostendit probatque tempus, at  
Malum vel una noveris tantum die.

(«И это со временем ты сможешь точно (букв. «безопасно») познать. Ведь справедливого мужа только время показывает и испытывает, плохого же узнаешь, пожалуй, всего в один день»).

**Ratallerus:**

id iniquum eft, improbos  
Temere bonos censere, quique boni, malos.  
Fidelem amicum ejicere, non minus graue  
Existimo, quam, qua omnibus carissima est,  
Vitam sibi propriam eripere. Sed tempus haec  
Faciet palam, certoque reteget, hoc enim  
Solum boni qui sunt, declarat, improbos  
Facile, vel uno omnes die, dignoveris.

(«Это несправедливо – необдуманно считать бесчестных хорошими и всех хороших – плохими. Верного друга изгнать, я считаю, не менее жестоко, чем вырвать себе собственную жизнь, которая всего дороже. Но время сделает это ясным, и точно откроет, ведь оно одно объявляет, кто хороший; бесчестных же ты распознаешь легко, всех в один день»).

**Таблица 10.3 – Количество сентенций, маркируемых в трагедии «Эдип в Колоне»:**

| сборник<br>сентенций<br>Марлиани | издание Габио | издание<br>Лалемана | издание<br>Наогеорга | издание<br>Раталлера |
|----------------------------------|---------------|---------------------|----------------------|----------------------|
| 23                               | 5             | 0                   | 35                   | 44                   |

## Пример перевода сентенции – Ст. 1534, Эдип:

### **Sophocles:**

θεοὶ γὰρ εὖ μὲν, ὅψ' δ' εἰσορῶσ', ὅταν  
τὰ θεῶν ἀφείη τις εἰς τὸ μαίνεσθαι τραπῇ

(«Ведь боги хорошо, хоть и поздно, замечают, [всякий раз] когда кто-то, отбросив божественное, обращается в неистовство»).

### **Marlianus:**

Tametsi Dii sero, animadvertunt tamen  
ubi quis stulte divina contemnit

(«Боги, хоть и поздно, однако обращают внимание,  
Когда кто-то неразумно презирает божественное»).

### **Gabio:**

Dii enim bene quidem , sero autem intuentur: quando  
Divina omittens quis, ad furendum versus fuerit.

(«Ведь боги, конечно, хорошо, однако поздно обращают внимание, [всякий раз] когда кто-то, отбросив божественное, обращается в неистовство»).

### **Naogeorgus:**

Nam dii bene quidem , at intuentur tardius,  
Cum jure quis divino omisso, vertitur  
Pravum ad furem.

(«Ведь боги, конечно, хорошо, хоть и позже, обращают внимание, когда кто-то, оставив божественное право, обращается к дурному неистовству»).

### **Ratallerus:**

Magnos nihil fugit Deos: tarde licet  
Veniat, venit tamen horrido pedem caelitus  
Delapsa tandem poena, eosque corripit,  
Pietate qui spreta, atque honesti vinculis  
Ruptis ruunt dirum in furem.

(«Ничто не бежит великих богов: пусть и поздно приходит, однако приходит наконец с неба ужасной стопой ниспадающее наказание и хватает тех, кто, презрев благочестие и разорвав оковы нравственности, кидаются в страшное неистовство»).

*Примечание: здесь Раталлер, как и в некоторых других местах, позволяет себе существенные вольности: так, в его переводе появляется наказание, которое «приходит ужасной стопой» и «обрушивается с неба»; те же, кому это наказание предназначается, не просто «отбрасывают божественное», как в оригинале, но также «разрывают оковы нравственности». Тем не менее, в отличие от Лалемана, у Раталлера такие авторские дополнения встречаются существенно реже.*

### **Приложение 11. Предисловие к «Шествиям» Уотсона:**

Haec mea si quicquam placuit translatio, Comes

Inclyte; materies aut bona si qua subest:

Haec mea pompa simul placeat prositque legenti,

Quam totam Antigones fabula tristis habet.

Insuper apposui pompis, quae digna notatu,

Themata; quaeque probes utilitate sua,

Tu dignare igitur vultu lustrare benigno,

Quod dedit ignoti Musa benigna viri.

Русский перевод:

«Если кому-нибудь понравился мой перевод,

Прославленный спутник, или если есть в нём что-то полезное,

Пусть это моё шествие (которое целиком устраивает печальный сюжет «Антигоны») также понравится и будет на пользу читателю.

Вдобавок я присовокупил к шествиям темы, которые достойны упоминания.

Итак, соизволь рассмотреть с благосклонным лицом то,

Что дала благосклонная Муза незнатного мужа».

## **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

Ant. – Antigone

Arist. – Aristoteles

Cic. – Cicero

N.D. – De natura deorum

OC – Oedipus Coloneus

OT – Oedipus Tyrannus

Poet. – Poetica

Rhet. – Rhetorica

Soph. – Sophocles

## ЛИТЕРАТУРА

### *Тексты и переводы трагедий Софокла:*

1. Gabia, J. B. Sophoclis tragoediae omnes, nunc primum Latine ad verbum factae, ac Scholiis quibusdam illustratae, Ioanne Baptista Gabia Veronensi interprete. – Venetiis (Venice): Apud Io. Baptistam a Burgofranco Papiensem, 1543. – 398 p.
2. Hervet, G. Gentiani Herveti Aurelii quaedam opuscula. – Lugduni (Lyon): Apud Stephanum Doletum, 1541. – 190 p.
3. Lalamantius, J. Sophoclis tragicorum veterum facile principis Tragoediae, quotquot extant, septem... nunc primum Latine factae, & in lucem emissae per Ioannem Lalamantium. Lutetiae (Paris): Apud Michaellem Vascosanum, 1557. – 648 p.
4. Naogeorgus, Th. Sophoclis Tragoediae septem, Latino carmine reditae, & Annotationibus illustratae, per Thomam Naogeorgum Straubingensem. – Basileae (Basel): Per Ioannem Oporinum, 1558. – 518 p.
5. Ratallerus, G. Tragoediae Sophoclis quotquot extant carmine latino redditae Georgio Ratallero. – Antverpiae (Antwerp): Apud Ioannem Bellerum, 1584. – 540 p.
6. Ratallerus, G. Tragoediae Sophoclis quotquot extant carmine latino redditae Georgio Ratallero. – Antverpiae (Antwerp): Ex officina Gulielmi Silvii, typographi Regii, 1576. – 486 p.
7. Rotallerus G. Sophoclis Ajax Flagellifer, et Antigone, ejusdem Electra, Georgio Rotallero interprete. – Lugduni (Lyon): Apud Seb. Gryphium, 1550. – 244 p.
8. Sophocles. Oedipus Rex / R.D. Dawe, ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 260 p.
9. Sophocles. Plays and fragments, Part 2: The Oedipus at Colonus of Sophocles / R. Jebb, ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1899. –
10. Sophocles. Sophoclis Antigone tertium edidit R.D. Dawe. – Stutgardiae et Lipsiae (Stuttgart, Leipzig): B.G. Teubner, 1996. – 72 p.
11. Sophocles. Sophoclis Oedipus Rex. Recognovit Maurus Augustus. – M.: Typ. acad. Moscoviensis, 2016. – 75 p.

12. Sophocles. The Oedipus Coloneus. With a commentary, abridged from large edition of sir Richard Jebb by E.S. Shuckburgh. – Cambridge: Cambridge University Press, 1955. – 298 p.
13. Sophocles. The text of the seven plays / R.C. Jebb, ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1897. – 354 p.
14. Sophocles. Vol. 1: Oedipus the king, Oedipus at Colonus, Antigone. Translated by F. Storr. Loeb Classical Library. – London; New York: Harvard University Press, 1912. – 434 p.
15. Sophocles. ΣΟΦΟΚΛΕΟΥΣ ΤΡΑΓΩΔΙΑΙ ΕΠΤΑ ΜΕΤ’ ΕΞΗΓΗΣΕΩΝ. Sophoclis Tragaediae septem cum commentariis. – Venetiis (Venice): Aldus Manutius, 1502. – 403 p.
16. Sophocles. ΣΟΦΟΚΛΕΟΥΣ ΤΡΑΓΩΔΙΑΙ... ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΤΟΥ ΤΡΙΚΛΙΝΙΟΥ Περὶ μέτρων οἷς ἐχρήσατο Σοφοκλῆς, Περὶ σχημάτων, Σχόλια. Parisiis (Paris): Apud Adrianum Turnebum typographum Regium, 1552/1553. – 494 p.
17. Watsonus, Th. Sophoclis Antigone interprete Thoma Watsono. – Londini (London): Excudebat Iohannes Wolfius, 1581. – 68 p.
18. Winshemius, V. Interpretatio tragoediarum Sophoclis ad utilitatem juventutis quae studiosa est Graecae linguae edita a Vito Winshemio. – Francoforti (Frankfurt am Main): excudebat Petrus Brubachius, 1549. – 415 p.
19. Софокл. Антигона. Пер. с древнегреч. Алексея Парина. – М.: Аграф, 2016. – 176 с.
20. Софокл. Драмы. В пер. Ф.Ф. Зелинского / М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо, ред. – М.: Наука, 1990. – 602 с.
21. Софокл. Трагедии. В пер. С.В. Шервинского. – М.: Художественная литература, 1988. – 493 с.
22. Софокл. Царь Эдип. Пер. с древнегреч. Григория Стариковского. – М.: Аграф, 2021. – 192 с.

### ***Справочные издания и словари:***

23. История всемирной литературы: в 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. редкол.: Г. П. Бердников (гл. ред.) [и др.]; [авт. вступ. замечаний Ю. Б. Виппер]. – Москва: Наука, 1983 – Т. 3 / редкол.: Н. И. Балашов (отв. ред.) [и др.]. – 1985. – 816 с.
24. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
25. Культура Возрождения: энциклопедия: в двух томах / [ред. кол.: Н.В. Ревякина (отв. ред.) и др.]. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1: А – К. – 2007. – 863 с. Т. 2, кн. 1: Л–П / отв. ред. – О.Ф. Кудрявцев (отв. ред.) [и др.]. – 2011. – 662 с. Т. 2, кн. 2: Р–Я / редкол. : отв. ред. – О.Ф. Кудрявцев [и др.]. – 2011. – 709 с.
26. Солопов, А.И. Начала латинской стилистики. – М.: Индрик, 2008. – 695 с.
27. Черный Э. Греческая грамматика. Часть I. Греческая этимология. Часть II. Греческий синтаксис. / Под ред. Д.В. Бугая. – М.: Академический проспект, 2008. – 800 с.
28. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XL / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгаузь-Ефронъ, 1904. – 576 с.
29. Allgemeine Deutsche Biographie. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humbolt, 1875-1912.
30. Allgemeines Gelehrten-Lexicon / Ch. G. Jöcher – Leipzig: In Johann Friedrich Gleditschens Buchhandlung, 1751. – 1178 p.
31. Catalogus Translationum Et Commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries: Annotated Lists and Guides: Volume XII: Ovid / Coulson, F.T., Anderson, H., Levy, H.L., Dinkova-Bruun, Gr., Hankins, J., Gaisser, J.H., ed. – Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2022. – 596 p.
32. Dictionarius Graecus, praeter omnes superiores accesiones... locupletatus per... Jacobum Ceratinum / J. Ceratinus. – Basileae (Basel): In aedibus Io. Froben., 1524. – 520 p.
33. Dictionary of National Biography / L. Stepen, ed. – London: Elder Smith & Co, 1885-1900.

34. Dizionario Biografico degli Italiani / F. Pintor, A. Frugoni, A.M. Ghisalberti, ed. – Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 1998.
35. Lexicon Sophocleum / F. Ellendt Olms. – Oxford: D.A. Talboys, 1841. – 299 p.
36. Encyclopedia of Renaissance Philosophy / M. Sgarbi, ed. – Dordrecht: Springer International Publishing, 2022
37. Lexicon Graecolatinum novissime ab innumeris mendis recognitum, & insigni accessione auctum per Conradum Gesnerum / C. Gesnerus. – Basileae (Basel): Ex officina H. Curionis, 1545. – 932 p.
38. A Greek-English Lexicon / H. G. Liddell, R.A. Scott. – New York: Harper & Brothers, 1883. – 1790 p.
39. Neue Deutsche Biographie. In 27 vol. – Berlin: Duncker & Humbolt, 1953-2020.
40. Oniga, R. Latin: a Linguistic Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 368 p.
41. Oxford Latin Dictionary / A. Souter, C. Bailey, J. M. Wyllie, P.G.W. Glare, ed. – Oxford: Clarendon Press, 1968. – 2126 p.
42. A catalogue of books printed by Aldus Manutius Romanus and his successors. – Payne and Foss, 1840.
43. Netherlandish Books: Books Published in the Low Countries and Dutch Books Published Abroad Before 1601 / Pettegree A., Walsby M., ed. – Leiden, Boston: Brill, 2011. – 1451 p.
44. Smyth, H.W. A Greek Grammar for Colleges. – New York: American Book Company, 1920. – 784 p.
45. Ciceronianum Lexicon Graecolatinum / H. Stephanus – Genevae (Geneva): Ex officina Henrici Stephani Parisiensis typographi, 1557. – 328 p.
46. Thesaurus graecae linguae ab Henrico Stephano constructus / H. Stephanus. – Genevae (Geneva): Excudebat Henr. Stephanus, 1572. – 1038 p.
47. The Catholic Encyclopedia: An International Work of Reference on the Constitution, Doctrine, Discipline, and History of the Catholic Church / Ch.G. Herberman, E.A. Pace, C.B. Pallen, Th.J. Shanan, J.J. Wynne, ed. – New York: The Encyclopedia Press, 1907-1914.



48. Biographisch woordenboek der Nederlanden, bevattende levensbeschrijvingen van zoodanige personen, die zich op eenigerlei wijze in ons vaderland hebben vermaard gemaakt. Vol. 9 / A.J. Van der Aa. – Haarlem: J.J. Van Brederode, 1860. –

***Исследования:***

49. Алексеева, И.С. Введение в перевод: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
50. Ананьина, М.А., Ускова, Б.А. Трудности передачи лингвокультурной информации при переводе аллюзий на русский язык // *Lingua mobilis*. – 2014. – № 2 (48). – С. 21-25.
51. Андреев, М.Л., Хлодовский, Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. – М.: Наука, 1988. – 296 с.
52. Антонец, Е.В. «Ватиканский Вергилий»: миниатюра и текст (Verg. Aen. IV 60-61) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – 2014. – № 18. – С. 3-12.
53. Баткин, Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. – М. : РГГУ, 1995. – 448 с.
54. Берве, Г. Тираны Греции. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – 640 с.
55. Борисенко, Д.С. Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе» как пример ренессансной теории латинского перевода // *Филологический аспект*. – 2022. – № 1 (81). – С. 24-30.
56. Вальтер, З.В. Лексико-семантическое поле «власть» в церковнославянских переводах с польского языка XVI–XVII вв. К проблеме адаптирующего перевода // *Stephanos*. – 2013. – № 6 (56). – С. 72-79.
57. Винничук, Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. Пер. с польск. В.К. Ронина. – М.: Высшая школа, 1988. – 496 с.
58. Гак, В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 764 с.

59. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник. – Москва: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.
60. Гаспаров, М.Л. Брюсов и буквализм / М.Л. Гаспаров // Поэтика перевода. – М.: Радуга, 1988. – С. 29-62.
61. Гаспаров, М.Л. О переводимом, переводах и комментариях // Литературное обозрение. – 1998. – № 6. – С. 46.
62. Гаспаров, М.Л. Поэзия Иоганна Секунда // Эразм Роттердамский. Стихотворения. Иоганн Секунд. Поцелуи. М.: Наука, 1983. – С. 256-272.
63. Герчук, Ю.Я. История графики и искусства книги: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 320 с.
64. Гоциридзе, Д.З., Хухуни, Г.Т. Возрождение и Реформация в истории перевода и переводческой мысли. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1994. – 111 с.
65. Гринцер, Н.П. Политический смысл «Эдипа-царя»: нужен ли ответ на вечный вопрос? // Шаги/Steps. – 2017. – №4. – С. 76-92.
66. Гуревич, А.Я. Exempla: литературный жанр и стиль мышления / А.Я. Гуревич // Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М.: Искусство, 1989. – С. 5-18.
67. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
68. Евдокимова, Л.В. Перевод и подражание: литературная теория и практика (вступительные замечания) // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения / Под ред. Л.В. Евдокимовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 3-11.
69. Заболотный, Е.А. Наследие Феодора и Диодора: греческий оригинал, сирийские и латинские переводы // Вестник ПСТГУ. Серия 3: филология. – 2021. – № 69. – С. 53-67.
70. Забудская, Я.Л. Античные истоки пятиактного деления драмы // Вестник Московского университета. – 2018. – Серия 9. Филология. № 1. – С. 74-84.

71. Забудская, Я.Л. Функциональное значение хора в жанровой структуре греческой трагедии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Забудская Яна Леонидовна. – М., 2001. – 191 с.
72. Забудская, Я.Л. Элементы гимнической структуры в хоровых песнях греческой трагедии // Вопросы классической филологии. Вып. XIII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 80-94.
73. Забудская, Я.Л. Язык и стиль художественного перевода (на материале переводов «Агамемнона» Эсхила) // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М., 2007. – С. 697-698.
74. Зелинский, Ф.Ф. Софокл и героическая трагедия / Ф.Ф. Зелинский // Софокл и его трагедийное творчество. Научно-популярные статьи. – СПб., 2017. – С. 9-104.
75. Казакова, Т.А. Художественный перевод: Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 112 с.
76. Кузнецов А.Е. Латинская метрика. – Тула: Гриф и К, 2006. – 554 с.
77. Куприянова, А.А. Distributio (‘разделение’) как одна из «фигур мысли» в «Риторике для Геренния» (I в. до н.э.). Рефлексы в современном гуманитарном знании // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 2. – Минск: «ИВЦ Минфина», 2016. – С. 95-99.
78. Ленская, В.С. Архонт-басилевс в Афинах // Вестник древней истории. – 2001. – № 4 (239). – С. 126-141.
79. Лозинский, М.Л. Искусство стихотворного перевода // Багровое светило. – М., 1974. – 216 с.
80. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М.: Мысль, 1998. – 750 с.
81. Любжин, А.И. Рецепция римской литературы в России XVIII – начала XX века. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Любжин Алексей Игоревич. – М., 2012. – 439 с.

82. Любжин, А.И. Сирий Италик: к истории рецепции // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2012. – № 16. – С. 474-485.
83. Максимович, К. А. Техника ранних славянских переводов с латыни (на материале пенитенциала «Заповеди святых отец») // Byzantinoslavica. – 2006. – Т. LXIV. – С. 125-152.
84. Максимович, К.А. Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Максимович Кирилл Александрович. – М., 2007. – 43 с.
85. Маркиш, С.П. Знакомство с Эразмом из Роттердама. – М.: Художественная литература, 1971. – 222 с.
86. Медведев, И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. – 255 с.
87. Микова, С.С. Теория и практика письменного перевода: Учебное пособие / С.С. Микова, В.В. Антонова, Е.В. Штырина. – М.: Российский университет дружбы народов, 2013. – 330 с.
88. Михайлова, А.Ф. Судьба в структуре трагедии Софокла «Царь Эдип» // Вопросы классической филологии. Вып. XIII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 64-74.
89. Мостовая, В. Г. Функция сентенций в гомеровском эпосе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Мостовая Вера Геннадиевна. – М., 2008. – 247 с.
90. Муханова, В.В. О природе вариативности абсолютных конструкций в греческом языке // Вопросы классической филологии. Выпуск XIII. Argumenta classica: труды молодых учёных. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 136.
91. Муханова, В.В. Употребление причастий у Плутарха // Вопросы классической филологии. Вып. XIII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 249-255.
92. Некрасова, И.А. Похождения «Блудного сына» на театральных подмостках XVI столетия // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2. – С. 206-212.

93. Некрасова, И.А. Театральный жанр моралите и духовные конфликты XVI века // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – № 2 (4). – С. 1088-1093.
94. Некрасова, И.А. Эволюция библейской драмы в Западной Европе XVI-начала XVII вв. // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры. Сборник докладов XXIV Международных Кирилло-Мефодиевских чтений. – Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2019. – С. 226-229.
95. Никольский, Б.Н. Политический смысл и художественная структура «Андромахи» Еврипида // Вестник древней истории. – 2014. – № 4. – С. 20-40.
96. Осинковский, И.Н. Эразм Роттердамский и Томас Мор: из истории ренессансного христианского гуманизма. – М.: МГПУ, 2006. – 217 с.
97. Перепечкин, К.В. Развитие издательской стратегии Иоганна Фробена (1491-1527) // Средние века. – № 77 (1-2). – С. 313-343.
98. Пимонов, В.И. Разгадал ли Эдип загадку Сфинги? // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2019. – Т.21, № 3. – С. 71-78.
99. Пичугина, В.К. Homo ineptus или homo sapiens: Иоанн Стобей и его универсальное знание в образовательном пространстве Поздней Античности // НУРОТНЕКАΙ. – 2019. – № 3. – С. 87-103.
100. Подосинов, А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. – 2012. – № 5. – С. 72-113.
101. Преснова, Н.В. Греческие теонимы и их латинские соответствия (на материале переводов трагедии Софокла «Эдип в Колоне», выполненных в XVI веке) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2024. – № 28-2. – С. 1295-1304.
102. Преснова, Н.В. Латинские ренессансные переводы «Эдипа в Колоне»: ad verbum и ad sensum // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), № 4, 2023. – С. 103-112.

103. Преснова, Н.В. Названия глав государств в трагедиях Софокла (на материале латинских переводов «Антигоны» и «Эдипа-царя», XVI в.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2023. – № 27-2. – С. 936-945.
104. Преснова, Н.В. Особенности перевода сентенций (на материале латинских переводов «Антигоны» Софокла в XVI в.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2022. – № 26-2. – С. 977-986.
105. Ревякина, Н.В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV-XV веков. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. – 255 с.
106. Ревякина, Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения (XIV – первая половина XV в.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Нина Викторовна Ревякина. – Новосибирск, 1979. – 413 с.
107. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2010. – 237 с.
108. Рыбин, В.А. Гуманизм как этическая категория. – М.: Логос, 2004. – 269 с.
109. Савельева, О.М. Τίμωρεῖν / τίμωρεῖσθαι: «защищать» или «мстить»? // Вопросы классической филологии. Вып. XIII. ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ = Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 207-214.
110. Сергеев, М.Л. Греческо-латинские лексиконы XVI в. в оценках лексикографов того времени // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2018. – XXII – С. 1213-1230.
111. Смирин, М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли. – М.: Наука, 1978. – 236 с.
112. Смирнова, А.С. Переводы из Цицерона в Кратком руководстве к красноречию Михаила Ломоносова // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 1172-1186.
113. Соколов, В.А. Гуманизм и библиотеки: к постановке проблемы // Вестник культуры и искусств. – 2011. – № 4 – С. 6-8.

114. Теперик, Т.Ф. «Антигона» Софокла в переводе Аполлона Григорьева: проблемы поэтики // Русская словесность. – 2023. – № 1. – С. 55-61.
115. Теперик, Т.Ф. «Электра» Еврипида в переводе М.Л. Гаспарова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – XV. – 2011. – С. 497-506.
116. Теперик, Т.Ф. Борис Пастернак: поэтика перевода (на материале стихотворения Горация «К Помпею Вару») // Вестник культурологии. – 2006. – № 3. – С. 85-96.
117. Теперик, Т.Ф. Мотивы власти в древнегреческой трагедии («Электра» Софокла) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2022. – № 3 (51). – С. 154-170.
118. Теперик, Т.Ф. Перевод как форма рецепции (на материале античных авторов) // Осенние коммуникативные чтения – 2018. – Т.1: сборник статей Международной научно-практической конференции. – М., 2020. – С. 193-201.
119. Теперик, Т.Ф. Поэтика перевода и поэтика мотива: «Эдип-царь» в переводе Д.С. Мережковского // Мережковские и Европа. – М. : ИМЛИ РАН. – 2023. – С. 46-59.
120. Теперик, Т.Ф. Функция сентенций в трагедиях Софокла: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Теперик Тамара Фёдоровна. – М., 1984. – 258 с.
121. Фонкич, Б.Л. О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла // Византийский временник. – 1964. – Т. XXIV. – С. 109-120.
122. Фролов, Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2001. – 602 с.
123. Чемберлин, Э. Эпоха Возрождения. Быт, религия, культура. – М.: Центрполиграф, 2006. – 237 с.
124. Чуковский, К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода / К.И. Чуковский // М.: Искусство, 1964. – С. 356.
125. Шабага, И.Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестник Московского университета. – М., 2009. – Сер.22. Теория перевода, № 2. – С. 21-37.

126. Школьников, О. Ю. Рерайтинг А. Баррико «Гомер. Илиада»: эволюция рецепции классической литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2021. – №4. – С. 86-98.
127. Школьников, О.Ю. Русская литература в Италии и итальянская литература в России: влияние «внешних» факторов // Учёные записки орловского государственного университета. – Орёл, 2015. – том 1, № 64. – С. 229-233.
128. Школьников, О.Ю. Французское «Житие святого Этьена де Мюре»: историко-лингвистическое исследование текста и проблемы установления его рукописной традиции: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05 / Школьников Ольга Юрьевна. – М., 2009. – 517 с.
129. Эткинд, Е.Г. Поэзия и перевод. – М.: Советский писатель, 1963. – 431 с.
130. Ярхо, В.Н. Рок. Грех. Совесть. (К переводческой трактовке древнегреческой трагедии) / В.Н. Ярхо // Древнегреческая литература: Собрание трудов в 4-х т. Т. 2: Трагедия. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 306-331.
131. Ярхо, В.Н. Трагический театр Софокла / В.Н. Ярхо // Древнегреческая литература: Собрание трудов в 4-х т. Т. 2: Трагедия. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 77-125.
132. Ярхо, В.Н. Ф.Ф. Зелинский – переводчик Софокла / В.Н. Ярхо // Софокл. Драмы. – М.: "Наука", 1990. – С. 509-541.
133. A Companion to Sophocles / Ormand, K., ed. – Blackwell Publishing, 2015. – 624 p.
134. Abbamonte, G., Harrison S. Making and Rethinking the Renaissance: Between Greek and Latin in 15<sup>th</sup> -16<sup>th</sup> Century Europe. – Oxford: De Gruyter, 2019. – 271 p.
135. Andrés, G.H. Los términos "princeps, imperator y dux" a final de la república y principios del imperio romano: Tesis de Doctorado / Grogorio Hinojo Andrés.– Salamanca, 1976. – 410 p.
136. Audet, St. Agathocle de Sicile. Titres et pouvoir d'un acteur politique méditerranéen de la haute époque hellénistique (330-289 a.C.). – Québec: Université Laval, 2020. – 129 p.



137. Bietenholz, P.G., Deutscher Th.B. Contemporaries of Erasmus. A biographical Register of the Renaissance and Reformation. Vol. 1-3. – Toronto: University of Toronto Press, 2003. – 1495 p.
138. Billanovich, G. La tradizione del testo di Livio e le origini dell'Umanesimo. – Padova (Padua): Editrice Antenore, 1981. – 638 p.
139. Binns, J.W. Latin Translations from Greek in the English Renaissance // *Humanistica Lovaniensia*. – 1978. – № 27. – P. 128–159.
140. Botley, P. Latin Translation in the Renaissance: the theory and practice of Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti, Desiderius Erasmus. – Cambridge / New York: Cambridge University Press, 2004. – X + 208 p.
141. Botley, P. Learning Greek in Western Europe 1476–1516 / C. Holmes, J. Waring, ed. // *Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beyond*. – Leiden-Boston-Köln: Brill, 2002. – P. 199-223.
142. Botley, P. Three Very Different Translators: Joseph Scaliger, Isaac Casaubon and Richard Thomson // *The Canadian Review of Comparative Literature*. – 2014. – Vol. 41, № 4. – P. 477-491.
143. Cantore, A.G. L'Aegidius di Giovanni Pontano: L'approdo religioso di un uomo politico / A. Steiner-Weber, K.A.E. Enenkel, ed. // *Acta Conventus Neo-Latini Monasteriensis: Proceedings of the Fifteenth International Congress of Neo-Latin Studies (Münster 2012)*. – Leiden: Brill, 2015. – Pp.150-159.
144. Carlier, P. La royauté en Grèce avant Alexandre. – Strasbourg: AECR, 1984. – xiv + 562 pp.
145. Clair, C. A history of European Printing. – London: Academic Press, 1976. – 526 p.
146. Collison, R. Encyclopedias: Their History throughout the Ages. – New York and London, 1964. – 319 p.
147. Copeland, R. Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Translations and Vernacular Texts. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – XIV + 295 p.

148. Dawe, R. D. *Studies on the text of Sophocles*. Vol. 3. – Leiden, E.J. Brill, 1978. – 152 p.
149. Dawe, R.D. *Studies on the text of Sophocles*. Vol. 1. – Leiden: E.J. Brill, 1973. – 273 p.
150. Elton, W.R. *King Lear and the Gods*. – Lexington: University Press of Kentucky, 2014. – 384 p.
151. Febvre, L., Martin, H.-J. *The Coming of the Book: The Impact of Printing, 1450-1800*. Translated by D. Gerard – London: Verso, 2010. – 378 p.
152. Gruys, J.A. *The Early Printed Editions (1518-1664) of Aeschylus. A Chapter in the History of Classical Scholarship*. – Leiden: Brill, 2024. – 368 p.
153. HaCohen-Kerner, Ya., Nissan, E. *Information Retrieval and Question Answering for Assisting Readers of the Late Antique to Medieval Corpora of the Aggadic Midrash // Language, Culture, Computation: Computational Linguistics and Linguistics: Essays Dedicated to Yaacov Choueka on the Occasion of His 75 Birthday, Part III*. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2014. – 884 p.
154. Hankins, J. *Latin translations of Plato in the Renaissance*. Dissertation / Hankins James. – New York, 1984.
155. Hankins, J. *Petrarch and the Canon of Neo-Latin Literature* / M. Feo, ed. // *Proceedings of the Conference Petrarca, l'Umanesimo e la civiltà europea: Florence, Italy, December 2004*. (“Quaderni Petrarqueschi” XV-XVI e XVII-XVIII. – 2012. – P. 905-922.
156. Havens, E. *Commonplace Books: A History of Manuscripts and Printed Books from Antiquity to the Twentieth Century*. – New Hampshire: University Press of New England, 2002. – 99 p.
157. Hawkins, J. *Charles Fantazzi and the Study of Neo-Latin Literature* / T. Kircher, L. Deitz, J.A. Reid, ed. // *Neo-Latin and the Humanities: Essays in Honour of Charles E. Fantazzi*. – Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2014. Pp. 33-45.
158. Helou, A.N. *Translation and Performance of Greek Tragedy in the Cinquecento*. – Providence: Brown University, 2007. – 124 p.

159. Hermans, Th. The task of the Translator in the European Renaissance / S. Bassnett, ed. // *Translating literature (Essays and studies)*. Cambridge: D.S. Brewer, 1997. – P. 14-40.
160. Hight, G. The Classical Tradition: Greek and Roman Influences on Western Literature. – Oxford: Oxford University Press, 1949. – 802 p.
161. Holmes, J.S. Translation Studies: The State of the Art: Proceedings of the First James S. Holmes Symposium on Translation Studies. – Amsterdam: Rodopi, 1991.
162. Houston, K. Shady characters: the secret life of punctuation, symbols & other typographical marks. – New York, London: W. W. Norton., 2013. – 352 p.
163. Jacques, J. Sophocles: A Study of His Theater in Its Political and Social context. – Princeton: Princeton University Press, 2018. – 896 p.
164. King, R. The Bookseller of Florence. Vespasiano Da Bisticci and the Manuscripts that illuminated the Renaissance. – Atlantic Monthly Press, 2021. – 496 p.
165. Lardinois, A. Greek Myths for Athenian Rituals: Religion and Politics in Aeschylus' 'Eumenides' and Sophocles' 'Oedipus Coloneus' // *Greek, Roman and Byzantine studies*. – 1992, № 33 (4). – Pp. 313-327.
166. Lloyd-Jones, H., Wilson N.G. Introduction // *Sophoclea: Studies on the text of Sophocles*. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – 282 p.
167. Lockwood, D.P. Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. – 1918. – Vol. 49. – P. 115-129.
168. Lowry, M. The World of Aldus Manutius: Business and Scholarship in Renaissance Venice. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1979. – 350 p.
169. Lucchi, Th. Die literarische Reflexion der reformatorischen Obrigkeitslehre im Werk Thomas Naogeorgs. – Saarbrücken: universaar, Universitätsverlag des Saarlandes, 2019. – 311 p.
170. Ludwig, W. Opuscula aliquot elegantissima des Joachim Camerarius und die Tradition des Arat / R. Kössling, ed. // *Joachim Camerarius*. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. – Pp. 97-132.

171. Mangan, J. J. Life, Character and Influence of Desiderius Erasmus of Rotterdam. Derived from a Study of His Works and Correspondence. Vol. 1. – New York: The Macmillan Company, 1927. – 404 p.
172. Mastroianni M. Le ‘Antigoni’ sofoclee del Cinquecento francese // Biblioteca dell’ ‘Archivum Romanicum’ Serie 1: Storia, Letteratura, Paleografia 316. – Florence, 2004. – 263 p.
173. Mastroianni, M. Trois interpretations de l’ «Antigone» de Sophocle: Gentien Hervet (1541), Georges Rataller (1550) et Jean Lallemand (1557) // *Anabases*, № 21. – Toulouse, 2015. Pp. 61-77.
174. Mavroudi, M. Translations from Greek into Latin and Arabic during the Middle Ages: Searching for the Classical Tradition // *Speculum*. – 2015. – Vol. 90, №1. – P. 28-59.
175. Meere, M. Onstage Violence in Sixteenth-century French Tragedy: Performance, Ethics, Poetics. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 233 p.
176. Miola, R.S. Early modern Antigones: Receptions, Refractions, Replays // *Classical Receptions Journal*. – 2014. – №6.2. – Pp. 221-244.
177. Miola, R.S. Early modern receptions of Iphigenia in Aulis // *Classical Receptions Journal*. – 2020. Vol. 12, № 3. – Pp. 279-298.
178. Moss, A. Printed commonplace-books and the structuring of Renaissance thought. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 358 p.
179. Natali, B. Pietas: Gods, Family, Homeland, Empire: Doctoral thesis / Natali Bryan. – Calgary, 2014. – 277 p.
180. Norton G. The ideology and Language of Translation in Renaissance France, and their Humanist antecedents. – Geneva, 1984. – 361 p.
181. Norton, G. Translation Theory in Renaissance France: Etienne Dolet and the Rhetorical Tradition // *Renaissance and Reformation*. – 1974. – №10. – Pp. 1-13.
182. O’Malley, J.W. Religious Culture in the Sixteenth Century: Preaching, Rhetoric, Spirituality, and Reform. – Aldershot: Variorum Publishing, 1993. – 294 p.
183. O’Malley, J. W. The Jesuits: a history from Ignatius to the Present. – New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. – 488 p.

184. Oxford Edition of Sophocles // The British Critic, and Quarterly Theological Review. – 1827. – Vol. 1. – Pp. 281-320.
185. Parker, R. The problem of the Greek cult epithet // *Opuscula Atheniensia*. – 2003. № 28. – Pp. 173-183.
186. Paschalis, M. Comparative Challenges: Homer and Theocritus into Latin, Virgil into Greek // *Mediterranean Chronicle*. – 2017. – Vol. 7. – Pp. 227-234.
187. Power of Form: Recycling Myths / A.R. Fernandes, P.B. Serra, P. B., R.C. Fonseca, ed. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015. – 250 p.
188. Print and Power in Early Modern Europe (1500-1800)v / H.J. Helmers, J. Cumby, N. Lamal, ed. – Leiden: Brill, 2021. – 462 p.
189. Rummel, E. Erasmus as a Translator of the Classics. – Toronto: University of Toronto Press, 1985. – 182 p.
190. Rummel, E. Erasmus as a Translator of the Classics. Toronto: University of Toronto Press, 1985. – 182 p.
191. Russ, L. Tragedy as Philosophy in the Reformation World. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 312 p.
192. Russell, W.M. Inventing the Critic in Renaissance England. – Newark: University of Delaware Press, 2020. – 264 p.
193. Ryan, C. Sophocles Sublimis // *Anabases*. – 2015. – №21. – P. 79-97.
194. Sabbadini, R. La scuola e gli stui di Guarino Guarini Veronese (con 44 documenti). – Catania: Tip. Francesco Galati, 1896. – 240 p.
195. Scully, S. Hesiod's Theogony: from Near Eastern Creation Myths to Paradise Lost. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 288 p.
196. Senegačnik, B. Humanistična branja Sofoklove Antigone in humanistično razumevanje humanega // *Primerjalna Knjizevnost*. – 2018. – №41.2. – Pp. 169-189.
197. Shumilin, M. Textual Notes on the Passio Nazarii, Celsi, Geruasii et Protasii (BHL 6043) // *Philologia Classica*. – 2022. – № 1. – P. 107-112.
198. Simon, A. Das Gesetz in Sophokles' Antigone // *Ereignis Literatur: Institutionelle Dispositive der Performativität von Texten*. Bielefeld, 2014. – Pp. 237-260.

199. Starnes, D.T. Renaissance Dictionaries: English-Latin and Latin-English. – Austin: University of Texas Press, 1954. – 427 p.
200. Sturel, R. Bandello en France au XVI<sup>e</sup> siècle. – Bordeaux: Feret & Fils, 1918 – 204 p.
201. Sturel, R. Essai sur les traductions du théâtre grec en français avant 1550 // *Revue d' Histoire littéraire de la France*. – 1913 – №3. – P. 637-666.
202. Sturel, R. Jack Amyot, traducteur des Vies paralleles de Plutarque. – Paris: Honoré Champion, 1908. – 646 p.
203. Sutton, D. F. Introduction // *The Complete Works of Thomas Watson*. – New York, 1996.
204. Teachers, students, and Schools of Greek in the Renaissance / F. Ciccolella, L. Silvano, ed. – Leiden: Brill, 2017. – 488 p.
205. The Cambridge Guide to World Theatre / M. Banham, ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 1104 p.
206. The Oxford Handbook of Neo-Latin / Knight, S., Tilg, S., ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 614 p.
207. The Politics of Translation in the Middle Ages and the Renaissance / Russell, D., Von Flotow-Evans, L., Blumenfeld-Kosinski, R., ed. – Ottawa: University of Ottawa Press, 2001. – 222 p.
208. The Reception of Aristotle's Poetics in the Italian Renaissance and Beyond: New Directions in Criticism / B. Brazeau, ed. London and New York: Bloomsbury Academic, 2020. – xii + 299 pp.
209. The Renaissance in Europe: an anthology / Elmer, P., Webb N., Wood R., ed. – New Haven and London: Yale University Press, 2000. – 412 p.
210. Theobald, L. Thomas Naogeorgus, der Tendenzdramatiker der Reformationzeit // *Neue kirliche Zeitschrift*. – 1905. – №17. – P. 410.
211. Tierney, M.C. A Syntactic Analysis of Negation in Latin: Negated Quantifier Phrases: Senior Honors Thesis / Maria C. Tierney. – New York, 2018. – 60 p.

212. Tilroe, W.A. The Ilias Latina: a study of the Latin Iliad, including translation, commentary and concordance: a dissertation... for the Degree Doctor of Philosophy. – Columbia, 1939. – 660 p.
213. Translating Ancient Greek Drama in Early Modern Europe: Theory and Practice (15th–16th Centuries) / edit. by Bastin-Hammou, M., Di Martino, G., Dudouyt, C., Lucy C. M. M. Jackson // Trends in Classics – Pathways of Reception. Vol. 5. – Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2023. – 361 p.
214. Turyn, A. Studies in the Manuscript Tradition of the Tragedies of Sophocles. – Roma: “L’Erma” di Bretschneider, 1970. – 217 p.
215. Turyn, A. The manuscripts of Sophocles // Traditio. – 1944. – Vol. 2. – Cambridge, 1944. – P. 1-41.
216. Turyn, A. The Sophocles recension of Manuel Moschopolus // Transactions of the American Philological Association. – №70. – P. 94-173.
217. Watsonus Th. The Complete Works of Thomas Watson. Ed. Dana F. Sutton. New York, 1996.
218. Weinberg, B. From Aristotle to Pseudo-Aristotle // Comparative Literature. – 1953. – №5(2). – Pp. 97-104.

#### ***Электронные ресурсы:***

219. An Analytic Bibliography of Online Neo-Latin Texts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philological.cal.bnam.ak.uk/bibliography/index.htm>
220. CERL Thesaurus (Consortium of European Research Libraries) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.cerl.org/>
221. Jeremy Norman’s Historyofinformation.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.historyofinformation.com/detail.php?id=4314>
222. Lebert M. History of translation and translators – from antiquity to the 20<sup>th</sup> century. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/translation-history/page/n59/mode/2up>
223. Perseus Digital Project [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper>

224. The Morgan-Owens Neo-Latin Lexicon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neolatinlexicon.org/>